

Н. Застенкер

РЕВОЛЮЦИЯ
1848
ГОДА
ВО
ФРАНЦИИ

*Учпедгиз
1949*

Н. ЗАСТЕНКЕР

РЕВОЛЮЦИЯ
1848
ГОДА
ВО
ФРАНЦИИ

Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства Просвещения РСФСР

МОСКВА
1949

416639

Наум Ефимович Застенкер

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года во ФРАНЦИИ

М.: Учпедгиз. 1948

Веб-публикация: [Vive Liberta - ИстМат](#)

тематически связанные материалы

<http://istmat.info/vive-liberta>

"Весна народов": европейские революции 1848-49 годов

и то, что этому предшествовало

<http://istmat.info/node/28559>

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ОТ АВТОРА	3
Глава I. КРИЗИС ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ ВО ФРАНЦИИ	5
Глава II. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	29
Глава III. ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО	54
Глава IV. ИЮньское ВОССТАНИЕ В ПАРИЖЕ	85
Глава V. ДИКТАТУРА БУРЖУАЗНЫХ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ	115
Глава VI. ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ	131
Глава VII. ПОРАЖЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ	150
Глава VIII. ГИБЕЛЬ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
33	14 снизу	наиболее энергич- ные группы	группы наиболее энергичных
36	23 снизу	квартала	улицы
80	9 снизу	батальонов	легионов
143	6 сверху	до наших дней в	в последующем
167	2 снизу	реакцией	реакционерами

КРИЗИС ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ ВО ФРАНЦИИ

ОТ АВТОРА

Революция 1848 года была одним из важнейших событий в истории XIX в., одной из самых поучительных страниц в летописях борьбы за демократию и освобождение рабочего класса.

Уроки этой революции тогда же, по свежим следам событий, были изучены и объяснены великими вождями пролетариата, творцами научного коммунизма Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Их гениальный анализ опыта классовой борьбы 1848 г. выдержал с честью испытание столетней давности, и последующие исторические исследования только подтвердили выводы Маркса и Энгельса.

Предлагаемый вниманию читателя очерк истории революции 1848 года во Франции — этого стержня всей европейской революции 1848 года — написан в связи с исполняющейся в текущем году столетней годовщиной этой революции. Выдающееся историческое и политическое значение этого юбилея не могло не вызвать нового интереса к революции, которая служит в течение целого века источником драгоценного опыта борьбы за демократию и социализм. Знаменательный юбилей нынешнего года только подчёркивает актуальное значение этого опыта для наших дней, для современной борьбы за демократию и социализм в странах капиталистического мира.

Наш очерк предназначен в первую очередь для учителей советской школы. Будучи научно-популярным трудом, очерк этот основан, в некоторых своих частях, на исследованиях автора, вошедших в подготовленный Институтом истории Академии наук СССР к печати том «Всемирной истории», посвященный революции 1848 года.

Иллюстрации из французской прессы 1848—1851 гг. для данного издания подобраны Е. Г. Денисовой.

Москва, март 1948 г.

Почему во Франции через полвека после буржуазной революции конца XVIII в. произошла новая буржуазно-демократическая революция?

Для ответа на этот вопрос читателю надо заглянуть в историю этих 53 лет, прошедших со времени французской революции 1789—1794 гг. «Франция, — отмечал Ф. Энгельс, — разгромила во время Великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с классической ясностью, с какой этого не сделала ни одна европейская страна»¹. Но открытое господство самой буржуазии, пришедшей к власти в результате революции, продолжалось во Франции недолго. История Франции показала, что в эпоху коренных общественных преобразований, сопровождающих рождение и развитие буржуазного общества и государства, буржуазия не может и не хочет осуществлять своё господство в чистом виде. Она предпочитает более замаскированные, затемнённые формы буржуазной диктатуры, менее опасные для буржуазии перед лицом трудящихся масс, активность которых так поднялась за время революции. К этому присоединялся и тот страх, который испытывала буржуазия от первых выступлений пролетариата против буржуазной частной собственности и эксплуатации. Вследствие этого буржуазия легко согласилась на замену своей непосредственной власти властью замаскированной — буржуазной военной диктатурой Наполеона. Правительством Наполеона должно было окончательно задуть революцию и сохранить только те её результаты, которые были выгодны крупной буржуазии. Выполняя эту программу буржуазной контрреволюции и обеспечивая упрочение и развитие нового буржуазного строя во Франции, бонапартистская диктатура сосредоточила, однако, власть непо-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 189—190.

средственно не в руках буржуазии, а в руках наполеоновского генералитета, нового, наполеоновского, дворянства и бюрократии. Но и после того как закончился период военной диктатуры Наполеона, так много сделавшей для упрочения и развития капитализма во Франции, буржуазия к власти не вернулась. 15-летний период буржуазного правления Наполеона (1799—1815), заполненный непрерывными завоевательными войнами и завершившийся полной катастрофой, сменился периодом дворянской монархии Бурбонов. Эти последние были навязаны Франции её победителями — реакционными европейскими державами. В этот период так называемой «реставрации» (1815—1830) во Франции к власти вернулось дворянство во главе с бежавшими из страны во время революции эмигрантами-аристократами. Дворянская монархия Бурбонов пыталась привлечь на свою сторону верхушку буржуазии, делала шаг на пути превращения в буржуазную монархию, но сохраняла за крупными землевладельцами-дворянами монополию власти. Она давала решительный отпор политическим притязаниям буржуазии и либералов, осуществляла контрреволюционный террор против демократических элементов мелкой буржуазии и явно стремилась вернуть страну к абсолютизму. Такая опасность объединила либеральные элементы буржуазии с демократическими силами страны на борьбу против дворянской монархии и дворянской реакции. В результате этой борьбы в июле 1830 г. во Франции произошла новая революция, покончившая с дворянской монархией. Последний король из династии Бурбонов, Карл X, бежал в Англию. Решающей силой этой «июльской революции» были парижские рабочие. Вместе со студентами и демократическими элементами мелкой буржуазии рабочие начали героическое восстание и в трёхдневном бою (27—29 июля 1830 г.) разгромили и опрокинули ненавистную народу монархию Бурбонов. Но плоды этой победы демократическим силам народа не достались. За спиной борющихся рабочих и студентов буржуазные либералы поспешили закончить революцию и заменили власть Бурбонов буржуазной монархией. Либералы вошли в соглашение с представителем младшей линии Бурбонов, герцогом Луи Филиппом Орлеанским. Он дал все требуемые от него буржуазией заверения и был провозглашён королём. Июльская революция закончилась «июльской монархией», которая обязалась вернуть буржуазию, после тридцатилетнего перерыва, к власти. Обеспечением этого должна была служить новая конституционная хартия. Эта последняя гарантировала буржуазии основные политические свободы и запрещала королевской власти всякие произвольные действия, идущие вразрез с волей избранного страной парламента. «Король царствует, но не управляет», — таков был девиз конституции июльской монархии, провозгласившей полное господство буржуазии и покорность новой королевской власти её воле. Однако эра буржуазных революций во Франции на этом далеко не кончилась.

Июльская монархия — господство финансовой аристократии. В действительности при июльской монархии всё же не произошло возвращения класса буржуазии к власти. Благодаря установленному высокому имущественному цензу для избирателей и депутатов парламента (уплата 200 франков прямых налогов в год для избирателей и не менее 500 франков налогов для права быть избранным) большая часть буржуазии — мелкая буржуазия, средние предприниматели и землевладельцы — оказалась лишённой избирательных прав. Следовательно, эта часть буржуазии не могла осуществлять через парламент своё влияние на государственные дела и контролировать правительство. Из 33½-миллионного населения тогдашней Франции только 225 тысяч человек имели избирательное право и составляли так называемую «легальную страну». «При Луи Филиппе, — указывал Карл Маркс, — господствовала не вся французская буржуазия, а лишь одна её фракция: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, собственники угольных копей и железных рудников, лесовладельцы и часть примыкающего к ним крупного землевладения — так называемая финансовая аристократия. Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные должности, начиная с министерства и кончая табачным бюро»¹.

Господство этого узкого верхнего слоя буржуазии не составляло никакой тайны для современников и неоднократно провозглашалось самими представителями финансовой аристократии. Банкир Лафитт после июльской революции открыто заявил о том, что «отныне наступает царство банкиров».

К правящему кругу буржуазии относились и крупнейшие фабриканты, владельцы шахт и рудников, тесно связанные с банками и финансистами. Знаете ли вы, кто составляет аристократию нашего общества? — спросил однажды в парламенте депутат Жобер, владелец металлургического завода, и ответил: — Это аристократия крупных промышленников. Вот феодальное дворян-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 4.

ство новой династии». Помимо банкиров и крупных предпринимателей, буржуазную аристократию составляли и самые крупные негоцианты, и судовладельцы. «Бордоская торговля, — писала одна из газет крупного порта и центра заморской торговли — Бордо, — имеет своих высоких баронов, своих герцогов, графов и маркизов».

Наконец, к лагерю финансовой аристократии принадлежали, в сущности, и представители царствовавшего Орлеанского дома. Луи Филипп был владельцем огромных денежных капиталов, вложенных во французские и иностранные банки и ценные бумаги. При этом «король-буржуа» не гнушался участием в биржевой игре и спекуляции.

Политика обогащения финансовой аристократии. В основе всей политики июльской монархии лежало стремление к всемерному обогащению узкого правящего слоя буржуазии, составлявшего «финансовую аристократию». Государственный бюджет рассматривался как прямой источник дохода банкиров, предпринимателей и буржуазных дельцов. Высокие оклады многочисленных чиновничьих должностей, щедрые государственные субсидии и премии промышленным и железнодорожным компаниям перекачивали огромные средства из карманов налогоплательщиков в карманы крупной буржуазии. Будучи непосредственно заинтересованной в использовании государственных средств, финансовая аристократия не только не ограничивала государственных расходов, но, наоборот, всячески увеличивала их. В результате этого расходы государственного бюджета выросли с 991 млн. франков в 1830 г. до 1 млрд. 458 млн. франков в 1847 г. Растущие расходы требовали новых источников покрытия и вызывали рост налогов. Главную тяжесть налогового бремени правящая буржуазия переносила на плечи мелкой буржуазии, крестьянства и рабочего класса. Это достигалось путём всемерного повышения и расширения косвенных налогов, падавших на предметы потребления. Прямые налоги почти не увеличились за период с 1835 по 1847 г.: вместо 270 млн. они составили 291 млн. франков, т. е. повысились лишь на 7,7%, а косвенные налоги за этот же период выросли с 560 млн. до 892 млн. франков, т. е. на 57,5%. В налоговых доходах государства большое место занимали налоги на соль, на вино, табачный акциз и другие разновидности налогового обложения широких масс. Один только налог на вино давал в 1841 г. 130 млн. франков и равнялся 25% стоимости всего производства вина во Франции. Этот налог, таким образом, сильно увеличивал стоимость вина, сокращая его потребление населением, и разорял многочисленных крестьян-виноделов. Кроме поземельного налога, превышавшего 250 млн. франков в год, существовали самые изощрённые способы налогового обложения, например налог на двери и окна. Но и рост налогов не мог угнаться за непрерывным ростом расходной части бюджета. Следствием этого был весьма частый бюджетный дефи-

цит, составивший за последние семь лет июльской монархии около 470 млн. франков. Как отмечал Маркс, этот дефицит соответствовал прямым интересам господствующей верхушки буржуазии. «Государственный дефицит как раз был главным предметом её спекуляции и важнейшим источником её обогащения. По истечении каждого года — новый дефицит. После каждых четырёх и пяти лет — новый заём. А каждый новый заём давал финансовой аристократии новый случай обирать государство; искусственно поддерживаемое на пороге банкротства, оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях»¹. За время июльской монархии намного вырос государственный долг Франции. К 1848 г. он достиг огромной для того времени суммы в пять с лишним миллиардов франков. Уплата процентов и сумм погашения по государственным займам поглощала всё большую часть бюджета.

Прямой грабёж населения в интересах крупнейших капиталистов и землевладельцев осуществлялся и с помощью внешне-торговых мероприятий июльской монархии. Высокие таможенные пошлины на ввозимые из-за границы товары ограждали предпринимателей от всякой иностранной конкуренции и позволяли им монопольно хозяйничать на внутреннем французском рынке.

При такой политике крупные заводчики могли непрерывно взвинчивать цены. Так, например, тонна чугуна, стоившая в 1844 г. 130 франков, в 1846 г. стоила уже 190 франков; цена тонны рельсов поднялась за тот же период со 110 франков до 370 франков. Непрерывно дорожало необходимое всей промышленности топливо — уголь и дрова.

Протекционизм существовал и в отношении сельскохозяйственных продуктов. Крупные землевладельцы и зажиточные крестьяне имели возможность держать на высоком уровне цены на сельскохозяйственные продукты и обогащаться за счёт городских трудящихся масс и сельской бедноты.

Важным источником обогащения правящей буржуазной клики было крупное государственное строительство (порты, крепости, военные корабли). Оно осуществлялось подрядчиками, которые беззастенчиво обкрадывали государство. В особенности выгодным было железнодорожное строительство. Частные компании получали от государства концессии на строительство и эксплуатацию отдельных железнодорожных линий, а также крупные субсидии на покрытие своих расходов и государственную гарантию высоких доходов на вложенный капитал. Организаторами и заправками этих компаний часто были, вместе с банкирами, высшие государственные сановники, депутаты и министры, пользовавшиеся своим служебным положением для получения выгодных концессий и оттеснения соперников и конкурентов.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 5.

Наконец, для обогащения была использована личная связь между финансовыми дельцами и правительственными кругами. Банкиры и биржевики, узнавая раньше всех государственные решения и тайны, играли на повышении и понижении курсов ценных бумаг. Внезапные, чрезвычайные колебания в курсах акций и государственных займов разоряли мелких владельцев и обогащали биржевых акул. В этой спекулятивной игре активное участие принимали депутаты и министры, делившиеся государственными тайнами с банкирами и биржевиками. Таким образом, участницей мошеннического биржевого ажиотажа была сама государственная власть.

«Потомство, быть может, никогда не узнает, — писал об июльской монархии в своих воспоминаниях французский буржуазный историк Токвиль, — до какой степени тогдашнее правительство приняло вид промышленной компании, все операции которой совершаются только в целях улучшения финансов её членов». Однако об этом хорошо знало не только потомство, но и поколение современников, для которых не было секретом истинное лицо государственной власти. «Наше правительство является по сравнению с иностранными самым развратным, самым продажным; оно мерзостнее и гадче всех, когда-либо тяготивших над Францией. Это — грабёж, мотовство, бесчестье, олицетворённое в собрании нескольких людей, называющих себя министрами», — писал в 1847 г. один оппозиционно настроенный государственный деятель, граф Буасси. Познакомившись во время пребывания в Париже с «царством бавкирое», Белинский писал в декабре 1847 г., что «владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... Все в нем мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувств национальной чести, национальной гордости».

Самым точным выражением сущности июльской монархии была характеристика, данная ей Карлом Марксом: «Июльская монархия была ничем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства; дивиденды её распределялись между министрами, палатами, 240 000 избирателями и их присными. Луи Филипп был директором этой компании...»¹.

Естественно, что такое положение вызывало недовольство и возмущение у большей части буржуазии, не принадлежавшей к этой «акционерной компании».

На рост недовольства июльской монархией большое влияние оказывали также вопросы внешней политики. Годы июльской монархии были периодом окончательного упадка той системы мирных договоров, которую разработали на Венском конгрессе 1815 г. победившие Наполеона державы. Между Англией, Россией и Францией усиливались противоречия на почве так

называемого «восточного вопроса» — вопроса о судьбах Османской империи и дележе её наследия. Обострялась борьба Австрии и Пруссии в германских делах, где на первый план всё более выступала проблема воссоединения Германии. Усиливалось национально-освободительное движение угнетённых народов Европы — итальянцев, ирландцев, поляков, чехов, венгров и др. Французская буржуазия усматривала в этой обстановке благоприятные условия для активной, наступательной внешней политики, которая покончила бы с узами венских договоров, вернула бы Франции ведущую роль в европейских делах и усилила бы позиции французской буржуазии в борьбе за рынки европейских стран и в особенности стран Передней Азии — Турции, Сирии и Египта.

Между тем июльская монархия предпочитала вести пассивную внешнюю политику, делая уступку за уступкой соперникам Франции и избегая всяких конфликтов и столкновений с ними. «Ни гроша для славы! Слава не приносит никакой прибыли! Мир во что бы то ни стало! Война понижает курс трёх- и четырёхпроцентных бумаг!» — так объяснял К. Маркс эту политику правящей Францией финансовой аристократии¹. Внешняя политика июльской монархии ориентировалась на главную соперницу французской буржуазии — Англию, всячески добивалась «сердечного согласия» между Францией и Англией и раболепно следовала в фарватере английской политики. Результатом такой политики была потеря господствующих позиций, которые Франция приобрела было в Египте, а также ослабление французского влияния в Италии, Германии, Швейцарии. Реакционная и трусливая внешняя политика финансовой аристократии, систематически унижавшей французское национальное достоинство, вызывала у буржуазии и мелкой буржуазии рост патриотических и шовинистических настроений и ещё более усиливала недовольство июльской монархией. Не могло ослабить это недовольство и завершившееся в 1847 г. завоевание Алжира.

Промышленный переворот во Франции в годы июльской монархии.

С первых десятилетий XIX в. во Франции начался промышленный переворот, создавший современную фабрично-заводскую промышленность, промышленную буржуазию и индустриальный пролетариат. Как раз в годы июльской монархии промышленный переворот во Франции принял широкие размеры. Почти во всех отраслях промышленности, а особенно в текстильной, происходило внедрение машин, вытеснявших ручной труд. Число паровых двигателей в промышленности выросло с 625 (в 1830 г.) до 4853 (в 1847 г.); число механических прядильных веретён — с 6 тыс. (в 1836 г.) до 25 тыс. (в 1840 г.). Потребление хлопка увеличилось с 28 млн. кг в 1831 г. до 64 млн. кг в 1846 г.; добыча каменного угля выросла с 1760 тыс. т (в 1831 г.) до 5153 тыс. т (в 1847 г.), а выплавка чугуна с 224 тыс. т до

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 6.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 7.

602 тыс. *т.* Начиналось крупное железнодорожное строительство: в 1835 г. во Франции было всего 148 км железных дорог, а к 1848 г. в эксплуатации находился уже 1 931 км. Это способствовало значительному росту внутренней и внешней торговли. Обороты последней увеличились почти в два раза: с 945 млн. франков в 1825 г. до 1 772 тыс. франков в 1846 г. Быстро росли города, становившиеся крупными промышленными центрами, — Лилль, Сент-Этьен, Руан, Мюлуз и др.

Надо отметить, однако, что при всех этих успехах промышленного переворота его темпы и при июльской монархии были сравнительно медленными. Несмотря на успешное внедрение машин, в большинстве отраслей промышленности сохранялся ручной труд, сохранялась и старая мануфактурная техника производства. Даже в наиболее передовой по тому времени хлопчатобумажной промышленности во многих случаях сохранялась ручная прялка Дженни, а значительная часть предприятий принадлежала к числу мелких, полумануфактурных заведений, применявших двигательную силу водяных мельниц. В металлургической промышленности только десятая часть доменных печей работала на коксе, а остальные попрежнему применяли древесный уголь. Мануфактурная организация производства крепко держалась и в центре французской промышленности шёлка — в Лионе, где 50—60 крупнейших торговцев-мануфактуристов давали заказы, сырьё и кредиты 9 тыс. хозяев мастерских (имевших от одного до шести ручных ткацких станков). В этих мастерских работали около 30 тыс. рабочих — подмастерьев и учеников. Ещё более живучим было мелкое производство и ремесло в Париже — центре производства одежды, обуви и славившихся на весь мир предметов роскоши. По переписи 1848 г. в столице Франции насчитывалось 64 816 «предприятий», из которых 32 583 «предприятия» представляли собой мастерские ремесленников-одиночек, либо хозяйчиков с 1 рабочим; 25 116 предприятий имели от 2 до 10 рабочих и только 7 117 предприятий применяли труд более чем 10 рабочих. Обращало на себя внимание и заметное отставание Франции от других западноевропейских стран в области железнодорожного строительства. К этому строительству Франция приступила с большим запозданием не только против Англии, но даже против Германии, Бельгии и Австрии и начала его в сколько-нибудь крупных размерах лишь с 1842 г. К началу 1848 г. отставание Франции всё ещё не было ликвидировано: Франция имела в эксплуатации 1 931 км, а Германия — 3 434 км железных дорог.

Медленность темпов промышленного переворота во Франции объяснялась рядом причин. Некоторую роль здесь играла бедность страны такими важными сырьевыми ресурсами, как железная руда и уголь, которые Франция вынуждена была дополнительно ввозить из-за границы. Ещё большее значение имели особенности французского сельского хозяйства и аграрного строя, тормозившие индустриализацию страны.

Сельское хозяйство и землевладение в годы июльской монархии.

Франция была в этот период аграрной страной: в 1846 г. 75% её населения проживало в деревне. После буржуазной революции конца XVIII в., уничтожившей феодальное дворянское и церковное землевладение и распродавшей большую часть помещичьих и церковных земель крестьянам, во французском сельском хозяйстве преобладала мелкая и мельчайшая крестьянская земельная собственность. Дробление земельной собственности продолжалось и после революции. Наполеон упрочил крестьянскую парцеллу новым законом о наследовании. «Гражданский кодекс» Наполеона устанавливал, что после смерти родителей их имущество, в том числе и земля, делится поровну между детьми. Простекавшее отсюда дальнейшее дробление крестьянской собственности перекрывало одновременно происходившую концентрацию землевладения в руках зажиточного крестьянства, новых помещиков и городской буржуазии. Число земельных собственников поднялось с 6,5 млн. в 1825 г. до — 7,5 млн. в 1850 г. Привязанный к своему клочку земли, мелкий крестьянин подвергался жестокой эксплуатации со стороны ростовщика, банкира, крупного торговца-скупщика сельскохозяйственных продуктов, зажиточного фермера-кулака и, наконец, со стороны государственной власти с её сборщиками налогов. Чтобы сводить концы с концами, мелкий крестьянин должен был постоянно прибегать к залогу своей земли, к ипотечному кредиту, который предоставлялся ему, как правило, на ростовщических условиях и ещё более закабалял мелкое крестьянство. Ипотечная задолженность крестьян достигла перед революцией 1848 года огромной цифры в 8 млрд. франков. Уплата процентов по задолженности поглощала около пятой части всех крестьянских доходов. Следствием этого был крайне низкий уровень жизни крестьянских масс, нищета значительной части мелких крестьян: из 8 млн. крестьянских дворов около 3 млн. были освобождены, как неимущие, от уплаты поземельного налога.

Таким образом, буржуазная революция принесла французскому крестьянству только кажущееся освобождение, в действительности же она породила новую жестокую эксплуатацию крестьян. Как писал Карл Маркс: «в течение XIX столетия место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодальных повинностей заняли ипотеки, место аристократической поземельной собственности занял буржуазный капитал. Крестьянская парцелла стала лишь предлогом, позволяющим капиталисту извлекать из земли прибыль, проценты и ренту, не заботясь о том, удастся ли земледельцу выколотить для себя хотя бы заработную плату»¹. Результатом этого порабощения мелкой земельной собственности капиталом было разорение крестьян и прогрессирующее ухудшение земледелия, что в свою очередь тормозило

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 408—409.

развитие промышленности. Мелкой крестьянской собственности — парцелле, соответствовали, таким образом, медленные темпы индустриализации страны и преобладание мелкой промышленности.

Июльская монархия — тормоз промышленного переворота и экономического развития Франции.

Но помимо этих причин, промышленный переворот во Франции тормозился самой июльской монархией, этим «царством банкиров». Экономическая и государственная политика финансовой аристократии сказывалась на развитии французской промышленности крайне неблагоприятно.

Во-первых, она создавала возможности обогащения «не путём производства, а путём ловкого прикармливания имеющегося уже чужого богатства»¹. Это обстоятельство отвлекало капиталы от промышленности в область финансово-кредитную — банки, биржевую спекуляцию, ростовщичество, покупку ценных бумаг и государственных займов и т. п. Если в 1832 г. на парижской бирже котиrowались 44 вида ценных бумаг, то в 1847 г. котиrowались уже 198 видов. Усилилась характерная для Франции диспропорция между огромным ростом банковского капитала и медленным развитием промышленности и сельского хозяйства. При этом надо отметить, что самое развитие банковского капитала носило односторонний характер, совершенно не соответствовавший интересам экономического развития страны. При огромных размерах ссудного капитала, вложенного в ценные бумаги, ипотеки, привлечённого биржевой игрой, французская промышленность и торговля задыхались от отсутствия общедоступного кредита. Весь торгово-промышленный кредит был монополизирован кучкой частных банков во главе с Французским банком, являвшимся частным акционерным предприятием. Провинциальные города, особенно крупные промышленные центры, страдали от недостатка кредитных учреждений и крайней дороговизны кредита. Ещё больше испытывали этот недостаток широкие массы крестьянства, делавшиеся добычей ростовщиков.

Во-вторых, продиктованная погоней за монопольными прибылями крупнейших заводчиков и шахтовладельцев, внешнеторговая политика влекла за собой сильное вздорожание стоимости угля, металла, машин, т. е. тех изделий, в которых нуждались все отрасли промышленности. Все отрасли промышленности были вынуждены платить дань небольшой группе монополистов.

Это удорожало изделия и машины отечественного производства и тормозило их внедрение в различные отрасли хозяйства.

Непосредственный ущерб наносила протекционистская политика и тем отраслям хозяйства, которые были заинтересованы в широком развитии экспорта, в вывозе своих продуктов на рынки других стран. Последние отвечали на французский протекционистский тариф мерами, направленными против ввоза французских

товаров. Так, например, Англия и Бельгия ввели запретительные пошлины на французские вина и фрукты. То же самое сделали страны центральной Америки и Бразилия, после того как Франция установила, по требованию своих сахарозаводчиков, высокие пошлины на ввозимый из стран Америки тростниковый сахар.

Репрессивными мерами других стран были сильно затронуты винодельческие департаменты южной и юго-западной Франции во главе с Бордо, который являлся одновременно крупным центром морской торговли и судоходства. Эти районы были обречены на разорение во имя высоких прибылей крупных заводчиков и шахтовладельцев, ограждённых от иностранной конкуренции.

Буржуазная оппозиция июльской монархии.

Таким образом, поскольку государственное управление при июльской монархии не было подчинено интересам национального производства, оно вызывало оппозицию самых различных слоёв буржуазии. В первую очередь недовольство и

возмущение выражали промышленная и торговая буржуазия.

Промышленная буржуазия, интересы которой были ущемлены хозяйничаньем банкиров и биржевиков, примыкала к так называемой «династической оппозиции». Эта последняя добивалась реформ, сохраняющих июльскую монархию, но устраняющих злоупотребления финансовой аристократии и её монополию на власть. Во главе этой партии стоял либеральный адвокат, карьерист Одилон Барро, а на её знамени было написано: «дешёвое правительство», расширение избирательного права, борьба с продажностью администрации, чистка чиновничества. В оппозиции оказалась и часть крупной буржуазии из правящего лагеря, требовавшая более активной внешней политики, присоединения к Франции левого берега Рейна, защиты французских позиций в Египте и т. д. Представителем этой группы был изворотливый политикан, человек ненасытного честолюбия, злобный враг народа — Тьер, который был в первые годы июльской монархии верным слугой Луи Филиппа и одно время возглавлял его министерство.

Крупные землевладельцы, видевшие в июльской монархии олицетворение господства денежного капитала над земельной собственностью, составили ядро партии легитимистов, стремившейся к возвращению Бурбонов. Недовольство выражала вместе с крупными землевладельцами и сельская буржуазия. Она жаловалась на полное невнимание правительства к нуждам земледелия, на большие налоговые преимущества, которыми пользовалась движимая собственность перед недвижимой, на ущерб, причиняемый сельскому хозяйству внешнеторговой политикой июльской монархии. «Нынче капиталист и промышленник управляют одни; земледелие, которое даёт половину и больше наших доходов, получает лишь восьмую часть наших расходов», — передавал настроение деревни историк Мишле.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 6.

**Буржуазные
и мелко-
буржуазные
республиканцы.**

Многочисленные элементы буржуазной интеллигенции и небольшая часть передовой буржуазии, изверившись во всех видах монархии, видели единственное средство преодоления политического раскола в стране в установлении республики, которая дала бы возможность консолидировать буржуазию и объединить с ней народ. Впервые после буржуазной революции конца XVIII в. создавалась, таким образом, почва для широкого буржуазно-республиканского движения во Франции. Республиканские элементы, крайне незначительные во времена реставрации, намного выросли за годы июльской монархии, когда республиканцы приобрели заметное влияние среди буржуазной интеллигенции и сделались серьёзной политической силой в стране. Буржуазные республиканцы группировались вокруг газеты «National» («Националь»), редакторы которой во главе с адвокатом Маррастом вели газетную войну против монархии под лозунгом республики и националистической внешней политики «трёхцветного знамени».

Наконец, мелкая буржуазия, разоряемая крупным капиталом и хозяйничаньем финансовой аристократии, поддерживала левых республиканцев, требовавших демократической республики, основанной на всеобщем избирательном праве, и социальных реформ, облегчающих положение мелкой буржуазии и трудящихся масс. Во главе этой партии демократических республиканцев стоял популярный оратор и публицист адвокат Ледрю-Роллен, а её политическим штабом была газета «Réforme» («Реформа»). В ней сотрудничали также и социалисты. Как отмечал Энгельс, «к демократическим республиканцам примыкала и масса парижских рабочих». Однако рабочие не были их последователями; они были «их недоверчивыми союзниками, то тесно примыкая к ним, то сильно от них отдаляясь, каждый раз в зависимости от того, выступали ли люди «Реформы» решительно или занимали колеблющиеся позиции»¹.

Таким образом, июльская монархия не только не завершила дела утверждения буржуазии у власти, но создала почву для новой борьбы за власть, на этот раз внутри самой буржуазии. Правление финансовой аристократии восстановило против господствующей верхушки буржуазии большую часть этого класса и породило глубокий политический кризис в стране. Возникла потребность в новой революции, содержанием которой явилась бы борьба против диктатуры финансовой аристократии, ставшей тормозом капиталистического развития страны. Завершение промышленного переворота требовало подчинения государственного

управления интересам национального производства, что могло быть обеспечено лишь переходом власти от отдельных фракций буржуазии ко всему классу в целом. Но на этот раз новая буржуазная революция созревала в совершенно иной обстановке, чем прежние. Промышленный переворот уже создал во Франции многочисленный рабочий класс, выступавший с собственными классовыми требованиями. Вместе с тем развитие крупного капитала и крупной промышленности разоряло мелких предпринимателей, лавочников и ремесленников и толкало их на борьбу с капитализмом. Обнажались и углублялись классовые противоречия, делалась всё более ожесточённой классовая борьба. Обнажившиеся пороки капиталистического строя порождали острую критику его противоречий со стороны передовых умов пролетариата и мелкой буржуазии. В рабочей среде, среди мелкобуржуазной интеллигенции и ремесленников получили большое распространение социалистические и коммунистические идеи, учения различных школ мелкобуржуазного социализма и утопического коммунизма. Таким образом, борьба буржуазии за власть протекала теперь в обстановке массовых выступлений пролетариата и мелкой буржуазии против ига капитализма, выступлений, отмеченных социалистическими устремлениями рабочего класса.

**Положение
рабочего
класса в годы
июльской
монархии.**

Эти выступления вызывались прежде всего крайне бедственным положением рабочих масс в годы июльской монархии. Промышленный переворот во Франции, как и в других странах, сопровождался обнищанием трудящихся масс. Не существовало никаких ограничений капиталистической эксплуатации. Продолжительность рабочего дня была в большинстве случаев равна 14—15 часам и доходила нередко до 17—18 часов. Даже на шахтах и рудниках рабочие работали по 14 часов в сутки. Эксплуатация детского труда была почти безграничной — подростки работали по 12 часов, на фабриках применялся труд 4—5-летних малюток. Рабочие, особенно работницы, получали нищенскую заработную плату и отказывали себе в самом необходимом. Ежедневное потребление хлеба и мяса в Париже снижалось из года в год. Около десятой части всего населения столицы числилось в списках получающих вспомоществование. В фабричном Лилле такие нищие составляли свыше пятой части населения города. Рабочие жили в мрачных, грязных трущобах, в подвалах и на чердаках, нередко даже в землянках. «По совести сказать, арестанты нашей скверной тюрьмы д'Этан во всех отношениях живут в двадцать раз лучше», — писал в 1842 г. один правительственный чиновник, изучавший жизнь детей рабочих департамента Сены и Уазы. Из каждых 10 тыс. призываемых в армию в промышленных департаментах признавались не пригодными к военной службе 9 тыс. человек. На положение рабочих масс большое влияние оказывало наличие огромной резервной армии труда, непрерывно пополняв-

¹ См. «Пролетарская революция», 1940 г., № 3, стр. 154. Эта статья Ф. Энгельса, как и другие его статьи, цитируемые по журналу «Пролетарская революция», были впервые опубликованы на русском языке в 1940 г. и не вошли в Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

шейся мелкими производителями, разоряемыми крупным капиталом и крупным машинным производством, — мелкими хозяйчиками, ремесленниками, деревенской беднотой. Все современники июльской монархии свидетельствовали об огромном росте пауперизма в городе и в деревне, о развитии бродяжничества, нищенства, преступности во Франции. Особенно велики были страдания рабочих масс в периоды промышленных кризисов, когда резко увеличивалась безработица и уменьшались заработки рабочей семьи. Рабочие были лишены элементарных прав и не имели возможности защищать свои интересы. Правительство банкиров оставило в силе свирепое антирабочее законодательство Наполеона, запрещавшее профессиональные организации рабочих и стачки. «Нужно, чтобы рабочие знали, что для исцеления их недугов нет другого средства, кроме терпения и покорности», заявил в 1832 г. в парламенте министр Казимир Перье, крупный промышленник.

**Рабочее
движение
30—40-х годов
во Франции.**

Однако французский рабочий класс не обнаруживал рабской покорности своим эксплуататорам и всё чаще поднимался на борьбу с ними. В 1831 г. в Лионе произошло восстание рабочих, выступивших впервые как новая, самостоятельная сила общества. Рабочие и ремесленники Лиона после стачки, объявленной в знак протеста против нарушения предпринимателями новых расценок за работу, поднялись с оружием в руках на борьбу и провозгласили свой боевой клич: «Жить работая, или умереть сражаясь!»

С первых лет июльской монархии передовые рабочие приняли деятельное участие в республиканском движении и играли всё более заметную роль в республиканских обществах, создававшихся мелкобуржуазной революционной интеллигенцией. В июне 1832 г., когда республиканцы подняли восстание в Париже, в рабочих кварталах столицы были сооружены баррикады, на которых развевалось красное знамя. В 1834 г. в Лионе снова вспыхнуло восстание рабочих, носившее уже открыто республиканский характер. В том же году в Париже произошло новое восстание республиканцев, в котором рабочие приняли активное участие. Оно было зверски подавлено правительством Тьера. Последовавший затем террор против республиканского и демократического движения заставил передовых рабочих уйти в подполье. Революционные элементы рабочего класса приняли участие в тайных республиканских обществах, руководимых демократами и социалистами, и стали костяком этих обществ. Самыми известными из них были: «Общество семей», а затем «Общество времён года», руководимое знаменитым революционером Огюстом Бланки, сторонником коммунистических идей. «Несомненный революционер и горячий сторонник социализма», как характеризовал его Ленин, Бланки был, однако, неумолимым заговорщиком, не понимавшим решающей роли масс в революционной борьбе. Он принадлежал, по выражению товарища Сталина, к числу «пролетар-

ских вождей, вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории»¹. В полном противоречии с историческим опытом, Бланки считал возможным успех восстания не тогда, когда оно опирается на рабочий класс, на революционный подъём народа, на революционную обстановку в стране, а тогда, когда оно тщательно подготовлено небольшой группой смелых, решительных заговорщиков-революционеров. «Бланкизм, — говорил Ленин, — ожидает избавления человечества от наёмного рабства не путём классовой борьбы пролетариата, а путём заговора небольшого интеллигентного меньшинства»².

В 1839 г. «Общество времён года» подняло в Париже восстание, закончившееся его разгромом. Бланки и другие руководители общества были арестованы и осуждены на пожизненное тюремное заключение. До самой революции 1848 года Бланки был оторван от передовых революционных рабочих. Некоторая их часть, уцелев при разгроме бланкистских организаций, продолжала бороться в рядах новых тайных обществ, принимавших всё более пролетарский характер.

С 40-х годов XIX в. рабочее движение начало подниматься на новую ступень. С одной стороны, происходили крупные массовые стачки, в ходе которых создавались экономические организации пролетариата, являвшиеся прообразом профессиональных союзов — «общества сопротивления». С другой стороны, шло усиленное проникновение коммунистической и социалистической литературы в рабочие массы и ускорялся процесс идеологического созревания рабочего класса. Передовые рабочие жадно изучали политическую литературу, читали памфлеты и речи якобинских вождей — Робеспьера, Марата, изучали сочинения по истории французской революции 1789—1794 гг., которые имели тогда большой успех. «Изучая падение феодализма военного, ищут симптомов падения феодализма финансового», — характеризовал смысл этого интереса к истории революции один современник —

¹ Сталин, Соч., т. IV, стр. 314.

² Ленин, Соч., т. IX, стр. 237.

христианский социалист Фор. Широкое распространение получили идеи революционного коммуниста конца XVIII в. Гракха Бабефа, изложенные его соратником и другом Филиппом Буонаротти в книге «История заговора равных», появившейся в 1828 г. Эта книга имела большой успех у передовых рабочих. Бабувистские традиции, идеи заговорщического, примитивного коммунизма, изложенные в этой книге, оказали большое влияние на всё дальнейшее социалистическое движение во Франции.

Социалистические и коммунистические теории 40-х гг. во Франции.

Новое развитие получил стихийный рабочий коммунизм, проповедовавший туманную «общность имущества». Как вспоминал впоследствии Энгельс, «та часть рабочих, которая, убедившись в недостаточности переворотов чисто политических, требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистической. Это был ещё только вчерне обработанный, лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм»¹. Его распространение способствовало большому успеху и идей мирного утопического коммунизма, которые проповедовал демократический публицист Кабэ, написавший фантастический роман «Путешествие в Икарию». В своём романе Кабэ изобразил в самых привлекательных красках утопический коммунистический общественный строй и выставил его как образец для мирного переустройства современного капиталистического общества. Среди рабочих возникло даже «икарийское движение», целью которого были пропаганда идей Кабэ и сбор средств для основания коммунистической Икарии.

В противоположность мирной, реформаторской тактике Кабэ, коммунист Дезами пропагандировал революционные идеи бабувизма. В своей книге «Кодекс коммунизма» он доказывал необходимость насильственного переворота и революционной диктатуры.

Дезами развивал учение материализма и в ряде вопросов приближался к идеям последовательного коммунизма.

Бывший священник Пийо призывал, как и Дезами, к насильственной революции, которая должна освободить народ от рабства и эксплуатации и создать строй истинного равенства — коммунизм.

Пийо вел организаторскую и пропагандистскую деятельность в массах: в 1840 г. ему удалось организовать под Парижем коммунистический банкет, на котором в присутствии 1 200 человек выступали с речами революционные коммунисты — Дезами, Пийо и др. В 1841 г., будучи в тюремном заключении, Пийо издал манифест под названием «Общность — больше не утопия». В 40-х годах возник ряд тайных коммунистических обществ, распространявших среди передовых рабочих идеи заговорщического революционного коммунизма. Самыми известными из них

были «Общество революционных коммунистов», лионское «Общество будущего», «Общество коммунистов-эгалитариев» и «Общество коммунистов-материалистов», находившееся под влиянием идей Дезами. Маркс указывал, что «к началу февральской революции коммунисты представляли сильнейшую фракцию революционного пролетариата, далеко превосходившую своим значением другие фракции»¹.

Но кроме коммунистических идей, большое распространение в массах получили также идеи различных мелкобуржуазных социалистов-реформаторов. Эти идеи пользовались тогда особым успехом в среде буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции и привлекали внимание буржуазии, видевшей в них возможное средство отвлечения рабочих масс от революционной борьбы. Как подчёркивал Энгельс, «социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее»².

В буржуазных салонах теперь нередко обсуждались идеи утопических социалистов Сен-Симона и Фурье, уже выродившиеся в то время в сектантские рецепты мирных реформ капиталистического строя. Распространялись учения христианских социалистов Ламеннэ и П. Леру, проповедовавших буржуазии любовь к ближнему, пытавшихся соединить социализм с религией. Начал привлекать к себе внимание мелкобуржуазный реформатор Прудон, выступивший с остроумной и шумной критикой частной собственности, которую он объявил «кражей». В действительности Прудон критиковал лишь крупную капиталистическую собственность и всячески защищал мелкую собственность, в которой видел основу справедливого общественного строя. Прудон придумывал всевозможные рецепты уничтожения прибыли капиталистов путём обмена товаров по их «трудовой стоимости», без участия денег, — в них Прудон видел главный источник эксплуатации человека человеком.

Но в рабочих массах наибольший успех имели идеи мелкобуржуазного социалиста Луи Блана. Талантливый историк и журна-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 52.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 302.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 52.

лист, Луи Блан ярко изобразил в своей книге «Организация труда» анархию, конкуренцию, кризисы и другие пороки капиталистического строя и порождаемые ими страдания рабочего класса. Луи Блан доказывал, что и капиталисты и рабочие одинаково заинтересованы в том, чтобы найти выход из создавшегося мучительного положения, которое обрекает и тех и других на разорение, нищету, постоянный страх за будущее. Для этого нужна новая организация труда, которая может быть введена мирным путём, с помощью государственной власти. Рабочие должны создать между собой по профессиям ассоциации — производственные кооперативы, которые объеди-

нят их орудия труда и денежные средства. Эти ассоциации, благодаря заинтересованности самих рабочих, добьются более высокой производительности труда. Государство со своей стороны должно стать «банкиром для бедных» и помогать этим ассоциациям кредитом, льготами и другими видами помощи. Постепенно ассоциации вытеснят частные предприятия из всех отраслей промышленности, а потом и сельского хозяйства. Капиталисты сами поймут безнадежность своего положения и будут вступать в ассоциации, передавая им свои предприятия. Между ассоциациями одной отрасли хозяйства, а затем и между всеми ассоциациями установится экономическая взаимосвязь; анархия производства будет ликвидирована и заменена организованным общественным производством. Выдвигая этот утопический план постепенной перестройки капиталистического общества на социалистический лад, Луи Блан сеял в массах опасные иллюзии насчёт возможности классового сотрудничества пролетариата и буржуазии. Луи Блан подчёркивал огромное значение государственной власти в деле переустройства общества и звал рабочих на борьбу за демократическую республику, которая сможет оказать помощь рабочим ассоциациям. Но Луи Блан не понимал классовой природы буржуазной государственной власти, которая остаётся и при демократической республике ничем иным, как замаскированной диктатурой буржуазии.

Большой успех идей Луи Блана и его популярность в массах показывали силу и живучесть мелкобуржуазных влияний в рабочем классе, недостаточную его зрелость. Об этом же свидетель-

ствовало и отсутствие у рабочих самостоятельных классовых организаций и, особенно, отсутствие собственной политической партии, способной указать им правильный путь борьбы и победы. Правда, такой партии у французских рабочих и не могло ещё быть; идеи научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса только недавно ещё сложились у их творцов и не были известны даже самым передовым французским рабочим. Напомним, что «Коммунистический манифест», появившийся в феврале 1848 г., был впервые переведён на французский язык лишь в июне того же года.

**Растущий
кризис июль-
ской монархии.
Гизо и его
«система»
правления.**

Уже первые годы существования июльской монархии были заполнены многочисленными выступлениями её противников. Кроме частых республиканских восстаний, имели место выступления легитимистов, а также бонапартистов, желавших восстановить империю Наполеона, поставив во главе её племянника Наполеона — принца Луи Наполеона Бонапарта. Этот последний вёл за границей жизнь авантюриста и пытался два раза — в 1836 г. в Страсбурге и в 1840 г. в Булони — проникнуть на французскую территорию и произвести переворот. Обе эти попытки окончились полной неудачей, показав беспочвенность бонапартистских замыслов и отсутствие за ними сколько-нибудь заметного числа сторонников. Сам Луи Наполеон был приговорён к пожизненному тюремному заключению и посажен в крепость Гам, откуда бежал в 1846 г. в Англию.

Кризис июльской монархии стал быстро нарастать в 40-х годах XIX в., когда фактическим главой правительства стал министр иностранных дел Гизо, любимец короля Луи Филиппа, известный историк и крайне консервативный политический деятель. Восемилетнее правление Гизо (1840—1848) было самым ярким олицетворением всех пороков и мерзостей июльской монархии. Гизо решительно защищал господство финансовой аристократии и категорически отклонял требования средней и мелкой буржуазии об избирательной реформе. «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями», — цинично отвечал Гизо представителям буржуазной оппозиции, добивавшимся понижения имущественного ценза для избирателей. Решительный отказ июльской монархии от предоставления избирательного права широким массам буржуазии и мелкой буржуазии не был проявлением «старческого упрямства» Луи Филиппа и Гизо, как это рисуют буржуазные историки. Действительные причины этого отказа были вскрыты ещё в статьях Энгельса 1847 г. об июльской монархии. Объясняя разницу между Англией, осуществившей в 1832 г. избирательную реформу, давшую избирательное право мелкой буржуазии, и Францией, Энгельс указывал на то, что во Франции «мелкая буржуазия настолько угнетена и придавлена крупными капиталистами, что, получив право голоса, она была бы вынуждена немедленно прибегнуть к прямым агрессивным мерам против финансовых магнатов... мелкая буржуазия была бы увлечена движением всё

далее и дальше, даже против её воли; она оказалась бы вынужденной либо отказаться от уже завоёванных позиций, либо открыто заключить союз с рабочим классом, а это рано или поздно привело бы к республике»¹. Вот почему, подчеркивал Энгельс, «Ротшильд и Луи Филипп прекрасно понимают, что включение в число избирателей мелкой буржуазии означает не что иное, как «La République» (Республику)»².

Чтобы укрепить положение правительства, Гизо ввел в систему всяческий подкуп избирателей и депутатов, предоставляя им различные государственные должности и подачки и добиваясь избрания депутатами зависимых от правительства и послушных ему чиновников. Эти чиновники составляли более трети состава парламента и служили надёжной опорой правительства Гизо при любых нападках на него со стороны оппозиции. Опираясь на послушное большинство депутатов, правительство игнорировало общественное мнение буржуазии и отвергало какие-либо либеральные реформы.

На основе этой системы Гизо всё более открытым делалось вмешательство Луи Филиппа в дела государственного управления. Вопреки теории о том, что «король царствует, но не управляет», торжествовала политика «личного правления» короля, диктующего свою волю министрам и парламенту. «Министров больше нет, их ответственность равна нулю. Король достиг того возраста, когда больше не выслушивают замечаний, он привык править, он любит править, он любит показывать, что правит именно он», — со страхом признавались сыновья короля, герцоги Жуанвильский и Немурский.

Эта система правления, вызывавшая всё большее негодование буржуазии, была, однако, неуязвимой для оппозиции; благодаря подкупу немногочисленных избирателей и депутатов правительство обладало прочным большинством в парламенте и игнорировало всякую критику по своему адресу. «Беспомощность парламента слишком очевидна, вся его деятельность сводится лишь к тому, чтобы покупать совесть людей и прощать некоторым лицам различные подлости», — констатировала одна популярная в стране книга, критиковавшая «систему Гизо».

Парламентские выборы 1846 г. ещё более подчеркнули безнадежность борьбы буржуазной оппозиции против правительства в стенах парламента. Благодаря давлению на избирателей и подкупу их, правительство Гизо добилось ультраминистерского состава парламента. Например, из девяти депутатов от департамента Жиронды пять были чиновниками. Депутатов-чиновников было избрано в эту палату 193 человека. Все предложения оппозиции о расширении круга избирателей были отклонены, самодержавие финансовой аристократии казалось прочнее, чем всегда, а влияние бан-

киров на государственные дела стало ещё большим. «Нынешняя законодательная власть, — писал Энгельс осенью 1847 г. — больше чем всякая предшествующая является воплощением слов Лафитта, сказанных им на следующий день после июльской революции: «Отныне править Францией будем мы, банкиры...» Судьбы Франции решаются не в кабинете Тюильрийского дворца, не в палате пэров, даже не в палате депутатов, а на парижской бирже. Подлинные министры — это не г.г. Гизо и Дюшатель, а г.г. Ротшильд, Фульд и прочие крупные парижские банкиры...»¹.

Банкетная
кампания
оппозиции.

«Франция не имеет той формы правления, за которую проливалась кровь». — констатировала вышедшая в 1847 г. книга представителя оппозиции Дювержье де Оранна, выдвинувшая идею перенесения борьбы оппозиции из стен парламента в массы. Дювержье де Оранна предлагал добиваться понижения имущественного ценза, дающего избирательное право, до 100 франков прямых налогов в год, и предоставления права голоса «талантам и дарованиям», т. е. интеллигенции. Вскоре «династическая оппозиция» решила организовать в стране массовую кампанию в пользу требования «избирательной и парламентской реформы». Кампания эта была организована в форме так называемых «банкетов», во время которых представители оппози-

¹ «Пролетарская революция», 1940 г., № 4, стр. 133.

² Там же, стр. 137.

¹ «Пролетарская революция», 1940 г., № 4, стр. 126.

ции произносили под видом банкетных тостов речи, содержавшие критику правительства и требования избирательной реформы — понижение избирательного ценза и запрещение избирать депутатами правительственных чиновников.

Первый такой банкет состоялся 7 июля 1847 г. в Париже, в Шато-Руж. На нём присутствовали 84 депутата и свыше 1 200 гостей. Банкет вызвал отклики по всей стране и положил начало широкой кампании, охватившей всю Францию. В сентябре — октябре 1847 г. состоялось более 70 банкетов, на которых присутствовали в общей сложности 17 тыс. человек. Особенно большую известность получила речь, произнесённая буржуазным либералом, поэтом Ламартином, на банкете в г. Маконе. В этой речи Ламартин призвал народ «совершить революцию презрения к правительству». На деле, однако, буржуазная оппозиция не хотела революции. Наоборот, она рассчитывала с помощью массовой кампании добиться от правительства уступки своим требованиям и тем самым предотвратить революцию. «Реформа во избежание революции», — провозглашал лозунг оппозиции её лидер Одилон Барро.

Монархические, верноподданнические чувства вождей оппозиции вскоре привели к разладу между ними и республиканцами, тоже принявшими участие в банкетной кампании. Левые республиканцы во главе с Ледрю-Ролленом развернули свою собственную банкетную кампанию, в ходе которой разоблачали эгоистические, антидемократические цели «династической оппозиции».

К осени 1847 г. политическое положение в стране стало крайне напряжённым. Ряд департаментских советов, в том числе и департамента Сены, объявили себя сторонниками избирательной реформы. Правительственные кандидаты стали терпеть поражение на дополнительных выборах в парламент и на муниципальных выборах в ряде городов. Общественное мнение было взволновано скандальными разоблачениями преступлений высших правительственных лиц: летом 1847 г. за лихоимство были осуждены два бывших министра, преступления которых не смогло покрыть даже правительственное большинство парламента. «Долой воров!» — кричали в народе при проезде по улицам Сент-Антуанского предместья представителей правящей аристократии.

Экономический кризис 1847 г. и нарастание революционной ситуации в стране. Ещё большее влияние на настроение масс оказало резкое ухудшение их экономического положения. В 1845 и 1846 гг. неурожай вызвали резкое вздорожание хлеба и особенно картофеля, сбор которого сократился почти наполовину.

Бедствие масс ещё более обострил экономический кризис, разразившийся в 1847 г. Кризис разорил массу мелких и средних предпринимателей и торговцев, вызвал резкое сокращение производства, огромную безработицу и падение заработной платы рабочих. Крупные парижские торговцы и фабриканты, испытывая затруднения со сбытом своих товаров на

внешних рынках, активизировались на внутреннем рынке и основали ряд крупных фирм, разоривших мелкую торговлю и ремесло. В Париже стоимость промышленной продукции упала с 1 453 млн. франков в 1847 г. до 677 млн. франков в 1848 г. В провинциальных промышленных центрах производство сокращалось наполовину и больше. В Сент-Этьене и Седане без работы было около двух третей рабочих. Вспыхнули голодные бунты, жестоко подавлявшиеся властями.

В народе нарастало озлобление против властей и покровительствуемых ими спекулянтов. Летом 1847 г. в Бордо расклеивались листки, в которых говорилось: «Если в течение ближайших пяти дней цена на хлеб не понизится до двадцати с половиной сантимов за кило, то народ поднимется и город будет подожжён с четырёх концов».

В центральных департаментах разразились голодные беспорядки и мятежи. В департаменте Эндры было разгромлено несколько крупных поместий, а владельцы их, заподозренные в спекуляции хлебом, убиты. Гнев масс быстро нарастал и переходил в решимость покончить с эксплуататорскими порядками и поддерживать их презренной монархией банкиров.

В фабричном городе Труа, в департаменте Об, в начале августа 1847 г. вспыхнули волнения, вызванные спекулятивным повышением цен на зерно одним из местных булочников. Рабочие разгромили дом булочника и забросали камнями жандармов, явившихся наводить «порядок». Волнения были усмирены лишь при помощи войск. Беспорядки на почве дороговизны хлеба имели место и в ряде других мест. Продовольственные транспорты на дорогах сопровождались воинским эскортом. В рабочих центрах — в Лилле, Валансьенне, Эльбефе, среди луарских горняков, среди каменщиков возникли волнения и стачки. В Париже летом 1847 г. бастовали ткачи и столяры-краснодеревцы, не соглашавшиеся на снижение заработной платы предпринимателями. Большое недовольство парижских рабочих вызвало предписание министра торговли и земледелия о восстановлении в большинстве отраслей парижской промышленности деятельности так называемых «советов приюдомов» (членов примирительных комиссий). Эти советы, созданные ещё при Наполеоне I для разбора конфликтов по вопросам заработной платы между предпринимателями и рабочими, составлялись из представителей предпринимателей и рабочих данной отрасли промышленности. При этом первые численно преобладали, а вторыми могли быть только самые угодливые по отношению к предпринимателям элементы в рабочем классе: мастера или же высококвалифицированные рабочие, имеющие патент — право открыть собственную мастерскую. Возмущённые этой несправедливостью, парижские рабочие направили министру протест. Они требовали уравнения в правах рабочих и предпринимателей при выборах в «советы приюдомов» и обвиняли правительство в том, что оно «организует постоянную коалицию капиталистов». «Нас отстра-

нили от всякого участия в выборах народных представителей», — говорилось в протесте парижских рабочих. «Теперь нам отказывают в праве обсуждать нашу заработную плату. Кажется, что всё, что только может унижить наше достоинство и увеличить нашу нужду, находит поддержку у правительства».

Некоторых предпринимателей не удовлетворяли и «советы приюдоммов», и они пытались заставить своих рабочих соглашаться на разбор конфликтов арбитражными судами, состоящими из одних предпринимателей. При одной из таких попыток, в августе 1847 г., вспыхнула трёхдневная стачка рабочих, занятых в мебельных мастерских Кригер и К^о, в Сент-Антуанском предместье Парижа. Волнение, охватившее рабочее население предместья, весьма напугало власти, и в предместье были введены сильные отряды пехоты, муниципальной гвардии и городской стражи.

Все эти волнения, беспорядки, стачки отражали растущее боевое настроение масс. Именно эти боевые настроения масс, а не банкеты буржуазной оппозиции были главным фактором назревавшей революционной ситуации. Эти боевые настроения не всем бросались в глаза. Описывая осенью 1847 г. настроения парижских рабочих, Энгельс, который тогда жил в Париже и постоянно общался с активными элементами парижского пролетариата, подчёркивал кажущееся спокойствие, сдержанность рабочего класса. «О каком огромном шаге вперёд свидетельствует эта сдержанность тех самых парижских рабочих, которые редко выходили на улицы без того, чтобы не разнести в щепы всего, что им попадётся на дороге, для которых восстание привычное дело и которые идут в революцию так же весело, как в кабачок! Но вы глубоко ошибаетесь, если заключите из этого, что революционный пыл народа начал остывать. Напротив, здешние рабочие острее, чем когда-либо, ощущают необходимость революции, и при том гораздо более радикальной и основательной, чем первая... О революции они разговаривают мало — это вещь, не вызывающая сомнений, вопрос, на который все без исключения смотрят одинаково. И когда придёт время, когда столкновение между народом и правительством станет неизбежным, — они в миг окажутся на улицах и площадях, они разроют мостовые, перегородят улицы омнибусами, телегами и каретами, забаррикадируют все переулки, каждый узкий тупик превратят в крепость и двинутся, сметая всё на своём пути, от Бастилии на Тюильрийский дворец»¹. Пророческое предсказание Энгельса очень скоро полностью сбылось.

¹ «Пролетарская революция», 1940 г., № 4, стр. 139.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В неудаче банкетной кампании оппозиция легко могла убедиться, когда 28 декабря 1847 г. открылась очередная законодательная сессия парламента. Правящие круги финансовой аристократии не только не согласились на уступки требованиям парламентской избирательной реформы, но сами перешли в наступление на оппозицию. Король Луи Филипп публично выразил оппозиции порицание: в своей тронной речи он назвал её усилия и агитацию в пользу реформы «враждебными и слепыми страстями».

Оппозиция ответила новыми ожесточёнными атаками на правительство. Она обвинила Гизо в личной бесчестности: Гизо взял под защиту одного чиновника счётной палаты, которого разоблачили в том, что он купил свою должность за взятку. Гизо назвал этот случай «обычным» и «пустяковым делом». Практикуемую правительством систему подкупов избирателей разоблачил в палате пэров Буасси. В палате депутатов пространную речь о финансовом положении страны произнёс Тьер, метивший на место Гизо. Тьер привёл цифры растущего из года в год благодаря правительственной политике дефицита и указывал на грозную опасность создавшегося положения для буржуазии и держателей государственных займов. Ламартин выступил с критикой внешней политики правительства, его холопства перед господствующим в Европе блоком феодальных монархий во главе с Австрией и Россией. Ламартин обвинил Гизо в предательстве национальных интересов Франции.

Но эти речи, вызвавшие громкое эхо в стране, не производили впечатления ни на Гизо, ни на стоявшее за ним парламентское большинство. Не поколебало их и тревожное выступление либерального орлеаниста Токвиля, указавшего на то, какой опасности подвергает себя буржуазия, обнажая свои пороки и выставляя

их напоказ перед народными низами. «Разве вы не видите, что политические страсти рабочего класса стали уже социальными страстями?» — говорит Токвиль, подчёркивая, что пролетариат охвачен идеями, направленными «не против того или иного закона или того или иного министерства, а против всего современного общества». «Мы стоим на вулкане», — предостерегал Токвиль депутатов и правительство. Однако и его предостережения ни к чему не привели. Чувствуя непоколебимую поддержку послушного парламента, правительство Гизо продолжало наступление на оппозицию. На 19 января 1848 г. в 12-ом округе Парижа был назначен новый банкет сторонников оппозиции. Правительство запретило банкет. Протесты сторонников оппозиции ни к чему не привели. Так возник новый острый конфликт между верхушкой крупной буржуазии, охраняющей свою диктатуру средствами полицейского произвола, и массой буржуазии, увидевшей, что поставлены под вопрос основные политические завоевания двух буржуазных революций во Франции. Разгорячённая борьбой, оппозиция пригрозила правительству, что банкет состоится, несмотря ни на какие полицейские запреты. Но трусость и бессилие оппозиции вскоре сделали очевидными для всех. 12 февраля, после трёхнедельных дебатов по поводу тронной речи короля, палата депутатов приняла ответный адрес, полностью поддерживавший политику Гизо. Все поправки и предложения о реформах были парламентским большинством отклонены, а оскорбительные для оппозиции слова о «враждебных и слепых страстях» были включены в адрес. Тем не менее оппозиция и на этот раз проявила умеренность. Предложение о коллективной отставке всех депутатов оппозиции было отклонено, и дело ограничилось протестом оппозиции против решения парламента, которое было разослано в редакции газет. Для публичного выражения этого протеста было решено устроить новый банкет в Париже. Были приняты меры для ограждения этого банкета от наплыва простого народа; помимо высокой входной платы, местом банкета была избрана отдалённая от рабочих кварталов западная часть города, Елисейские поля.

**Запрещение
банкета
22 февраля.**

Банкет был назначен на 22 февраля. Но правительство поспешило запретить и этот банкет и угрожало военными мероприятиями в случае попытки нарушить запрет. Перед лицом неизбежного столкновения с властями оппозиция трусливо капитулировала.

На её совещаниях большинство депутатов были готовы отказаться от банкета и лишь искали способа «сохранить лицо» при этом отступлении. Были затеяны переговоры между сторонниками правительства и представителями оппозиции о выходе из создавшегося положения. Вскоре было достигнуто негласное соглашение: правительство допустит явку на банкет его участников, а оппозиция обязуется подчиниться распоряжению полицейского комиссара, который объявит банкет незаконным и распущенным, и мирно разойтись. В соглашении предполагалось, что устраи-

тели банкета будут затем привлечены к судебной ответственности и уже суд должен будет решить вопрос о том, на чьей стороне право.

Таким образом оппозиция намеревалась разыграть комедию сопротивления, а фактически заранее капитулировала перед правительством. Несмотря на секретный характер соглашения, слухи о нём проникли в печать и вызвали в радикальных слоях мелкой буржуазии и пролетариата негодование. Недоволен был соглашением и король. Луи Филипп был весьма невысокого мнения о деятелях оппозиции; он считал их просто красноречивыми и твёрдо уповал на силу парижского гарнизона. Кроме того, короля успокаивало и ещё одно соображение. «Зачем они станут сбрасывать меня, — говорил он депутату Дюпону в феврале 1848 г., — у них же нет никого, чтобы поставить на моё место». Узнав о недовольстве короля, Гизо искал теперь повода для отмены соглашения с оппозицией.

21 февраля в газетах была опубликована программа предстоящего банкета и предшествующей ему демонстрации. Эта программа (её автором был Марраст) приглашала на демонстрацию не только гражданских лиц, но и национальную гвардию во главе с её офицерами, но без оружия. Рабочие также приглашались, но не для участия в самой демонстрации, а в ряды зрителей, которые должны были стоять шпалерами по пути следования демонстрации и приветствовать её участников. Правительство усмотрело в этой программе искомый повод для отказа от соглашения с оппозицией и обвинило её в том, что она нарушила соглашение, пригласив национальную гвардию. В тот же день на улицах Парижа были расклеены правительственные объявления о запрете банкета и демонстрации. Командование национальной гвардии со своей стороны запретило национальным гвардейцам участие в демонстрации. Убедившись в намерении правительства воспрепятствовать демонстрации и банкету силой, оппозиция окончательно капитулировала. На собрании у Одилона Барро вечером 21 февраля все лидеры оппозиции, кроме Ламартина, настаивали на отказе от сопротивления. Было решено отказаться от банкета и призвать народ подчиниться властям.

**Революционные
настроения
масс.**

Правительство одержало полную победу над трусливыми либералами из оппозиции, но оно весьма ошиблось в народе. Между тем у правительства не было недостатка в информации о серьёзности положения. Уже с середины февраля полицейские донесения сообщали о сильнейшем возбуждении, охватившем население Парижа. Выступления оппозиции, её разоблачения по адресу правительства возбуждали в народных массах всё более острое возмущение корыстной, антипатриотической и реакционной политикой правящей буржуазной клики. Революционное брожение ещё более усилилось, когда пришли вести о начавшемся 12 января 1848 г. в Сицилии, в Палермо, восстании против деспотизма и гнёта неаполитанской монархии. В Лионе в первых числах февраля раскле-

ивались листовки, призывавшие рабочих к вооружённому восстанию.

Однако Луи Филипп и Гизо не придавали этим фактам серьёзного значения: они были твёрдо уверены в своих силах. В Париже насчитывалось свыше 30 тыс. солдат, не считая национальной гвардии, в которой правительство также было уверено. Кроме того, правительство конфисковало весь порох в оружейных лавках Парижа. Уверенность правительства разделяла почти вся буржуазия. «Мы находимся, возможно, накануне мятежа, но не накануне революции», — писала 16 февраля выходившая в Бордо газета «Бордосский мемориал».

Многие республиканцы и демократы также сомневались в возможности успешного народного выступления против июльской монархии. На собрании христианских социалистов 15 февраля сторонники П. Леру решительно возражали против участия в таком выступлении, хотя Ламенн и его сторонники, оказавшиеся на собрании в большинстве, требовали активного участия социалистов в надвигавшейся борьбе.

Против выступления были не только мирные мелкобуржуазные социалисты вроде Консидерана, Пьера Леру или антиреволюционно настроенного реформатора Прудона, но и левые республиканцы — Ледрю-Роллен, Луи Блан и др. На совещании 19 февраля в редакции газеты «Реформа» Ледрю-Роллен, поддержанный Луи Бланом, высказался против использования банкетного конфликта для выступления масс. Он доказывал, что народ не подготовлен к борьбе и не имеет оружия. Несмотря на возражения ряда участников совещания, связанных с тайными обществами, — Коссидьера, Бона, Лагранжа — точка зрения Ледрю взяла верх. После совещания один из редакторов «Реформы» и вождей левых республиканцев — Флокон, написал для «Реформы» статью, призывавшую парижан сохранять спокойствие и оставаться 22 февраля дома. Но и сторонники выступления — Коссидьер, Лагранж и др. — были далеко не уверены в боевых настроениях рабочих и решили держаться на первых порах выжидательной тактики, наблюдая за развитием событий и сообразуя с ними дальнейшее своё поведение.

**События
22 февраля.
Начало
восстания
в Париже.**

Однако народные массы Парижа внесли свои коррективы в действия оппозиции. Несмотря на проливной дождь, полицейские запреты и демобилизующие призывы демократической прессы, десятки тысяч парижан вышли 22 февраля на улицы и площади, служившие сборными пунктами запрещённой демонстрации. Толпы народа горячо обсуждали последние события, пели революционные песни, кричали: «Да здравствует реформа! Долой Гизо!» Центром событий сделалась площадь Пантеона, примыкающая к населённому студентами Латинскому кварталу. Радикально настроенные студенты, к которым примкнули рабочие, образовали здесь мощную колонну демонстрантов и отправились к месту заседаний парламента — Бурбонскому дворцу. Опрокинув небольшие полицейские заслоны, колонна достигла дворца, но нашла его пустым, так как заседание палаты было назначено на более поздний час. Колонна отправилась в обратный путь. «Мы ещё вернёмся сюда и поставим правительство, которое будет таким же красным, как твой жилет!» — кричали демонстранты одному из служителей дворца. Часть демонстрантов отправилась на площадь Согласия, где с утра собралась масса народа. Вскоре здесь начались стычки между народом и так называемой муниципальной гвардией. Эта последняя представляла собой особо надёжную полицейскую часть. Парижане ненавидели муниципальную гвардию за её усердную службу правительству и жестокость при подавлении народных движений. Мелкие стычки всё более учащались и скоро переросли в схватку между народом и муниципальными гвардейцами. К последним на помощь пришли драгунские части. С площади Согласия борьба быстро распространилась на другие части города. Во многих местах были построены баррикады, которые подвергались ожесточённым атакам войск и полиции. Постепенно восставшие были отеснены войсками в район старого Парижа, изобилующий узкими улицами, — их лабиринт давал прекрасные возможности для баррикадной борьбы. Сюда из предместий, предводимые отдельными вожаками из тайных обществ, потянулись наиболее энергичные группы рабочих, вступавшие в борьбу с правительственными войсками. Оружие захватывали в оружейных магазинах. Как свидетельствовал в своих воспоминаниях очевидец событий, русский публицист Анненков, «к вечеру отдельные группы мастеровых явились в дома и магазины самих национальных гвардейцев и потребовали их ружей, грозя в случае отказа уничтожением их богатых лавок».

Только теперь правительственные круги начали отдавать себе отчёт в серьёзности создавшегося положения. Правительство приказало окружить район восстания войсками и вызвало подкрепления из ближайших к Парижу мест. Но ещё до их прибытия, ввиду возрастающей опасности, было решено созвать национальную гвардию. Однако приказ о сборе был плохо выполнен национальными гвардейцами. Из большинства легионов на сборные

пункты явилось лишь по несколько десятков человек, но и среди них раздавались речи и возгласы в пользу требуемых реформ.

Тем не менее правительство чувствовало себя прочно. Происходившее 22 февраля заседание палаты депутатов снова убедило Гизо в трусости и бессилии оппозиции. Она и на сей раз ограничилась тем, что внесла на этом заседании обвинительный акт против правительства Гизо. Только у 53 депутатов хватило мужества поставить под этим документом свою подпись. Гизо и председатель парламента встретили этот шаг оппозиции с нескрываемым презрением. Верное правительству большинство палаты депутатов отвергло обвинительный акт, и палата занялась как ни в чём не бывало своими очередными делами.

К ночи правительство обрело полную уверенность в благополучном исходе событий. Борьба на баррикадах с наступлением темноты прекратилась. К утру ожидалось прибытие войск из провинции. Оппозиция отказалась поддержать народное движение. «Все идёт хорошо», — говорил вечером 22 февраля министр внутренних дел Дюшатель австрийскому послу в Париже. Чувствуя себя хозяином положения, правительство вернуло в казармы на отдых часть войск.

Рост восстания и победа революции в Париже. Однако 23 февраля с раннего утра уличная борьба возобновилась и приняла ещё большие размеры. Число рабочих, принявших участие в баррикадной борьбе, всё время увеличивалось. Сопровождение повстанцев муниципальной гвардии и войскам делалось всё более ожесточённым. Кое-где войска уже пускали в ход против баррикад пушки. Беспрестанные стычки с народом и нападения повстанцев всё более изнуряли солдат и офицеров. Немалую роль играло и моральное воздействие народа на армию. Это воздействие ещё более усилилось вследствие поведения национальной гвардии, которую правительство вновь созвало 23 февраля. В ряде городских округов Парижа большая часть национальных гвардейцев снова не явилась на сборные пункты. Но и среди явившихся на сбор национальных гвардейцев правительство не нашло твёрдой поддержки. Состоявшая в большинстве из мелкой и средней буржуазии, национальная гвардия проявила сочувствие требованию избирательной реформы. Из рядов национальных гвардейцев всё чаще раздавались возгласы: «Да здравствует реформа!» «Долой Гизо!» Отряды национальной гвардии уклонялись от борьбы с повстанцами и даже подчас выражали им сочувствие. В ряде случаев части национальной гвардии становились между защитниками баррикад и атакующими их войсками и вынуждали войска прекращать борьбу и отступать.

Один из легионов национальной гвардии отправился даже к палате депутатов, чтобы передать петицию с требованием отставки кабинета Гизо. Известие о сочувствии национальной гвардии борьбе за избирательную реформу вызвало переполох в королевском дворце и привело Луи Филиппа в полное замешательство.

Луи Филипп увидел в поведении национальной гвардии опаснейший симптом того, что июльская монархия утратила симпатии буржуазии. Король решил пожертвовать своим любимцем Гизо, надеясь этим улучшить положение. Отставка Гизо, которой безуспешно добивалась буржуазная «династическая оппозиция», была теперь осуществлена почти мгновенно. Вместо Гизо король призвал к власти графа Моле, надеясь, что либеральная репутация Моле поможет успокоить буржуазию. Действительно, весть о падении Гизо и замене его Моле была встречена в оппозиционных кругах буржуазии с радостью и восторгом. Во многих буржуазных кварталах были иллюминированы дома. Представители буржуазии обращались к народу с призывом прекратить борьбу. «Всё кончено», — говорили жителям предместья Сент-Мартен офицеры национальной гвардии. Однако рабочие не дали себя на этот раз обмануть. «Моле или Гизо — это для нас всё равно», — заявляла прокламация республиканцев, призывавшая продолжать борьбу. К этому же звали рабочих и деятели тайных обществ. Народ продолжал оставаться на баррикадах и не выпускал оружия из рук.

Вечером 23 февраля на бульваре Капуцинов произошло трагическое событие, оказавшее большое влияние на дальнейший ход борьбы. Большая толпа, состоявшая из рабочих и национальных гвардейцев и направлявшаяся к зданию министерства иностранных дел, где проживал Гизо, была остановлена батальоном пехоты, который занимал все подступы к зданию и часть улицы. Во время последовавших переговоров между демонстрантами и коман-

диром батальона солдаты открыли по толпе огонь. Было убито шесть человек и несколько десятков ранено. Весть об этом провокационном нападении мгновенно разнеслась по городу. Телёга с трупами убитых, сопровождаемая толпами людей с факелами в руках, медленно продвигалась по рабочим кварталам Парижа. Гневный клич: «К оружию! Убивают наших братьев!» — проник в самую толщу народа и нашёл в нём могучий отклик. Баррикадные бои превратились в подлинно народное восстание, в котором решающую роль играли рабочие Парижа, предводительствуемые вожаками бланкистских и левореспубликанских тайных обществ. Участники этих обществ, — по некоторым данным, их насчитывалось в Париже перед революцией около четырёх тысяч, — приняли самое активное участие в разгоревшейся борьбе. Незавирая на проливной дождь, мрак и стужу, тысячи рабочих, ремесленников, студентов ринулись в бой с ненавистной кровавой монархией. В рабочих кварталах женщины и дети лили пули, мужчины добывали оружие и строили сотни новых баррикад. В одну ночь было построено свыше 1500 баррикад. Борьба разгорелась с новой силой, приняв невиданно ожесточённый характер. Сторожевой пост при Институте наук и промышленности был взят повстанцами приступом и сожжён. Была сожжена также казарма муниципальной гвардии возле Тюильрийского дворца.

Наступил решающий момент революционного восстания. Ночью король передал командование над войсками маршалу Бюжо, ненавидимому народом «герою» кровавой резни жителей квартала Транснэн во время республиканского восстания 1834 г. в Париже. Выбор этого жестокого и тупого реакционера означал, что Луи Филипп решил подавить восстание кровавыми средствами и любой ценой.

Одновременно, чтобы облегчить Бюжо расправу с восстанием, король решил внести успокоение в ряды национальной гвардии и буржуазии показными уступками буржуазной оппозиции. Для этого король заменил Моле Тьером и поручил ему вместе с лидером династической оппозиции Одилоном Барро составить новое министерство. «Мне нужны ваши имена», — говорил Луи Филипп Тьеру, объясняя ему, почему он торопится объявить об этом новом министерстве, в то время когда оно в действительности даже ещё не было создано.

Вожди либеральных монархистов согласились участвовать в этом заговоре против народа и разыграть предложенную им королём комедийную роль. Тьер и Барро отправились в город, чтобы сообщить о новой уступке короля и убедить повстанцев прекратить борьбу, а Бюжо быстро составил план боевой операции. Четыре отряда войск во главе с генералами Себастиани и Бедо должны были повести решительное наступление с разных сторон к центральным стратегическим пунктам города и снести со своего пути баррикады и их защитников. «Я всё-таки буду иметь удовольствие перестре-

лять множество этих каналов, — заявлял Бюжо. — Не жалеть ни пороха, ни свинца», — требовал Бюжо от солдат.

Между тем восставший народ начал с утра 24 февраля решительное наступление на главные опорные пункты правительства: мэрии, казармы, площади, заставы и общественные здания. Натиск повстанцев отличался большой стремительностью и отвагой. Помогало им и сочувственное отношение многих батальонов национальной гвардии. Отдельные отряды национальных гвардейцев — 8-й легион, часть 10-го легиона и др. — перешли на сторону народа и помогали его борьбе с войсками. Другие хранили нейтралитет или же вмешивались в борьбу, требуя отвода войск и прекращения их боевых операций против повстанцев.

Восстание охватило пригороды, жители которых захватили заставы и преградили путь в Париж войскам из провинции. Жители Шантильи остановили шедший в столицу из Фонтенебло отряд драгун, а жители Ля-Шанель задержали пехотный полк из Амьена. В самом Париже уже утром 24 февраля большинство окружных мэрий и войсковых казарм оказалось в руках восставших. Войска отступали с площади Бастилии и у Венсенского замка. В 11 часов утра была занята повстанцами Гревская площадь. Колонна генерала Себастиани с трудом прокладывала себе путь к городской Ратуше, а колонна генерала Бедо была задержана огромными баррикадами на улице Сент-Дени. План Бюжо расстраивался, связь между наступающими колоннами всё более нарушалась. Усиливалась деморализация войск.

В ответ на известие о создании министерства Тьера — Барро редакторы газеты «Реформа» выпустили воззвание, гласившее: «Граждане, Луи Филипп убивает нас, как Карл X. Так пусть же он и убирается к Карлу XI!»

В штабе Бюжо начались колебания. Отдельные капиталисты, вроде крупного торговца Фавель-Деябар, упрашивали Бюжо отказаться от своего плана, чтобы не обострить ещё более положения. Бюжо был сперва непоколебим. Но вскоре известия о новых победах повстанцев сломили и его упорство. Поняв, что силой восстание подавить невозможно, он отдал Бедо приказ о прекращении боевых действий и отступлении. Противоречивые приказы и отступление сквозь толпы революционного народа, призывавшего солдат прекратить борьбу против восстания, — все это окончательно деморализовало войска. Старая казарменная дисциплина была сломлена, началось братание солдат с населением.

Запоздалые
маневры
монархии.

Тьер поспешил во дворец, чтобы уговорить Луи Филиппа пойти на дальнейшие уступки. По его совету король назначил командующим национальной гвардией генерала Ламорисьера, известного своими либеральными взглядами. Но и этот маневр не помог июльской монархии. Ламорисьер и Барро снова отправились уговаривать повстанцев, но были враждебно встречены баррикадными бойцами и поспешили ретироваться. «Долой

Тьера, долой Барро, долой Луи Филиппа! Да здравствует республика!» — таков был ответ восставшего народа на запоздалые уступки короля. Во дворце началась паника. Тьер советовал теперь королю эвакуировать из Парижа в провинцию войска, правительство и парламент и подвергнуть революционный город осаде и бомбардировке с помощью войск провинции. Этот план Тьер впоследствии осуществил для разгрома Парижской Коммуны 1871 г. Но Луи Филипп отверг это предложение. Желая ободрить войска, Луи Филипп отправился на площадь Карусели, где были размещены воинские части и несколько легионов национальной гвардии, и произвёл здесь смотр. На этом смотре он услышал, как вместе с возгласами «Да здравствует король!» из рядов солдат доносились крики «Да здравствует реформа!» Ещё сильнее этот клич раздался из рядов национальной гвардии в тот самый момент, когда король прошёл перед шеренгами гвардейцев. Перепуганный Луи Филипп забормотал: «Я уже согласился на неё, согласился!» — и ускорил во дворец, охваченный паническим страхом. Теперь утопающая в народном гневе монархия хваталась за соломинку.

Король назначил председателем совета министров вместо Тьера Одилона Барро. Вместо Бюжо, чьи палаческие услуги делались теперь бесполезными, был назначен маршал Жерар. Но всё было напрасно. Наступление повстанцев продолжалось. Братание с войсками позволяло восставшим стремительно продвигаться вперёд. Городская Ратуша была взята и очищена от королевских чинов-

ников. Надвигалась атака на королевский дворец — Тюильри. Буржуазные элементы национальной гвардии и мэрий парижских округов пытались отговорить повстанцев от похода на Тюильрийский дворец. Однако революционный опыт парижского населения подсказывал ему другое. Кроме того, в действиях повстанцев всё сильнее чувствовалась направляющая рука вожаков республиканских тайных обществ. Воззвание, распространявшееся на бульварах, напоминало народу об уроках восстания 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г., июльской революции 1830 г. «Пусть эти примеры, наконец, послужат вам уроком!.. Примите же немедленно последнее решение. Спешите в Тюильри, овладейте им... Позаботьтесь затем, чтобы не довериться шарлатанам, людям, показавшим одну лишь трусость и политическую бездарность... К оружию! В Тюильри!» — говорилось в этой листовке.

Атака Тюильрийского дворца началась с обстрела форта Шато д'О, прикрывавшего подступы к Дворцовой площади. Гарнизон Шато д'О оказал ожесточённое сопротивление, что привело к упорной, кровопролитной борьбе вокруг этого форта. Близкая грозная опасность штурма дворца народом, полная невозможность подавить восстание окончательно сломили Луи Филиппа. По совету буржуазного журналиста Эмиля Жирардена, Луи Филипп отрёкся от престола в пользу своего малолетнего внука, графа Парижского. Его мать, герцогиня Орлеанская, была тем же королевским указом назначена регентшей. После этого королевская семья поспешно покинула дворец и бежала из Парижа. Луи Филипп, как некогда Карл X, эмигрировал в Англию. Свершилось то, о чём говорилось 24 февраля в одном из воззваний республиканцев: «Так пусть же он (Луи Филипп) и убирается к Карлу X!».

Тюильрийский дворец, оставленный его защитниками, был захвачен народом. Ворвавшиеся во дворец ликующие массы народа перенесли королевский трон на площадь Бастилии, где он был торжественно сожжён. После этого победители под крики: «Да здравствует республика!» — двинулись к Бурбонскому дворцу, где заседала палата депутатов. Здесь восставший народ дал последний бой июльской монархии и её защитникам.

Монархическая палата депутатов стремилась учредить регентство герцогини Орлеанской, видя в этом средство спасти монархию путём перемены лиц. Герцогиня Орлеанская осталась в Париже и явилась вместе с детьми в Бурбонский дворец, добиваясь скорейшего признания за своим старшим сыном королевских прав. Этого же добивались и буржуазные либералы из династической оппозиции во главе с Одилоном Барро. Последний, играя роль «законно» назначенного премьер-министра, развил бурную деятельность. Обосновавшись в министерстве внутренних дел, он спешил известить префектов департаментов об установлении регентства и о своём вступлении в должность министра, рассылав

своих гонцов в парижские окружные мэрии, предлагая мэрам созвать национальную гвардию и добиться от неё поддержки нового правительства. Затем Барро явился в палату депутатов и выступил с речью в защиту регентских прав герцогини Орлеанской.

Со своей стороны буржуазные республиканцы отправили в палату депутатов делегацию, чтобы протестовать против регентства и требовать создания временного правительства. Эти требования поддерживали буржуазные республиканцы — депутаты Кремье и Мари, а также с некоторыми колебаниями и Ламартин, постепенно склонявшийся к мысли о необходимости провозглашения республики. Палата депутатов тратила время на споры о «законности» регентства, когда в зал заседания ворвался вооружённый народ, незадолго до того побывавший в Тюильри. Угрожая оружием, рабочие заявили: «Ни регентства, ни короля! Да здравствует республика!» С каждой минутой в зал заседаний прибывали всё новые бойцы баррикад. На палату продажных депутатов-монархистов обрушился народный гнев. «Долой палату! Вон бессовестных торгашей! Да здравствует республика!» — кричали повстанцы, потрясая оружием и устремляясь к трибунам. Многие депутаты поспешили скрыться. Председатель палаты был изгнан со своего места при возгласах: «Председатель предателей, убирайся вон!» Герцогиня Орлеанская бежала. Оставшиеся депутаты под давлением заполнивших зал повстанцев решили избрать временное правительство.

**Формирование
временного
правительства.**

Список членов правительства огласил Дюпон. Этот список не был случайным. Вопрос о составе будущего временного правительства давно уже обсуждался буржуазными республиканцами. Ещё 21 февраля на совещании у банкира Гудшо они высказали мысль о необходимости создания руководящего комитета, если развернётся борьба с правительством. Утром 24 февраля, когда успех восстания вполне обозначился, состав этого комитета был обсуждён в редакции газеты «Националь». Были намечены Ламартин, Ф. Араго, Мари, Гарнье-Пажес, Марраст — редактор газеты «Националь», и Барро — лидер либеральных монархистов из так называемой «династической оппозиции». Имя Ледрю-Роллена было из списка исключено, «чтобы не отпугивать буржуазию». Этот список свидетельствовал о том, что буржуазные республиканцы стремились вырвать руководство народным движением из рук демократических элементов, чтобы иметь возможность завершить борьбу компромиссом, с либералами приемлемым для буржуазии. Но собравшаяся под окнами «Националя» толпа ворвалась в помещение редакции и потребовала изменения списка: Марраст и Барро были исключены, а были включены Ледрю-Роллен и республиканец, деятель буржуазной революции конца XVIII в., Дюпон.

Оглашённый в палате депутатов список был встречен приветствиями. Ламартин вместе со многими депутатами и частью заполнившей зал публики поспешил к городской Ратуше — традиционному в истории Франции месту провозглашения всех революционных правительств. Ледрю-Роллен закончил чтение списка и добился видимости его одобрения горстью депутатов и народом, заполнившим зал заседания. Однако вопрос о составе временного правительства далеко ещё не был разрешён. В то время как буржуазные республиканцы из «Националя» вместе с Ламартином, при помощи Ледрю-Роллена, навязывали свой список охвосту палаты депутатов, демократические республиканцы составляли в редакции газеты «Реформа» свой собственный список членов временного правительства. Они пополнили список «Националя» именами Флокона — секретаря редакции «Реформы», Марраста — редактора «Националя», и Луи Блана. Новый список был согласован с вожаками тайных обществ, предводителями баррикадных боёв 22—24 февраля и зачитан огромной толпе бойцов баррикад, собравшейся у окон редакции «Реформы». Одобрив этот список, рабочие-повстанцы потребовали, чтобы в него был включён также один из активных деятелей тайного республиканского общества «Новые времена года», участник баррикадных боёв, рабочий-механик пуговичной мануфактуры Александр Мартэн, более известный по прозвищу Альбер. Это предложение было принято, и имя Альбера было внесено в список. Демократические республиканцы из «Реформы» наметили своих людей и на другие важнейшие посты. На пост префекта полиции был избран испытанный

революционер, старый деятель тайных обществ Коссидьер. Это был преданный народу мелкобуржуазный демократ, но политически недалёкий человек, старавшийся чисто внешне подражать якобинцам 1793 г. Не дожидаясь своего утверждения правительством, Коссидьер отправился в полицейскую префектуру и, отстранив прежние полицейские власти, приступил к исполнению своих обязанностей. К вечеру он создал из бойцов баррикад новую республиканскую полицию. Пост мэра города Парижа был захвачен буржуазными республиканцами. Днём 24 февраля здание городской Ратуши было захвачено восставшими. Вместе с ними в здание явился посланец Одилона Барро, депутат Гарнье-Пажес, объявивший об отречении Луи Филиппа, о создании регентства и о назначении Барро главой правительства. Однако повстанцы не хотели и слышать о Барро и регентстве. Они требовали казни Луи Филиппа и провозглашения республики. Гарнье-Пажес понял тогда, что попытка отстаивать регентство бесполезна, и переменял тактику. После того как он объявил себя республиканцем, повстанцы провозгласили его мэром Парижа. Около пяти часов дня в Ратуше поодиночке собрались члены временного правительства из числа тех, кто вошёл в список, оглашавшийся в палате депутатов. Они составили прокламацию к народу, в которой звали к порядку и единству нации и очень уклончиво касались будущей формы правления во Франции, обходя вопрос о республике. После этого правительство занялось распределением портфелей. Но в этот момент в Ратуше появились Луи Блан, Марраст, Флокон и Альбер, намеченные в состав временного правительства на совещании в редакции газеты «Реформа». Приветствуемые толпами народа, они выступили перед ним с речами, провозгласив требование республики. Получив поддержку революционного народа, Луи Блан и его товарищи легко сломали сопротивление, которое Кремье и Араго пытались оказать их включению в правительство. Буржуазным республиканцам пришлось примириться и включить их в правительство в качестве его секретарей. Таким образом временное правительство составилось из трёх групп: буржуазные республиканцы (Дюпон, Ламартин, Ф. Араго, Мари, Кремье, Гарнье-Пажес и Марраст), мелкобуржуазные демократы (Ледрю-Роллен, Флокон) и социалисты, представлявшие рабочий класс (Луи Блан и Альбер). Такая коалиция не была случайной. «По своему составу временное правительство, возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разделили между собой плоды победы. Оно не могло быть ничем иным, как компромиссом между различными классами, которые совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. Огромное большинство его состояло из представителей буржуазии»¹. Руководящая роль

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 8.

буржуазных элементов временного правительства была видна и из распределения обязанностей между его членами. Председателем правительства был избран Дюпон (из департамента Эры), буржуазный адвокат, старый деятель республиканского движения, один из немногих оставшихся в живых участников буржуазной революции конца XVIII в. (в 1848 г. ему было свыше 80 лет). Фактическим главой правительства был Ламартин, взявший себе портфель министра иностранных дел. Его красноречие должно было содействовать влиянию правительства на народ, его вчерашний монархизм — успокоить европейские феодальные державы, а его умеренный либерализм — успокоить буржуазию во Франции. Пост морского министра занял знаменитый астроном и математик Араго — буржуазный республиканец, популярный в народе благодаря своим речам, обращённым к рабочим и выражавшим сочувствие их бедственному положению. Мари и Кремье — буржуазные адвокаты, получили посты: первый — министра общественных работ, второй — министра юстиции. Вчерашний монархист, а ныне республиканец, торговый маклер Гарнье-Пажес был утверждён мэром Парижа. Только пост министра внутренних дел был отдан демократу Ледрю-Роллену. Луи Блан, Флокон, Марраст, Альбер

были министрами без портфеля. Были назначены министрами и некоторые буржуазные республиканцы, не вошедшие в состав правительства: банкир Гудшо — министром финансов, сын знаменитого деятеля Конвента Карно — министром народного просвещения, Бетмон — министром торговли и земледелия. Пост военного министра был предложен генералу Ламорисьеру, а после его отказа был впоследствии замещён генералом Кавеньяком. Барро, которого буржуазные республиканцы намечали в своё правительство на совещании в редакции «Националя», войти в правительство отказался.

Вхождение социалистов Луи Блана и Альбера в буржуазное временное правительство 1848 г. в качестве представителей рабочего класса было большой ошибкой. «Являясь меньшинством в правительстве чистых республиканцев, — писал впоследствии об этой ошибке Энгельс, — они добровольно разделили ответственность за все подлости и предательство по отношению к рабочему классу, совершённые большинством, и в то же время их присутствие в правительстве совершенно парализовало революционную активность рабочего класса, на роль представителей которого они претендовали»¹.

Касаясь этого замечания Энгельса по адресу французских социалистов 1848 г., товарищ Сталин указал на то, в чём состоял исходный неправильный пункт их ошибочной политики по данному вопросу: пролетариат был в 1848 г. ещё слишком слаб, чтобы воспользоваться тогда плодами революции. Французский пролетариат ещё не обладал тогда ни развитым политическим сознанием, ни собственной политической партией, ни собственной определённой социалистической программой. «Обо всём этом французский пролетариат даже представления не имел»², — подчёркивал товарищ Сталин.

Состав временного правительства вызвал разочарование и недовольство многих революционных элементов рабочего класса и мелкой буржуазии. Бойцы из Сент-Антуанского предместья громко возмущались тем, что в правительстве отсутствуют люди, принимавшие непосредственное участие в руководстве народным восстанием.

К этому прибавлялось и возмущение уклончивой и двусмысленной позицией, которую заняло правительство в вопросе о республике. Этот вопрос сразу же приобрёл большую остроту и огромное значение в судьбах временного правительства. Правые, умеренные элементы его — Араго, Дюпон, Мари — открыто противились немедленному провозглашению республики под тем предлогом, что этот вопрос должна решать вся страна и что Париж не может навязывать своей воли остальной Франции. Той же позиции держался в сущности и Ламартин, но он прикрывал её звонкими фразами

¹ Маркс и Энгельс, Избр. письма. ОГИЗ, 1947, стр. 475.

² Сталин, Соч., т. 1, стр. 154.

и изобретал формулировки, которые дали бы правительству возможность избежать немедленного провозглашения республики, а в то же время успокоить революционный народ.

За юридической щепетильностью буржуазных республиканцев скрывалась попытка избавиться от решающего влияния Парижа и его рабочего населения на ход событий «путём апелляции от опьянённого победой Парижа к трезвой Франции»¹. Мелкобуржуазные демократы и социалисты в составе временного правительства — Ледрю-Роллен, Флокон и Луи Блан — настаивали на провозглашении республики. Текст воззвания временного правительства, отправленного уже в типографию, был обсуждён заново. Начались споры, решение вопроса затягивалось. Топтание на месте вызвало огромное возбуждение народных масс, заполнивших залы Ратуши и Гревскую площадь. Были сделаны попытки установления контроля над правительством посредством избранных народных делегатов. Но из-за отсутствия организованности в рабочей массе делегаты попали почти сплошь буржуазные элементы — торговцы и интеллигенты; роль этих «делегатов» быстро сошла на нет. Ламартину пришлось выходить к народу и объясняться. Но всё его красноречие на этот раз не могло обмануть массы. Рабочие в упор требовали ответа на вопрос: «Вы за республику или против республики?» — и угрожающе кричали Ламартину: «Довольно слов!» Было ясно, что народ не позволит затягивать решение вопроса о республике и не допустит повторения обмана 1830 г., когда за спиной народа, свергнувшего монархию Бурбонов, либералы создали новую монархию — орлеанскую. В конце концов буржуазным республиканцам пришлось отступить, и по предложению Кремье временное правительство приняло следующую формулу: «Временное правительство желает учреждения республики под неперемным условием утверждения её народом, который будет немедленно опрошен». Ещё до этого на площади перед окнами Ратуши рабочие протянули большое полотнище, на котором крупными буквами написали: «Франция является единой и неделимой Республикой». Вскоре появилось подписанное Гарнье-Пажесом, Луи Бланом и Альбером воззвание, говорившее о том, что народ провозгласил республику и что временное правительство объявляет её учреждённой. Однако парижские рабочие не были удовлетворены такими не вполне официальными или двусмысленными заявлениями, оставлявшими лазейку для дальнейшего дебатирования вопроса о республике. Они продолжали настаивать на немедленном, категорическом, ясном и бесповоротном решении вопроса. Утром 25 февраля толпы народа снова заполнили площадь и здание Ратуши. К временному правительству явилась депутация, во главе которой стоял коммунист, врач Распайль, известный деятель революционного движения, тесно связанный с рабочим классом и пользовавшийся среди рабочих большой

популярностью. Распайль потребовал немедленного провозглашения республики и пригрозил, что если это требование не будет выполнено в течение двух часов, то он вернётся во главе 200 тысяч парижан. После этого временное правительство решило, наконец, удовлетворить требование народа. «Трупы павших борцов ещё не успели остыть, баррикады ещё не были убраны, рабочие ещё не были обезоружены... При этих обстоятельствах внезапно исчезли соображения государственной мудрости и юридическая щепетильность временного правительства. Ещё до истечения двухчасового срока на всех стенах Парижа красовались исторические исполинские слова: Французская Республика! Свобода, Равенство, Братство!»¹. Таким образом состоялось провозглашение республики. Фактически её провозгласил победоносный парижский пролетариат, провозгласил вопреки воле буржуазных республиканцев, начавших с первого же момента своего прихода к власти отречься от своих убеждений.

**Вопрос о цвете
государственного
знамени
Франции.**

В течение ближайших двух-трёх дней несколько раз повторялись столкновения между временным правительством и парижскими пролетариями, кончавшиеся в той или иной форме уступкой их требованиям. Вслед за вопросом о республике столкновение произошло по вопросу о цвете государственного знамени Франции. 25 февраля группы революционных рабочих стали добиваться от правительства признания революционного красного знамени государственным знаменем республики. Правительство всячески противилось этому требованию. Ламартин произнёс перед толпой, заполнявшей Гревскую площадь, свою знаменитую речь. Прибегая к фальшивым историческим изысканиям, он доказывал необходимость сохранить трёхцветное знамя в качестве государственного знамени Франции. Вечером того же дня правительство издало по этому вопросу декрет, объявлявший государственным знаменем республики трёхцветное знамя. Вопрос на этом, однако, не кончился. Революционные рабочие продолжали требовать красного знамени. Ночью бланкисты вы-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 9.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 9.

пустили прокламацию, требовавшую, чтобы опозоренное июльской монархией трёхцветное знамя было заменено красным знаменем баррикад. «Оно реет, сверкая над Парижем, и должно быть сохранено. Победоносный народ не спустит своего флага». Утром 26 февраля толпы рабочих с красными знамёнами явились снова к правительству. В этот момент происходили споры между Луи Бланом, отстаивавшим предложение о красном знамени, и всеми другими членами правительства. В разгаре спора явился крайне встревоженный министр финансов, банкир Гудшо. Он заявил, что принятие красного знамени отразится самым пагубным образом на делах, так как посеет панику среди буржуазии, которая видит в нём эмблему социальной революции. Правительство решило сохранить трёхцветное знамя, но пошло на показную уступку рабочим: к древку знамени должна была прикрепляться красная розетка.

Провозглашение «права на труд».

Ещё более знаменательным было другое столкновение, произошедшее также 25 февраля. На заседание временного правительства явился в качестве представителя группы фурийеристов рабочий Марш с петицией, разработанной в редакции фурийеристской газеты «*Démocratie pacifique*» («Мирная демократия») и требовавшей «организации труда, права на гарантированную работу». Фурийеристская петиция отражала требование права на труд, пользовавшееся популярностью в самых широких рабочих массах. Популярность этого лозунга объяснялась не только распространённостью различных социалистических теорий, в которых фигурировало «право на труд», но и наличием постоянной безработицы среди рабочих и особенно массовой безработицы в 1848 г., в период экономического кризиса. Временное правительство пыталось и на этот раз оспаривать требование рабочих. Ламартин пустился в красноречивые рассуждения, убеждая Марша в добрых намерениях правительства относительно рабочих. Однако Марш прервал его и, стукнув прикладом ружья о пол, сказал: «Довольно фраз! Довольно поэзии! Народ не хочет больше ждать. Он хозяин положения и приказывает вам немедленно декретировать право на труд». И Марш указал членам временного правительства на бедствия и лишения рабочих. Луи Блан набросал проект декрета, который был принят правительством. Декрет гласил: «Временное правительство обязуется гарантировать рабочему его существование трудом, оно обязуется обеспечить работу для всех граждан». Выражая излюбленные идеи Луи Блана, декрет признавал за рабочим право «объединяться в ассоциации для пользования законными плодами своего труда». Кроме того, по предложению Араго, правительство решило передать рабочим миллион франков, оставшихся неизрасходованными из гражданского листа Луи Филиппа.

В тот же день правительство приняло решение об организации особых «мастерских» для производства строительных и земляных

работ в области железнодорожного строительства, а также о возобновлении других строительных работ, ведущихся за счёт государства.

Обещанное декретом временного правительства «право на труд» было, конечно, лишь маневром, рассчитанным на обман рабочего класса. Право на труд является одним из основных принципов социализма и неосуществимо в капиталистическом обществе. Чтобы не оставаться лишь на бумаге, право на труд требует уничтожения безработицы и кризисов народного хозяйства. А это возможно лишь при установлении социалистической собственности на орудия и средства производства и при плановом ведении хозяйства. Вековая мечта трудящихся о праве на труд могла осуществиться впервые лишь в СССР, стране победившего социализма, где Сталинская Конституция «не только провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы» (С т а л и н).

Наконец, 28 февраля имело место ещё одно столкновение того же рода. В этот день перед зданием Ратуши, где заседало временное правительство, произошла большая демонстрация рабочих. На их знамёнах были написаны требования: «Организация труда», «Министерство труда и прогресса», «Уничтожение эксплуатации человека человеком». Кроме того, фигурировали требования 10-часового рабочего дня и уничтожения маршандажа¹.

Прежде чем допустить делегатов от демонстрантов, правительство обсудило их требования. Создание министерства труда и прогресса поддерживал только Луи Блан, все остальные члены правительства решительно возражали. Луи Блан угрожал выходом из правительства, если требование рабочих не будет принято. Его угроза весьма встревожила буржуазных республиканцев. Присутствие в правительстве популярного в рабочих массах Луи Блана было важным условием доверия рабочих к правительству, и его уход послужил бы сигналом к полному разрыву между правительством и рабочим классом, а это могло привести к свержению временного правительства.

Создание Люксембург- ской комиссии.

В конце концов правительство приняло предложение Гарнье-Пажеса, формально уступавшее требованиям рабочих. Оно решило создать постоянную «правительственную комиссию по труду» с возложением на неё «точной и специальной миссии заботиться о положении трудящихся». В решении правительства подчёркивалось, «что вопросы труда являются вопросами чрезвычайной важности», «что революция, сделанная народом, должна быть совершенна в его интересах», «что Франции в особенности следует горячо

¹ Так именовалась система сдачи работ с торгов, которая приводила к нещадной эксплуатации рабочих подрядчиками.

взяться за изучение и разрешение проблемы, стоящей в настоящее время перед всеми промышленными нациями Европы», «что для республиканского правительства нет более высокой и более достойной заботы» и т. д. Для работы комиссии отводился Люксембургский дворец, а её председателем и заместителем председателя должны были привлекаться рабочие. Надо сказать, что, соглашаясь с этим предложением, Луи Блан ясно понимал всю иллюзорность сделанной ему уступки. «Таким образом, вместо министерства, имеющего под рукой своё бюро, своих агентов, бюджет, административный механизм, действительную власть, средства для действия, мне предлагали... что? Открытие бурной школы, где я должен был читать курс о голоде перед голодным народом!» — писал он в своих воспоминаниях относительно предложения Гарнье-Пажеса. Однако он согласился участвовать в этом обмане рабочих. Своё согласие Луи Блан объяснял двумя причинами. Первой — было его желание избежать гражданской войны, которую он считал неизбежной в том случае, если бы он вышел в отставку и разоблачил антирабочую политику временного правительства. Другой причиной своего согласия Луи Блан называл то соображение, что в лице Люксембургской комиссии «социализму представлялся несравненный случай иметь в своём распоряжении трибуну, с которой он мог бы обратиться с речью ко всей Европе...» Так вместо требуемого рабочими министерства труда была создана Люксембургская комиссия, которая могла быть лишь «министерством бессилия, министерством благих пожеланий» и в которой Луи Блан и Альбер «должны были своим собственным лбом разбить устой буржуазного строя»¹. Маркс отмечал, что своим решением временное правительство достигло и другого результата: «представители рабочего класса были изгнаны из места заседаний временного правительства, и буржуазная часть последнего удержала исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления»².

Характер февральской революции.

Все эти столкновения проливали яркий свет на характер февральской революции, на роль и взаимоотношения различных участвовавших в ней классов. Революцию совершили пролетариат, мелкая буржуазия и, отчасти, средняя буржуазия, объединённые борьбой против верхушки буржуазии, господствовавшей в стране, — против финансовой аристократии. При этом решающую роль в революции сыграл рабочий класс, являвшийся главной силой народного восстания в Париже 22—24 февраля 1848 г. Вынеся на своих плечах основную тяжесть борьбы с июльской монархией и завоевав в ней победу, парижский пролетариат приобрёл огромное влияние. Это влияние ещё более подкреплялось тем обстоятель-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 11.

² Там же, стр. 11.

ством, что рабочие были теперь вооружены, а буржуазия временно утратила вооружённую силу, способную противопоставить пролетариату, — боеспособную армию и полицию. После победы революции из Парижа были выведены войска, полиция скрылась, казармы были захвачены повстанцами, солдаты разоружены, а оружие распределено среди восставшего народа.

Вот почему буржуазное временное правительство вынуждено было идти на уступки рабочему классу, удовлетворять одни его требования, соглашаться на другие, обещать выполнение третьих — маневрировать, выигрывая время для укрепления своих сил и власти, для воссоздания своей вооружённой силы. Большую помощь в этих маневрах буржуазии и её временному правительству оказывали мелкобуржуазные социалисты и демократы типа Луи Блана. Их роль сводилась к тому, чтобы укреплять доверие пролетариата к буржуазии, возбуждать у него несбыточные надежды на помощь со стороны господствующих классов, отвлекать его внимание от их антинародных происков и маневров, усыплять его бдительность.

Люксембургская комиссия и Луи Блан помогли буржуазии проделать искусный маневр, суть которого, как указывал Ленин, состояла в том, чтобы «поставить... вождей «социалистической демократии» в положение безвредного для буржуазии придатка при буржуазном правительстве, заслонить это правительство от народа при помощи почти социалистических министров, прикрыть контрреволюционность буржуазии блестящей эффектной вывеской «социалистического» министерализма»¹.

При этих условиях классовые требования пролетариата, его демократические лозунги и смутные социалистические устремления накладывали на весь ход революции глубокий отпечаток. Пролетариат заставил буржуазию провозгласить республику, заставил временное правительство провозгласить «право на труд» — эту «первую неуклюжую формулу, в которой отражались революционные требования пролетариата». Таким образом, «февральская республика принуждена была объявить себя республикой, обставленной социальными учреждениями»².

Разумеется, это не делало и не могло делать февральскую революцию 1848 года социалистической революцией. Как указывал Ленин, «никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»³. Франция в то время ещё только завершала создание капиталистического общества и современной капиталистической промышленности. Вследствие этого силы, сознательность и организованность пролетариата были ещё крайне недостаточными для коренного социального переустройства капиталистического общества.

По своим задачам и характеру февральская революция была, следовательно, буржуазно-демократической революцией. Она была направлена непосредственно против финансовой аристократии и осуществила демократический переворот, создававший условия для господства не той или иной отдельной части буржуазии, но всего буржуазного класса в целом. Но в то же время рабочие массы стали силой в государстве и выступили в ходе революции со своими собственными требованиями, предприняв ряд попыток «по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»¹, — как говорил Ленин, характеризуя отличие «народной», т. е. буржуазно-демократической революции, от революции буржуазной.

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 396.

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 509.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 10.

³ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 187.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Результаты событий, произошедших 22—24 февраля в Париже, были встречены по всей Франции с чувством глубокого изумления. Рабочие, мелкие буржуа, значительная часть крестьян восприняли с радостью весть о падении ненавистного гнёта финансовой аристократии. Были довольны и республиканские элементы буржуазии и даже легитимисты, со злорадством встретившие позорный конец июльской монархии. Что касается торгово-промышленной буржуазии, не говоря уже о её верхушке, то её радость была лицемерной и показной: в действительности её страшил произошедший демократический переворот и беспокоили социальные требования пролетариата. Тревога буржуазии ещё более усилилась после того, как в первые же дни революции произошли стихийные выступления рабочих в ряде промышленных центров страны. В текстильных районах — Реймсе, Сен-Катане, Армантьере, Руане, Ромилии — имели место случаи разрушения машин, повреждения и поджогов фабрик. Возле Парижа и около Руана подверглись нападению железные дороги — их пытался разрушить разорённый конкуренцией железнодорожного транспорта люд: лодочники, работники речных каналов, лица, занимавшиеся извозным промыслом и т. п. В Лионе рабочие громили те монастыри, которые завели у себя шерстепрядильные и шёлкоткацкие мастерские, применявшие дешёвый труд детей-сирот. Близ Парижа была разгромлена и сожжена вилла банкира Ротшильда, в южных районах имелись случаи погромов помещичьих имений, контор сборщиков налогов; в Эльзасе, Арьеже и Варе происходила массовая порубка казённых лесов.

Буржуазию охватывал панический страх перед народом, вырвавшимся на короткий момент из обычного повиновения. Слухи о погромах и грабежах всячески сгущались и раздувались. «Если вы отправляетесь с визитом, вы застаёте даму, у которой все руки

в грязи, так как она только что рыла в своём саду яму, чтобы спрятать туда свои драгоценности», — писала о послефевральских днях баронесса Буд.

Учитывая напряжённость обстановки, временное правительство вынуждено было принять ряд мер для того, чтобы несколько улучшить положение трудящихся и одновременно успокоить буржуазию. В Париже были возвращены из ломбардов закладчикам предметы первой необходимости. Тюильрийский дворец был отдан под убежище для инвалидов труда. Были снижены цены на хлеб.

29 февраля правительство возвестило о своём намерении облегчить налоговое обложение трудящихся и обещало отменить городские пошлины на съестные продукты и налог на соль. В Реймсе муниципальный совет решил обложить зажиточные классы чрезвычайным налогом в пользу бедных в 400 тыс. франков, «чтобы учредить порядок на самой солидной основе братства и солидарности между гражданами». Декретом временного правительства от 2 марта рабочий день был сокращён на один час (в Париже с 11 до 10 часов и в провинции — с 12 до 11 часов) и был запрещён маршандаж — сдача работы с торгов. Вместе с тем, желая успокоить буржуазию насчёт возможности повторения революционного террора времён якобинской диктатуры, правительство объявило об отмене смертной казни по политическим преступлениям.

«Всеобщее братство» февральских дней.

И правительство, и буржуазия в целом старались всячески подчеркнуть отсутствие противоречий между имущими классами и пролетариатом, воспевали их «примирение» между собой, всеобщее «братство» и т. д. Ламартин заявлял, что временное правительство «прекращает страшное недоразумение, существовавшее между различными классами». Буржуазное общество ухаживало за победоносными рабочими и осыпало их дешёвой лестью. «Долой шляпу перед картузом! На колени перед рабочим!» — говорилось в популярном тогда двухстишии. Англичанка баронесса Род писала из Парижа родным: «Мы все надеваем грубые башмаки, ходим без зонтиков и стараемся насколько возможно походить на наших пролетариев».

Созданию этой атмосферы кажущегося «мира и всеобщего братства» способствовало и то обстоятельство, что революция не встретила открытого сопротивления со стороны правящего класса. Старые власти в провинции не оказали сопротивления перевороту. Самые заядлые реакционеры не смели и заикнуться о Бурбонах или Орлеанах. Генералы и прокуроры июльской монархии, её маршалы и высшие чиновники заявляли о своей готовности служить республике. В их числе был и маршал Бюжо, лишь несколько дней назад говоривший Тьеру, что он в бешенстве оттого, что не смог расстрелять несколько тысяч республиканцев. Церковь и духовенство также заявили о своём согласии с новым режимом,

Клерикальная печать писала, что «нет лучших и более искренних республиканцев, чем французские католики»; епископы обращались к паписте с посланием, доказывавшим соответствие республиканских принципов христианскому учению.

Характеризуя эту атмосферу февральских дней, «это идиллическое отвлечение от классовых противоречий, это сентиментальное примирение противоположных классовых интересов», Маркс говорил иронически: «В то время все роялисты превратились в республиканцев, все парижские миллионеры — в рабочих»¹. Эти маневры господствующих классов, дополняемые проповедью классового мира и «братства» со стороны мелкобуржуазных социалистов, достигли своей цели. Они успокоили рабочие массы в самый критический для буржуазии момент, когда пролетариат был решающей силой в государстве, когда он был вооружён, а буржуазия была безоружна. Маневры и уступки буржуазии способствовали расцвету среди пролетариата иллюзий относительно значения свершившихся событий. Рабочий класс воспринял февральскую революцию как свержение буржуазного гнёта, тогда как он сверг лишь господство финансовой аристократии. Рабочий класс считал, что он завоевал своё освобождение от капиталистической эксплуатации, тогда как «он завоевал только почву для борьбы за своё революционное освобождение, а отнюдь не само это освобождение»².

Парижский пролетариат «упивался... великодушным порывом всеобщего братства»³.

Рабочие охраняли и берегли, как зеницу ока, собственность буржуазии, беспощадно расправлялись с грабителями и ворами.

«Странно и страшно было видеть, — писал в своих воспоминаниях историк Токвиль, — что исключительно во власти тех, кто ничего не имеет, находился громадный город, наполненный такими богатствами...»

Лионские рабочие протестовали против того, что «некоторые люди, недостойные имени рабочих», нападают на фабрики и ломают машины. Веря правительству и буржуазии, рабочие терпеливо ждали выполнения данных им обещаний установить справедливый общественный строй и уничтожить голод и нищету. Они охотно повторяли слова, сказанные в первые дни революции газетой христианского социалиста Ламенна: «Рабочие предоставляют к услугам Республики три месяца нищеты». Орлеанская газета «Журналь де Деба» выражала своё удивление по поводу того спокойствия, какое царило в стране в течение первых недель после февральской революции. «Даже те люди, которые легче всего впадают в тревогу, вынуждены отдать справедливость кротости населения... Говорили — будут гра-

бить! будут убивать!.. И не грабят и не убивают», — писала «Журналь де Деба» в конце марта 1848 г.

Создание мобильной гвардии.

Эти мирные недели иллюзий и надежд пролетариата были использованы временным правительством для упрочения поколебленных революцией позиций буржуазии в стране. Прежде всего это касалось создания вооружённой силы, которой так не хватало временному правительству в первые дни революции, когда в его распоряжении были лишь буржуазные батальоны национальной гвардии и отряды добровольцев-студентов. Недостаточность этой вооружённой силы была очевидна. Правительство не могло положиться и на новую полицию, созданную Коссидьером из числа баррикадных бойцов и участников революционных тайных обществ времён июльской монархии. Эти так называемые «монтаньяры», усиленно подражавшие якобинцам 1793 г., именovali себя «автономной силой революции» и не признавали над собой власти временного правительства. Одним из первых актов последнего было решение о создании особой «мобильной гвардии» из 24 батальонов по тысяче человек в каждом. Мобильная гвардия создавалась из добровольцев, записывавшихся на 1 год службы и получавших высокую оплату (1½ франка в день), в несколько раз превышавшую солдатское жалованье. Высокая оплата и блестящее обмундирование должны были прельстить люмпенпролетарскую молодёжь, безработных подростков и т. п., из которых главным образом и рекрутировались отряды мобилей. Офицерский состав мобильной гвардии, напротив, рекрутировался из буржуазно-аристократических элементов. Созданием мобильной гвардии правительство рассчитывало расколоть силы народа, разъединить трудящихся и использовать против пролетариата неустойчивые, деклассированные элементы парижской улицы. Но одна мобильная гвардия не могла решить проблемы, тем более, что пролетариат оставался вооружённым и заполнял ряды национальной гвардии. Декретом от 8 марта доступ в национальную гвардию был открыт для всех граждан. Правда, недостаток оружия и обмундирования (в Париже, например, на 190 тыс. национальных гвардейцев имелось только 106 тыс. ружей) приводил к тому, что некоторая часть вступавших в национальную гвардию рабочих оказывалась в неравных условиях с буржуазными национальными гвардейцами. В некоторых провинциальных промышленных центрах, например в Руане, Лиможе, это вызывало столкновения между рабочими и буржуазией.

«Национальные мастерские».

С намерением правительства расколоть ряды пролетариата было связано и создание так называемых «национальных мастерских». Они были созданы 26 февраля, после того как правительство провозгласило «право на труд» и, следовательно, должно было предоставить работу безработным рабочим. Работа в национальных мастерских заключалась в пересадке деревьев на бульварах, в земляных

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 13.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 13.

работах у Западного вокзала, а затем в выравнивании площадей и улиц Парижа. В сущности это были самые обычные благотворительные общественные работы для безработных, какие практиковались ещё в XVIII в. Название «национальных мастерских» было дано им с определённой мыслью: министр общественных работ Мари, ярый враг социализма, хотел выдать эти работы для безработных за те самые «национальные мастерские», какие пропагандировал Луи Блан в своём сочинении «Организация труда». Но у Луи Блана имелись в виду мастерские, объединяющие рабочих одной профессии в ассоциацию и получающие помощь и кредит от государства. Эти «национальные мастерские» Луи Блана не имели ничего общего с теми работами для безработных, которые создавал Мари и в которых люди разных профессий занимались неквалифицированным трудом. В этих созданных Мари «национальных мастерских» был введён уравнивательный принцип оплаты труда — 2 франка в день для каждого работающего. Рабочие были организованы по-военному в звенья, бригады, взводы, роты и «службы», объединявшие несколько рот. Только начальники звеньев и бригад избирались рабочими, остальные начальники назначались. Во главе мастерских и «служб» стояли реакционно настроенные инженеры, возглавлявшиеся начальником мастерских Эмилем Тома, скрытым бонапартистом. Экономический кризис и вызванная им огромная безработица привели к тому, что число рабочих, занятых в национальных мастерских, быстро увеличивалось. К середине марта в них насчитывалось всего лишь около 6 тыс. человек, к 1 апреля — около 23 тыс., к середине апреля — около 36 тыс., а к середине мая уже около 100 тыс. человек. Среди них было немало безработных из окрестностей Парижа и соседних департаментов, устремившихся в столицу в поисках работы. Для всей этой массы людей скоро не хватало работы, тем более, что стоявшие во главе мастерских инженеры не проявляли заботы о её подыскании. В мастерских была введена сокращённая рабочая неделя (с 16 апреля — 2 дня в неделю) с оплатой нерабочих дней по 1 франку в день. Однако, когда Тома предложил было министру Мари вместо расходов на мастерские предоставить правительственные субсидии предпринимателям, чтобы те использовали рабочих на предприятиях, Мари отверг это предложение и разъяснил Тома тайную мысль правительства: «Твёрдое намерение правительства состоит в том, чтобы дать свершиться этому эксперименту... Он может принести одни лишь благие результаты, так как он покажет самим рабочим всю тщетность и фальшь этих неосуществимых теорий... Их поклонение Луи Блану рухнет само собой». Таким образом правительство намеренно стремилось дискредитизацией «национальных мастерских» подорвать веру рабочих в социалистические идеи. Но дело было не только в этом. Тот же Тома впоследствии признавал, что правительство хотело создать из рабочих национальных мастерских свою «шреторианскую гвардию». Мари инструктировал Тома,

чтобы он не жалел денег, привлекая к себе рабочих национальных мастерских, и обещал открыть для этого специальный секретный денежный фонд. Мари предлагал даже «позаботиться о том, чтобы снабдить рабочих оружием». «Думаете ли вы, что вам может удастся вполне овладеть вашими людьми? — спрашивал министр начальника мастерских. — Быть может, недалёк тот день, когда их нужно будет вывести на улицу». Как признавал впоследствии Гарнье-Пажес, замысел правительства состоял в том, чтобы до созыва Учредительного собрания противопоставить мастерские Люксембургской комиссии и революционным клубам. Мастерские должны были служить проводником буржуазного влияния на пролетариат, средством коррупции и раскола его рядов. Чтобы облегчить решение этой задачи, дирекция национальных мастерских даже создала «Центральный клуб национальных мастерских», состоявший из командиров «рот» и «служб» и выборных делегатов от рабочих — по 1 делегату от каждого двух бригад.

Однако расчётам правительства не суждено было сбыться. Опыт национальных мастерских свидетельствовал о том, что французская буржуазия не имела еще достаточных средств и возможностей для подкупа и раскола пролетариата. Неуклюжие приёмы временного правительства потерпели полную неудачу.

Кроме парижских национальных мастерских, в крупных промышленных центрах — Лионе, Марселе, Руане, Нанте, Лилле и других — были созданы на средства местных муниципалитетов «коммунальные» мастерские и лагеря для безработных.

Большую пользу буржуазии и временному правительству принесла деятельность Люксембургской комиссии и возглавлявшего ее популярного в рабочих массах социалиста Луи Блана. Люксембургская комиссия состояла из делегатов от рабочих и делегатов от предпринимателей. Делегаты выбирались рабочими по профессиям

Деятельность
Люксембург-
ской комиссии.

(по три человека от каждой профессии) и предпринимателями — по отраслям промышленности. Так как общее число делегатов достигало 900 человек (на 20 марта насчитывалось 684 делегата от рабочих и 230 делегатов от предпринимателей), то из их состава была выделена по жребию постоянная комиссия в составе 10 представителей от рабочих, 10 — от предпринимателей и приглашенных Луи Бланом социалистических теоретиков и буржуазных экономистов — Видадь, Пеккер, Консидеран, Ле-Плэ, Воловский и др. Эта постоянная комиссия занималась разработкой проектов социальных реформ, которые Люксембургская комиссия собиралась представить правительству и будущему Учредительному собранию. Остальные делегаты изредка собирались на пленарные общие собрания. Здесь Луи Блан излагал и разъяснял свои идеи организации труда и призывал рабочих к доверию правительству и к терпеливому ожиданию грядущих реформ. «Слишком большое нетерпение с вашей стороны, слишком большая поспешность с нашей могут лишь всё испортить», — говорил Луи Блан рабочим. Он взывал к сотрудничеству пролетариата и буржуазии и проповедовал солидарность и общность их интересов. «...Защищать дело бедных значит — я не устану это повторять — защищать дело богатых, значит защищать общие интересы...» «...Честное выяснение прав и обязанностей каждого естественным образом приведёт... к самым желанным решениям, ибо в сущности все интересы солидарны...»

Эти же идеи лежали в основе той деятельности, которую Люксембургская комиссия развернула в качестве посредника в трудовых конфликтах между рабочими и предпринимателями. Разбирая споры обращавшихся к ней рабочих и предпринимателей, Люксембургская комиссия прилагала все усилия для примирения и добивалась принятия обеими сторонами компромиссных решений вопросов заработной платы, штрафов и т. д. Зачастую эти решения были весьма невыгодны для рабочих. Таким образом были, например, улажены конфликты рабочих и предпринимателей промышленности, производящей обои, владельцев наёмных экипажей и кучеров, владельцев булочных и пекарей, владельцев и рабочих свинцово-цинковых мастерских, лесоторговцев и грузчиков и т. д.

Люксембургская комиссия проявляла также инициативу в организации ряда рабочих производственных ассоциаций, которым, по ходатайству Луи Блана, правительство и Парижский муниципалитет предоставляли заказы и выдавали ссуды на приобретение сырья. Ассоциации эти объединяли ремесленных рабочих, главным образом безработных. Так были созданы очень крупная (две тыс. членов) ассоциация портных, занимавшая помещение бывшей долговой тюрьмы Клиши, ассоциация седельщиков, прядильщиков и др. Число таких ассоциаций к лету 1848 г. достигло нескольких сот.

Луи-блановские идеи постепенного, мирного перехода от капитализма к социализму лежали в основе того проекта социальных

промышленным. Кроме того, государство должно организовать дешёвый земельный и сельскохозяйственный кредит, с помощью которого крестьяне приобретут в собственность арендуемые ими земли, а в дальнейшем создадут сельскохозяйственные ассоциации того же типа, что и в промышленности. Наконец, государство должно организовать и регулировать также и торговлю. С этой целью государство откроет для оптовой торговли товарные склады, куда желающие производители и ассоциации будут сдавать на хранение свою продукцию, а для розничной торговли — особые базары, открытые для всех покупателей. Так как на этих складах и базарах товары будут продаваться почти по себестоимости, то частная торговля мало-помалу прекратится.

За социалистической фразеологией этих утопических проектов скрывались планы государственной помощи мелкой буржуазии против крупного капитала, планы использования демократической республики для обуздания крупной буржуазии и ликвидации её монополии в тех областях, которые представлялись мелкой буржуазии наиболее опасными. Сюда относились кредит, транспорт, сырьевые ресурсы и топливо. Вследствие этого проект Люксембургской комиссии, несмотря на то что он был опубликован в официальном правительственном органе — в «Монитёре», замалчивался и в буржуазной прессе, и в Учредительном собрании. Он был опасен для буржуазии и своей социалистической фразеологией, и своим реальным мелкобуржуазным содержанием.

Член временного правительства Араго говорил впоследствии: «Люксембургские теории были зловежи, они порождали надежды, исполнить которые было невозможно».

В действительности Люксембургская комиссия и Луи Блан оказали в первые недели революции большую помощь буржуазии именно тем, что порождали эти надежды и иллюзии в рабочем классе. Луи Блан, говорил Ленин, «с позиции классовой борьбы перешёл на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, что буржуазия может помочь рабочим в деле «организации труда...»¹.

В действительности, указывал Ленин, «Луи Блан был хвостом буржуазии, игрушкой в её руках...»².

Разоблачая предательскую деятельность меньшевиков и эсеров после февральской революции в России, Ленин неоднократно указывал на «луиблановскую природу» этих мелкобуржуазных прислужников русской буржуазии и помещиков. Ленин называл их соглашательскую политику «луиблановщиной» и разъяснял

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 91.

² Там же, стр. 508.

реформ, который разработала Люксембургская комиссия к концу своего существования. Главными авторами этого проекта были социалистические реформаторы Пеккер и Видаль, разделявшие мелкобуржуазные представления о путях социалистического преобразования общества. В этом проекте доказывалась необходимость государственного вмешательства в экономическую жизнь и необходимость создания министерства труда, которое должно подготовить мирную «социальную революцию» путём развития производственных ассоциаций. Эти ассоциации должны создаваться сперва в отдельных предприятиях, затем они должны постепенно объединить целые отрасли промышленности и, наконец, охватить всю промышленность. Предприятия, переходящие в руки рабочих ассоциаций, будут с помощью государства выкуплены у их владельцев — для этого выкупа будет использована четвертая часть прибылей ассоциаций. Чтобы иметь достаточно средств для помощи ассоциациям и облегчить их развитие, государство должно будет путём выкупа взять в свои руки железные дороги, банки, страховые общества, шахты и рудники. С помощью государственного кредита должны быть также созданы сельскохозяйственные колонии, в которых, в соответствии с идеями Фурье, сельскохозяйственный труд должен сочетаться с трудом

народным массам России, что «луиблановщина губит и загубит успех дальнейшей революции, успех даже свободы, если массы не поймут вреда этих мелкобуржуазных иллюзий...»¹.

Но французских рабочих в 1848 г. почти некому было предупредить об опасности. У них ещё отсутствовали самостоятельные классовые организации — и профессиональные, и партийные.

Парижская демократия. Клубы.

Политическое просвещение рабочего класса, развитие его классового сознания, организация его сил делали тогда лишь первые шаги. Главная роль в этом после революции принадлежала клубам, этим специфическим формам политической организации масс в 1848 г. В одном только Париже с марта по июнь 1848 г. возникло около 300 клубов. Правда, они носили пёстрый характер, и многие из них были недолговечны. Одни клубы являлись своеобразными профессиональными объединениями, главным образом лиц свободных профессий — учителей, литераторов, врачей, коммерсантов и т. п. Другие объединяли жителей одного округа или квартала. Третьи были землячествами провинциалов, проживающих в Париже, либо иностранцев — немцев, поляков, швейцарцев и др. Только небольшая часть клубов представляла политические направления общественной мысли. Такие клубы были в сущности зародышами политических партий, объединявшими передовую часть мелкой буржуазии, радикальную интеллигенцию и передовые элементы рабочего класса.

Самыми значительными из демократических клубов были: «Центральное республиканское общество», которым руководил Бланки; «Клуб Революции», основанный мелкобуржуазным революционером А. Барбесом, весьма популярным в массах деятелем тайных обществ периода июльской монархии; «Клуб друзей народа», руководимый коммунистом, врачом Распайлем; «Центральное братское общество» — утопического мирного коммуниста Кабэ; фурьеристский «Центральный клуб организации труда»; близкий к Барбесу «Клуб Народа»; «Клуб Антуанцев», заседавший в Сент-Антуанском предместье; луиблановский «Клуб делегатов рабочих корпораций, заседающих в Люксембургской комиссии», и др. Для лучшей организации демократических сил и укрепления их влияния в политической жизни страны предпринимались попытки объединения демократических клубов и координации их деятельности. Это формирование радикально-демократической партии в наибольшей степени удавалось демократам из «Клуба Революции» Барбеса: они обладали многочисленными связями, большим личным престижем и, что самое главное, достаточно расплывчатой программой демократической республики, обставленной «социальными реформами» в пользу трудящихся. «Клуб Революции» Барбеса, задуманный как центральный клуб всех клубов, объединил многих видных социалистов и демократов — Пьера

Леру, Прудона, Феликса Пиа, Делеклюза, Мартэн-Бернара и других, и создал в конце марта федерацию демократических клубов Парижа под названием «Клуба клубов». Кроме того, демократические клубы объединялись ещё и через руководимое Барбесом и его сторонниками «Общество прав человека и гражданина». Это общество имело связи не только с парижскими клубами, но и со многими клубами в провинции и ставило своей целью борьбу за осуществление якобинской «декларации прав человека и гражданина» 1793 г. Будучи массовой легальной организацией, «Общество прав человека и гражданина» не отказывалось и от конспиративной деятельности. Оно подчёркивало необходимость поддерживать в боевой готовности силы демократов для борьбы с реакцией и обязывало своих членов запастись оружием и держать порох сухим. В составе общества имелся даже специальный конспиративный «Комитет действия», предназначенный для руководства, в случае надобности, вооружённой борьбой в защиту «демократической и социальной республики».

Руководящая роль в этих клубах и общественных организациях принадлежала мелкобуржуазной интеллигенции, которая этим способом оказывала большое влияние на рабочие массы. Её влияние не подрывало влияния люксембургской «луиблановщины», а скорее лишь расширяло и укрепляло его. Клубные социалисты и демократы проповедовали с разными оттенками ту же идею солидарности интересов пролетариата и буржуазии, ту же программу мирного преобразования буржуазного общества на началах «равенства» и «справедливости». Эти же идеи пропагандировала и большая часть демократической прессы.

Мелкобуржуазные социалисты наперебой предлагали свои реформаторские проекты мирного переустройства общества и способствовали распространению мелкобуржуазных иллюзий в рабочих массах. Фурьерист Консидеран утверждал, что «все республиканцы стали социалистами»; Кабэ призывал своих сторонников к умеренности и терпеливости: «Никаких покушений на собственность! Будем остерегаться требовать немедленного осуществления наших коммунистических идей!» Пьер Леру и Ламенн превозносили христианскую любовь к ближнему и всеобщее примирение. Прудон критиковал Луи Блана и временное правительство, но пропагандировал ту же луиблановщину, только снизу. Прудоновский проект создания «Менового банка» должен был обеспечить бесперебойный сбыт всех товаров посредством дарового кредита и устранить классовую борьбу. Вместо обостряющей классовые противоречия политической демократии Прудон предлагал организовать «экономическое сотрудничество» пролетариата, буржуазии и всех мелких производителей в виде корпоративного государства.

Таким образом, и клубы, и социалистическая печать были в массе своей проводниками мелкобуржуазного влияния на пролетариат. Приобщая рабочих к активной политической жизни,

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 93.

способствуя их культурно-политическому росту, клубы вместе с тем вначале скорее тормозили развитие классового сознания пролетариата, чем двигали его вперёд.

Деятельность Бланки и революционных коммунистов после февральской революции. Исключением из этого являлись лишь немногие организации революционных коммунистов того времени, выражавших взгляды революционного пролетариата. Среди них главное место принадлежало Бланки и его последователям. Бабувисты, объединявшиеся вокруг «Клуба Гобеленов», руководимого Дезами, были менее заметной силой, и их влияние в массах было много слабее, чем влияние бланкистов.

Уже 25 февраля, немедленно после создания временного правительства, бланкисты и бабувисты выразили ему своё недоверие и предостерегали рабочих от всяких иллюзий на его счёт. На собрании революционных коммунистов вечером 25 февраля, где присутствовало свыше 400 человек, выдвигалось предложение немедленно поднять массы на новое восстание, свергнуть временное правительство и создать действительно революционное правительство. Ждали мнения Бланки, который только что прибыл из провинции в Париж и отправился знакомиться с обстановкой и настроениями масс. Однако Бланки не поддержал этого предложения и выступил решительно против него. Трезво оценивая обстановку и учитывая силу буржуазного влияния в массах, Бланки предлагал отказаться от преждевременных выступлений и сосредоточить все усилия революционных коммунистов на завоевании поддержки масс и на подготовке к новой революции. В той обстановке, которая создавалась после февральской революции, эта задача казалась Бланки быстро разрешимой. Он говорил: «Если мы захотим сегодня поставить у власти людей, скомпрометированных в глазах буржуазии политическими процессами, провинция будет испытывать страх. Она вспомнит о терроре и Конвенте и призовет, быть может, бежавшего короля... Предоставьте людей из Ратуши их бессилию: их слабость является верным признаком их падения. Они держат в своих руках эфемерную власть; мы же имеем народ и клубы, где мы должны организовать его по-революционному, как некогда его организовывали якобинцы. Найдём в себе благоразумие подождать ещё несколько дней, и революция будет принадлежать нам! ...То что нам нужно, это — широкие народные массы, восставшие предместья, новое 10 августа». При этой перемене тактики Бланки исходил, таким образом, из опыта французской буржуазной революции конца XVIII в.

Бланкисты принимали февральскую революцию за начало социалистического переворота.

Предполагая, что и в 1848 г., как и в 1789—1794 гг., революция будет двигаться по восходящей линии, Бланки считал, что время работает против буржуазии и что шансы на успех новой революции будут увеличиваться по мере того, как временное правительство будет всё более разоблачать себя. С целью политического просвещения

и организации масс бланкисты создали свой клуб — «Центральное республиканское общество». Этим клубом руководил сам Бланки, часто выступавший на его заседаниях с речами. В своих выступлениях Бланки, по признанию современников, «с пророческой мудростью разоблачал реакционное перерождение революции». Он беспощадно вскрывал предательскую сущность луйблановских проповедей классового мира и доверия к буржуазии. Предостерегая рабочих от иллюзий насчёт якобы осуществлявшейся «социальной республики», Бланки доказывал, что республика ничего не изменила в системе капиталистического гнёта и эксплуатации. «Изменилась форма, но сущность сохранилась. Тот же строй привилегий, не убавилось ни камешка, лишь прибавились фразы и флаги», — говорил он. Бланкисты требовали неограниченных демократических свобод для рабочих, свободы стачек, чистки государственного аппарата от реакционных чиновников, вооружения пролетариата и демократизации национальной гвардии. Яркие, правдивые, смелые выступления Бланки создавали ему большую популярность в народе и способствовали большому успеху бланкистской деятельности в массах.

Однако, несмотря на свой временный отход от прежней заговорщической тактики, бланкисты не стали массовой революционной пролетарской партией. Они не имели социально-экономической программы, которая могла бы быть противопоставлена луйблановским и другим сектантско-утопическим теориям мелкобуржуазного реформаторства. Они не заботились о создании классовых организаций пролетариата и всё ещё пренебрегали повседневной организаторской работой в массах. Их успех был совершенно недостаточен для того, чтобы подорвать мелкобуржуазное влияние на пролетариат и предохранить его от воздействия «луйблановщины». Не могли этого осуществить и революционные коммунисты-бабувисты, объединившиеся в клубе, которым руководил Дезами.

Финансово-налоговая политика временного правительства. Пользуясь поддержкой луйбланов и доверием рабочих масс, временное правительство укрепляло позиции господствующих классов. Внимание правительства было поглощено двумя главными вопросами: 1) финансовой разрухой и финансово-кредитным кризисом, нависшим грозной опасностью над буржуазией, и 2) скорейшим созывом Учредительного собрания, которое должно было покончить с гегемонией революционного Парижа в стране.

Особенно неотложными были мероприятия, вызываемые растущим экономическим и финансовым кризисом в стране. Промышленный и торговый кризис 1847 г. крайне обострил и без того неудовлетворительное состояние финансов и кредита во Франции. Государственные финансы пришли под ударами кризиса в полное расстройство. Под влиянием кризиса промышленности и торговли налоговые поступления резко уменьшились, а государственные

расходы увеличились. Под угрозой были погашение государственных займов и уплата процентов по ним. В казначействе имелись, по свидетельству Гарнье-Пажеса, всего 192 млн. франков, из них только 135 млн. в звонкой монете. А ближайшие платежи по одному только государственному долгу составляли 117 млн. франков. Курс государственных ценных бумаг резко упал: облигация государственного пятипроцентного займа стоимостью в 10 франков, которая 23 февраля стоила на бирже 116 франков, продавалась 8 марта за 75 франков и доходила в промежутке до 50 франков. Призрак государственного банкротства вызывал панику среди представителей финансовой аристократии — банкиров и биржевых дельцов, игравших на государственных ценных бумагах, а также среди многочисленных рантье, владельцев облигаций государственных займов.

Положение ещё более усугубилось из-за острого кредитного кризиса. Долголетнее хозяйничанье финансовой аристократии затормозило развитие промышленного и коммерческого кредита во Франции. Промышленники и торговцы, особенно средние и мелкие, постоянно страдали от дороговизны кредита и крайней недостаточности кредитных учреждений и находились во власти небольшой кучки монополистов-банкиров во главе с Французским банком. Экономический кризис 1846—1847 г. крайне обострял потребность буржуазии и мелкой буржуазии в расширении кредита. Между тем происходило сужение возможностей кредита. Одни банки, потеряв крупные капиталы на обесценении государственных займов, потерпели крах и закрылись; другие резко сократили кредитные операции и требовали повышенных гарантий. Вкладчики осаждали банки, изымали вклады, задерживали звонкую монету. Угроза банкротства нависла над главной цитаделью финансовой аристократии — Французским банком. Кассовая наличность Французского банка составляла 15 марта всего лишь 59 млн. франков в Париже и 63 млн. франков в провинциальных отделениях банка, при наличии банкнот в обращении на сумму в 260 млн. франков и суммы текущих счетов в 85 млн. франков.

«Временное правительство, — указывал Маркс, — могло бы совершенно легально, без насильственного вмешательства, принудить банк к банкротству; ему нужно было только оставаться пассивным и предоставить банк своей судьбе. Банкротство банка это — поток, который в один миг очистил бы французскую почву от финансовой аристократии, самого могучего и опасного врага республики...»¹

Однако буржуазные республиканцы отказались воспользоваться этой возможностью подорвать владычество финансовой аристократии. Отбрасывая свою собственную экономическую программу, они ринулись спасать крупную буржуазию, банкиров,

рантье, биржевиков и переложили все издержки кризиса на плечи мелких собственников и народа.

Министр финансов Гудшо с негодованием отверг предложение о прекращении платежей по государственным займам. Отклонил он и предложение о принудительном займе у парижских банкиров на государственные нужды. По его предложению правительство, чтобы успокоить капиталистов, пошло на «театральную выходку»: оно решило досрочно выплатить владельцам государственных займов очередные проценты и суммы погашения. Правительство сохранило все старые налоги, кроме ненавистного крестьянам налога на соль.

Но Гудшо был не согласен даже с этим отступлением от старой налоговой системы и в знак протеста подал в отставку. Новый министр финансов Гарнье-Пажес продолжал ту же линию спасения крупной буржуазии. Предложение о введении прогрессивно-подоходного налога не было осуществлено. Отклонено было предложение о взыскании с дворян-помещиков того миллиарда франков, который Карл X выплатил в 1825 г. эмигрантам в виде вознаграждения за собственность, отнятую у них во время революции конца XVIII в. Правительство предпочитало искать спасения в новых займах. Оно отклонило предложение Луи Блана о создании Государственного банка и приняло срочные меры для спасения Французского банка от банкротства, для укрепления его монопольного положения и для усиления его могущества в стране. Банкноты банка получили принудительный курс и были обязательны к приёму взамен звонкой монеты. Все провинциальные банки были превращены в отделение Французского банка. Наконец, для получения займа правительство отдало банку в залог государственных лесов. После этого банк ссудил правительству 230 млн. франков, ставших новой петлей на шее государства и народа. «Таким образом, февральская революция непосредственно укрепила и расширила ту самую банкократию, которую она должна была свергнуть»¹.

Зато на мелкую буржуазию и на крестьянство было возложено новое финансовое бремя. Правительство ограничило выплату вкладов сберегательными кассами: суммы, превышающие 100 франков, выплачивались не деньгами, а государственными ценными бумагами по их номинальной цене, тогда как их действительная цена пала почти на одну треть. После того как в первые дни революции был продлён на 10 дней срок платежей по векселям, правительство отказалось продолжить эту отсрочку на дальнейшие сроки. 8 и 9 марта состоялись демонстрации парижских лавочников и предпринимателей, требовавших отсрочки на три месяца или хотя бы на две недели платежей по всем векселям. Однако правительство не уступило и отдало парижских мелких буржуа во власть их кредиторов. Единственная мера, которую

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 16.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 16—17.

оно осуществило для облегчения кредита, заключалась в организации во всех торгово-промышленных центрах страны национальных учётных контор. Две трети капитала контор должны были вносить сами пайщики-капиталисты и городские муниципалитеты и лишь одну треть — государство.

Но эта мера не могла существенно повлиять на положение дел, и предприниматели продолжали сокращать производство. В парижской промышленности предметов роскоши к лету 1848 г. было уволено $\frac{3}{4}$ всех рабочих. В хлопчатобумажной промышленности департамента Нижней Сены были рассчитаны 30 тыс. рабочих. Продукция металлургической промышленности составила в 1848 году лишь пятую часть, а текстильной промышленности — лишь седьмую часть продукции 1846 года. Лионские ткачи жили одними правительственными заказами на знамёна и шарфы-перевязи. В стекольной промышленности Рив де Жье были потушены 25 печей из 37 и т. д.

Но самым губительным для революции актом временного правительства было его решение от 16 марта о повышении на 1 год на 45 процентов всех прямых налогов, падающих на земельных собственников и лиц, арендующих у них землю. Этот знаменитый «45-сантимный налог» всей своей тяжестью ложился на крестьян — собственников земли и арендаторов, и сыграл пагубную роль в революции 1848 года. Он посеял ненависть крестьян к республике и к революции, которая не только не улучшила положения крестьянства, но ухудшила его. Контрреволюционно настроенная крупная буржуазия, клерикалы, крупные землевладельцы и орлеанистские чиновники использовали недовольство и озлобление крестьян и натравливали их на рабочий класс, совершивший революцию, на социалистов и демократов, якобы виновных в росте государственных расходов, в желании содержать «парижских бездельников» за счёт крестьян. Решение временного правительства ввести налог на ипотечные ссуды также ухудшило положение мелких собственников. Ростовщики и капиталисты, предоставлявшие эти ссуды земельным собственникам, переложили уплату этого налога на плечи своих должников. Они либо повышали проценты по ипотечным займам, либо требовали срочного погашения ипотечного долга. Последнее влекло за собой усиленную продажу земель, служивших обеспечением ипотек, и разорение мелких земельных собственников.

Следствием финансовой политики временного правительства был раскол между демократическими силами города — в первую очередь пролетариатом — и крестьянскими массами Франции. Своим решением о «45-сантимном налоге» временное правительство фактически осуществляло замыслы реакции. Не случайно последняя через свою печать подсказала правительству эту меру для выхода из финансовых затруднений. Приняв её, буржуазные республиканцы отбросили крестьян в лагерь реакции и превра-

тили их в резерв контрреволюции, создав этим важнейшую предпосылку для перехода буржуазии в наступление на революцию и рабочий класс.

Пролетариат оказался скованным фактом участия своих представителей — Луи Блана и Альбера — в правительстве, принявшем закон о 45-сантимном налоге. Это мешало пролетариату привлечь на свою сторону крестьянство, как союзника в борьбе против господства крупной буржуазии. Вместо того чтобы, воспользовавшись 45-сантимным налогом, разоблачить враждебную народу политику временного правительства и освободить крестьян от влияния буржуазии, пролетариат оказался сам жертвой травли, организованной против него в деревне. В этом сказался ещё один отрицательный результат пребывания Луи Блана во временном правительстве.

**Внешняя
политика
временного
правительства.**

Реакционной внутренней политике временного правительства соответствовала и его внешняя политика. В ней ещё ярче сказался отход буржуазных республиканцев от их дореволюционных позиций. Те самые люди, которые так горячо обвиняли июльскую монархию в предательстве национальных интересов Франции, в примирении с решениями Венского конгресса, в сотрудничестве с реакционными державами Европы, теперь вели политику, мало чем отличавшуюся от политики Гизо. Правда, в своём циркуляре от 5 марта к французским дипломатическим представителям за границей Ламартин заявлял, что Французская республика сочувствует освободительным движениям других наций и «в принципе» не признаёт реакционных венских трактатов 1815 г. Однако Ламартин тут же успокаивал реакционные державы Европы: «Война, ставшая роковой и славной необходимостью в 1792 г., теперь не является принципом Французской республики. Французская республика никому не намерена объявлять войну. Она не будет также вести подпольной зажигательной пропаганды в соседних государствах». Эти слова определили действительное направление внешней политики временного правительства. Сочувствие французского народа освободительному движению поляков, итальянцев, немцев, ирландцев, бельгийцев носило платонический характер, так как встречало противодействие временного правительства. Последнее ограничивалось лишь некоторыми денежными субсидиями эмигрантам из этих стран, проживавшим во Франции, и содействовало скорейшей отправке их на родину. Впрочем, это мероприятие объяснялось главным образом желанием избавиться от революционно-демократических элементов немецкого, бельгийского, польского, итальянского освободительного движения, оказывавших немалое влияние на общественное мнение во Франции и деятельно участвовавших в работе демократических клубов и прессы во Франции. Никакой реальной помощи освобождению и воссоединению Германии и Италии временное правительство не оказало. Более того, Ламар-

тин всячески стремился завязать дружеские отношения с русским царизмом и по секрету заверял Николая I об отсутствии у временного правительства каких-либо враждебных намерений или посягательств на европейские феодально-монархические порядки.

Это «миролюбие» не было случайным. Учитывая опыт буржуазной революции конца XVIII в., буржуазные республиканцы старались избежать «тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить национальную энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперёд временное правительство или выбросить его за борт»¹. Осторожная и трусливая внешняя политика временного правительства вытекала, таким образом, из его реакционной внутренней политики, из боязни рабочего класса.

Единственным актом временного правительства, имевшим крупное международное значение, был принятый в апреле 1848 г. закон об отмене рабства во всех французских колониях. Это мероприятие оказало большое влияние на колониальные порядки других держав и ускорило повсеместное законодательное запрещение рабского труда в колониях.

**Вопрос о
сроках созыва
Учредительно-
го собрания.**

Целью наступления буржуазии было стремление ускорить созыв Учредительного собрания. Буржуазные республиканцы видели в этом средство ликвидации того влияния на государственные дела, какое завоевали в февральские дни рабочие.

Стремясь скорее вернуть страну на путь «нормального» буржуазного развития, временное правительство уже 4 марта решило назначить выборы в Учредительное собрание. Днём выборов было намечено 9 апреля 1848 г. Все группировки и течения буржуазного лагеря, в том числе и монархисты, поддерживали правительство в этом вопросе. Они рассчитывали на политическую отсталость провинции, на темноту, отсталость и недовольство крестьян, на то большое влияние, которое сохраняли во всех областях провинциальной жизни местная буржуазия, крупные землевладельцы-дворяне, католическое духовенство и старое монархическое чиновничество.

Мелкобуржуазные демократы понимали опасность, грозившую республике от поспешных выборов в Учредительное собрание, но всё же не решились на серьёзную борьбу с правительственным большинством и заняли промежуточную позицию, только облегчившую правительству выполнение его намерения. Ледрю-Роллен в качестве министра внутренних дел пытался подготовить успех республиканцев на выборах при помощи мер, заимствованных из революции 1792—1793 гг., но бессильных изменить обстановку в 1848 г. Ледрю-Роллен разослал во все департаменты правительственных комиссаров, подобранных наспех из республиканцев, демократов и просто вчерашних либералов, присоединившихся к республике. Они должны были временно взять в свои

руки руководство департаментскими властями, отстранить реакционные элементы, выдвинуть преданных республике людей. 8 и 12 марта были опубликованы в печати циркуляры министра внутренних дел этим правительственным комиссарам. Циркуляры предписывали комиссарам решительные действия по очистке провинциальной администрации от монархистов и замене их новыми людьми, ставшими республиканцами, как подчёркивал циркуляр от 8 марта, — «перед революцией, а не на завтра после неё». Циркуляр от 12 марта (составленный для Ледрю-Роллена писательницей Жорж Санд) содержал сбивчивую программу действий. Он указывал комиссарам правительства, что они пользуются неограниченной властью, но что их «миссия не содержит ничего страшного», что необходимо повсюду сменить префектов, су-префектов и враждебные республике муниципалитеты, но что вместе с тем большинство муниципалитетов может быть сохранено, достаточно лишь сменить мэров. «Выборы, — гласил этот циркуляр, — являются вашим наиважнейшим делом. Они должны стать спасением для страны. Наши судьбы зависят от состава Собрания. Необходимо, чтобы оно было воодушевлено революционным духом, в противном случае мы придём к гражданской войне и анархии... Пусть вашим лозунгом будет: новых людей и притом, по-возможности, людей, вышедших из народа!.. Воспитание страны ещё не кончено. Вы должны им руководить. Повсюду на территории ваших департаментов побуждайте созыв избирательных комитетов, строго проверяйте списки кандидатов. Никаких сделок, никакой снисходительности!» Но все эти слова были лишь звонкой фразой, бессильным подражанием революционерам 1792—1794 гг. Мелкобуржуазные демократы отказывались от действительной борьбы с контрреволюционной крупной буржуазией, крупными земельными собственниками и монархистами и не хотели опереться на рабочий класс. Они отказывались от проведения решительных реформ в пользу крестьянства и бросали его в объятия реакции.

Тем не менее циркуляры Ледрю-Роллена вызвали в буржуазных кругах страхи и опасения и дали возможность монархистам запугивать буржуазию призраком «якобинской диктатуры» и террора. Все ценности на бирже полетели вниз, началась новая банковская паника, произошло сплочение реакционного лагеря, усиленно готовившегося к выборам. 13 марта начал свою деятельность «Республиканский клуб для защиты свободы выборов». За этим лицемерным названием скрывалась избирательная организация монархистов. «Клуб» требовал от правительства заверений о невмешательстве правительственных комиссаров, этих «проконсулов», в избирательную кампанию, обеспечения «свободы выборов». Ламартин от имени правительства отмежеввался от циркуляров Ледрю-Роллена и заверял реакцию, что у правительства нет намерений «подражать ошибкам и злосчастиям прошлых времён».

Более решительную позицию, чем Ледрю-Роллен, занимали

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 13—14.

революционные клубы. Они пытались добиться от правительства отсрочки выборов на срок, достаточный для политического просвещения страны и организации сил демократического лагеря. Эта позиция для французской демократии не была случайной, она диктовалась всем богатым опытом революций во Франции. Какаясь этого французского опыта, товарищ Сталин писал в 1917 г.: «Характерную черту революционных движений, например, во Франции представлял тот несомненный факт, что там временные правительства обыкновенно возникали на баррикадах и ввиду этого являлись революционными, во всяком случае, более революционными, чем созываемые ими впоследствии учредительные собрания, собиравшиеся обыкновенно после «успокоения» страны. Этим, собственно, и объясняется, что наиболее опытные революционеры тех времён старались осуществить свою программу ещё до созыва учредительного собрания при помощи революционного правительства, оттягивая этот созыв»¹. Во главе этих, наиболее опытных революционеров своего времени стоял Бланки, разгадавший коварный план временного правительства и его роковые последствия для революции и рабочего класса. Уже 7 марта клуб Бланки представил правительству петицию, требовавшую отсрочки выборов на неопределённый срок и посылки в департаменты граждан, способных «нести им демократический свет». Петиция подчёркивала, что немедленные выборы «будут опасностью для республики», и напоминала, что в течение многих десятилетий «во Франции могла говорить одна лишь контрреволюция»... Однако правительство отклонило эту петицию под тем предлогом, что оно хочет как можно скорей вернуть власть самой нации, и подтвердило прежний срок выборов — 9 апреля. Петицию клуба Бланки поддержал 10 марта клуб Кабэ («Центральное братское общество»), а затем ряд других революционных клубов. 14 марта клуб Бланки принял обращение к жителям Парижа, в котором снова настаивал на отсрочке выборов. Обращение указывало на то, что в Париже в избирательные списки внесено лишь незначительное число рабочих, в других городах трудящиеся массы вследствие долголетнего гнёта эксплуататоров либо настроены апolitично, либо будут голосовать по указке хозяев, в деревне же всё влияние находится в руках священников и аристократов. «Народ ничего не знает, надо, чтобы он узнал. Это не может быть сделано в один день или в один месяц... Нужно, чтобы свет проник в последнюю деревушку республики. Нужно, чтобы трудящиеся выпрямили свои спины, согбенные под ярмом рабства, и поднялись из того состояния прострации и оцепенения, в котором их держит правящая каста... Если выборы произойдут, они дадут успех реакционерам... Их триумф будет означать гражданскую войну, ибо Париж, сердце и мозг Франции, не отступит перед угрозой возврата к прошлому»...

¹ Сталин, Соч., т. III, стр. 14.

Однако правительство снова отвергло предложение об отсрочке выборов. Делегаты 15 клубов создали тогда комиссию, которая, выступая от имени большинства населения Парижа, возглавила кампанию за отсрочку выборов в Учредительное собрание, а также выборов офицеров национальной гвардии, назначенных на 18 марта. Возник острый конфликт между правительством и парижской демократией. Луи Блан уговаривал других членов правительства согласиться на отсрочку выборов офицеров национальной гвардии, пугая возможностью народной демонстрации в Париже против правительства. Предложение Луи Блана было отвергнуто, но, в виде уступки рабочим, правительство решило, по предложению Ледрю-Роллена, распустить привилегированные отряды национальной гвардии, «стрелков» и «гренадеров», составленные из одних буржуа, и растворить их в общей массе национальных гвардейцев.

**Народная
демонстрация
17 марта.**

Теперь борьба перешла на улицы. 16 марта в Париже состоялась демонстрация «стрелков» и «гренадеров», протестовавших против роспуска и требовавших отмены приказа Ледрю-Роллена. Привилегированные гвардейцы, богатые буржуа и аристократы, были поддержаны другими буржуазными батальонами национальной гвардии, особенно из числа лавочников, озлобленных на революцию и отсутствия доступного банковского кредита. В демонстрации участвовало до 30 тыс. человек. Однако парижские рабочие, видя в произошедших событиях угрозу правительству со стороны буржуазной реакции, поспешили ему на помощь. Огромная толпа преградила путь к Ратуше «медвежьим шапкам» (так называли в народе привилегированные части национальной гвардии, носившие головные уборы, отороченные мехом). В этих условиях правительство отказалось удовлетворить требования взбунтовавшихся буржуазных гвардейцев и даже выразило им порицание за поведение, нарушающее общественный порядок. В рабочих массах, в революционных клубах царил сильное возмущение. Вечером 16 марта комиссия клубов собралась совместно с представителями люксембургских делегатов и решила призвать на следующий день население Парижа к демонстрации в ответ на вылазку реакции.

Правительство, напуганное развитием событий, решило пойти на показательные уступки рабочим и отсрочило на неделю выборы офицеров национальной гвардии. Однако оно отвергло предложение Луи Блана об отсрочке выборов в Учредительное собрание. Чтобы замести реакционные следы и ослабить раздражение в рабочих массах, Ламартин разработал обращение к народу, содержащее обещание реформ: национализацию с выкупом у владельцев железных дорог, страховых обществ, Французского банка, разорённых кризисом предприятий, создание «бюджета труда», чистку администрации от монархистов. Луи Блан прикрыл своим

именем очередной обман пролетариата буржуазными республиканцами.

17 марта в Париже состоялась грандиозная народная демонстрация. Свыше 100 тыс. человек направились к Ратуше требовать от правительства решительного отпора поднявшей голову реакции. Руководившие демонстрацией клубы и люксембургские делегаты выработали петицию, требовавшую отсрочки выборов в национальной гвардии до 5 апреля и в Учредительное собрание — до 31 мая. Это предложение было принято при возражениях Бланки, считавшего такую отсрочку недостаточной. «Два месяца всё равно что ничего», — доказывал он в комиссии. Последняя, однако, не согласилась с ним. Тем не менее бланкисты приняли в демонстрации активное участие. Вероятно, они рассчитывали, в случае успеха демонстрации, опираясь на рабочие массы, произвести чистку правительства от правых буржуазных республиканцев, враждебных народу. Однако надежды бланкистов не оправдались. Наоборот, движение 17 марта вылилось в демонстрацию единения временного правительства и народа. Во многом здесь помог временному правительству Луи Блан, который снова использовал свою популярность в массах, чтобы успокоить их и укрепить доверие к правительству. В результате заверений и успокоительных речей Луи Блана правительству удалось избежать серьёзных уступок демонстрантам. Оно отделалось неопределёнными обещаниями, после чего демонстрация разошлась. Учтя серьёзность положения, правительство должно было всё же пойти на показную уступку требованиям революционной парижской демократии и через несколько дней отсрочило выборы в национальной гвардии до 5 апреля, а выборы в Учредительное собрание — до 23 апреля. Это уступка правительства создала видимость успеха демонстрации 17 марта и вызвала раздражение и тревогу у буржуазии. Она усматривала в событиях 17 марта возвращение к февральским дням, ко временам решающего влияния пролетариата на правительство и государственные дела.

В результате событий 17 марта политическая обстановка в стране обострилась. Реакционные элементы буржуазного лагеря сплачивали свои силы и деятельно готовились к избирательной кампании. Возникали всё новые избирательные организации как буржуазных республиканцев, так и монархистов: «Центральный комитет всеобщих выборов», «Клуб кружка национальной гвардии», «Центральный комитет республиканских избирателей», «Клуб Национального собрания» и др.

С другой стороны, происходило объединение демократических сил. «Клуб Революции» Барбеса, основанный 17 марта, создал федерацию демократических клубов под названием «Революционный комитет по выборам в национальное учредительное собрание», иначе называемый «Клубом клубов». Люксембургские делегаты, по совету Луи Блана, создали «Центральный комитет рабочих департамента Сены», который со своей стороны также вёл

подготовку к выборам. Сделали попытку объединения революционных пролетарских сил и бланкисты. Они обратились 25 марта к демократическим клубам Парижа с призывом объединиться на революционной социалистической программе: «Республика будет ложью, если она станет только заменой одной формы правительства другой. Недостаточно изменить слова, необходимо изменить вещи. Республика — это освобождение рабочих, это конец царства эксплуатации, это наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала». Выдвигая социалистические требования, бланкисты добивались в первую очередь немедленных мер по улучшению положения рабочего класса: «Довольно побрякушек! Мы больше не дети. Нет свободы, когда нет хлеба. Нет равенства, когда изобилие выставляется напоказ наряду с нищетой... Работы — и хлеба!» Вместе с тем бланкистский клуб «Центральное республиканское общество» поддерживал национализацию крупной промышленности, транспорта, банков, страховых обществ и создания национального банка. Напризыв бланкистов откликнулись 20 клубов. Они образовали отдельную от «Клуба клубов» организацию: «Центральный избирательный комитет».

**Травля Бланки.
Документ
Ташеро.**

Растущее влияние Бланки и его сторонников сильно тревожило правительство и вызывало бешеную злобу буржуазного лагеря, ненавидевшего и боявшегося Бланки за его пронизательный, ясный ум, непоколебимую преданность народу, организаторский и ораторский талант. Желая дискредитировать Бланки и подорвать к нему доверие в массах, реакция сфабриковала фальшивый документ в виде показаний, которые якобы дал Бланки следственным органам в 1839 г., после своего ареста по делу общества «Времени года». Эти показания должны были обрисовать Бланки в виде предателя, выдавшего июльской монархии своих товарищей и всю организацию тайного революционного общества, одним из руководителей которого он был. Этот «документ Ташеро» (названный так потому, что он был опубликован редактором журнала «Ретроспективное обозрение», Ташеро) был ярким примером той подлой клеветы, к которой всегда прибегала и прибегает реакция, чтобы дискредитировать революционных вождей и подорвать к ним доверие масс.

Хорошо рассчитанная клевета принесла немало ущерба Бланки и революционным коммунистам. Мелкобуржуазные революционеры вроде Барбеса, движимые чувством личного соперничества и глубокой неприязни к коммунистическим и материалистическим взглядам Бланки, ухватились за грязные намёки «документа Ташеро» и начали травлю Бланки, обвиняя его в предательстве. Клеветникам удалось вызвать раскол в «Центральном республиканском обществе», из которого вышла часть членов, показавших свою мелкобуржуазную неустойчивость.

Демократические клубы создали комиссию для расследования дела. В защиту Бланки решительно выступили Дезами, Кабэ,

Распайль. Около 40 бывших членов бланкистских тайных обществ опубликовали заявление, протестуя против обвинений Бланки — «гражданина, которого мы видели в течение 17 лет на боевом посту, чьи долгие страдания, покорность судьбе, мужество, проявленное в тюрьмах, моральная безупречность, строгий и суровый образ жизни всегда служили лучшим опровержением гнусных обвинений, выдвигавшихся против него беззастенчивыми политическими врагами». Но комиссия, возглавляемая мелкобуржуазным реформатором Прудоном, решила дать клевете ход и вызвала Бланки для объяснений. Он отказался явиться и опубликовал негодующий протест против возводимой на него клеветы. Комиссия так и не вынесла никакого решения. Буржуазной реакции удалось, таким образом, сохранить в революционной среде сомнения и подозрения относительно Бланки, внести в неё новый раскол и отвлечь внимание рабочих от происков реакционного лагеря.

**Активизация
контрреволю-
ционных
элементов.**

Буржуазные республиканцы успокаивали народ, изображая дело республики прочным и непоколебимым. Газета «Националь» писала: «Правительство так могущественно, что перед ним не смеет шевельнуться вся консервативная партия в целом...»

Между тем активность контрреволюционных элементов с каждым днём увеличивалась. В департаментах и округах всё более ширилась контрреволюционная пропаганда против «парижских бездельников», демократов.

Используя недовольство крестьян 45-сантимным налогом, обвинение и разорение мелкой буржуазии, монархисты, реакционные чиновники, священники исподтишка натравливали массы на республику. В Бордо консервативная буржуазия встретила нового комиссара временного правительства враждебной демонстрацией и криками: «Долой проконсула!» Толпа биржевиков ворвалась в префектуру и заставила только что прибывшего комиссара отказаться от поста и удалиться из города. Настроения бордосской буржуазии приняли открыто враждебный правительству характер, и прежний комиссар должен был обратиться с воззванием, напоминаям ей, что «временное правительство является сегодня единственным барьером, отделяющим нас от анархии».

В Безансоне буржуазные национальные гвардейцы помешали правительственному комиссару распустить реакционный муниципалитет и, осадив префектуру, принудили комиссара к бегству. В Валенсе, Бурге, Труа, Бовэ произошли беспорядки, вызванные выступлением реакционных элементов и подстрекаемых ими тёмных элементов против правительственных комиссаров. Усиливались гонения против передовых рабочих и солдат. В Реймсе 7 апреля суд приговорил к 13 месяцам тюремного заключения рабочего, обвиняемого в том, что он разоружил в февральские дни национального гвардейца, защищавшего июльскую монархию и стрелявшего в народ. В шахтах Сент-Этьенна увольняли рабочих во-

жаков, в Лионе были арестованы солдаты, участвовавшие в народной демонстрации. Внутри самого временного правительства нарастали разногласия и раздоры. Правые буржуазные республиканцы усиленно интриговали против Луи Блана, Альбера, Ледрю-Роллена и полицейского префекта Парижа Коссидьера. Они добились создания в Париже особой муниципальной полиции — городской стражи, независимой от Коссидьера и подчинившейся мэру города Маррасту. Марраст, Ламартин, Мари завели свою особую тайную полицию, следившую за клубами и социалистами. С другой стороны, Луи Блан, Альбер, Флокон и Ледрю-Роллен стоваривались об отпоре буржуазному большинству правительства и искали возможности ослабить его влияние, прибегнув, если необходимо, к «чистке» правительства. Однако страх перед революционными рабочими и бланкистами парализовал все их начинания и планы. Особенно велики были страхи у мелкобуржуазных демократов — Ледрю-Роллена и Флокона. Тщеславный, бесхарактерный властолюбец Ледрю-Роллен не меньше, чем буржуазные республиканцы, боялся победы Бланки, страшился грозящего господства рабочих и легко становился игрушкой в руках правительственного большинства. Последнее вялещки маневрировало в ожидании выборов в Учредительное собрание.

**Обострение
классовых
противоречий
в стране.**

Последние недели перед выборами характеризовались дальнейшим обострением классовых противоречий и классовой борьбы в стране. Крестьянское население центральных и южных департаментов оказывало сопротивление сбору 45-сантимного налога. В ряде случаев крестьяне брались за дубины и изгоняли сборщиков налогов или писали дерзкие петиции и протесты властям. Чтобы хоть несколько успокоить крестьян, министр финансов Гарнье-Пажес предписал создать в коммунах под председательством мэров комиссии, получившие право освобождать от 45-сантимного налога неимущих лиц. Но эта мера была мало эффективна и дала простор произволу зажиточных элементов крестьянства. Истошалося также терпение рабочих масс, ожидавших обещанных коренных реформ для ликвидации безработицы. Происходили стихийные вспышки гнева. В Эльбефе была подожжена фабрика миллионера Грандэна, в Бернее (Нормандия) рабочие потребовали убрать английские машины, видя в них источник безработицы. Кое-где рабочие требовали удаления с работы иностранных рабочих — бельгийцев, итальянцев. Эти отсталые настроения перемежались с действиями, свидетельствовавшими о быстром росте классового самосознания пролетариата. В Сент-Этьене, где расположены угольные шахты бассейна Луары, в апреле 1848 г. в шахтах «Гранжетт № 5», Отевилль, Бассевилль и других рабочие прогнали шахтную администрацию и избрали из своей среды для управления шахтами комитеты. Шахтёры называли эти комитеты «временным правительством», а их председателей — «президентом шахты».

Временное правительство реагировало на это обострение обстановки новыми маневрами, которые должны были внести успокоение в массы. Буржуазные республиканцы вытаскили на свет свою программу огосударствления железных дорог и страховых обществ и обещали внести этот вопрос на рассмотрение Учредительного собрания. Но одновременно они отвергли предложение Луи Блана о выкупе государством бездействующих предприятий у их собственников и передаче их для эксплуатации рабочим ассоциациям (для этого выкупа Луи Блан предлагал выпустить бумажные деньги). В парижских клубах росло возмущение бездейтельностью правительства и укреплялось намерение поддержать проекты Луи Блана. Руководители начали готовить новую народную демонстрацию. Но буржуазная реакция на этот раз опередила демократов и перешла сама в наступление.

Апрельское выступление реакции в Париже.

16 апреля в Париже на Марсовом поле и Ипподроме собралось свыше 100 тыс. безоружных национальных гвардейцев для выбора своих кандидатов в состав главного штаба национальной гвардии. Тут же производился сбор патриотических пожертвований в пользу государства. Затем рабочие образовали кортеж, который направился к Ратуше, чтобы передать правительству собранные деньги и вручить петицию, выражавшую недовольство бездейтельностью правительства в области социальных реформ. Петиция говорила, что «народ хочет демократической республики... уничтожения эксплуатации человека человеком, организации труда посредством ассоциаций».

Временное правительство было крайне напугано этим повторением народной демонстрации 17 марта. Ему мерещились революционное выступление Бланки, «заговор» Луи Блана и его сторонников, «чистка» правительства. Воспользовавшись этими страхами, Ламартин решил предпринять контрнаступление на парижский пролетариат. Используя страх Ледрю-Роллена перед бланкистами, он уговорил его отдать распоряжение о сборе национальной гвардии. Ледрю-Роллен предательски использовал свою власть министра внутренних дел и приказал бить тревогу, поставив на ноги всю буржуазную и мелкобуржуазную часть национальной гвардии Парижа, двинувшуюся защищать правительство от рабочей демонстрации. В числе других явился защищать временное правительство и ненавистник Бланки — Барбес, бывший командиром одного из батальонов национальной гвардии. К Ратуше прибыли также поднятые по тревоге батальоны мобилей. Рабочая демонстрация, подошедшая к Ратуше, была встречена лесом щтыков, выражавших единение парижской буржуазии и мелкой буржуазии против пролетариата и его социальных требований. Национальные гвардейцы кричали: «Долой Бланки! Долой Распайя! Долой Кабэ! Долой коммунистов!» — и всячески проявляли свою враждебность к рабочим. Демонстрация была сорвана, выделенная ею делегация правительством не была при-

нята. Рабочие вынуждены были разойтись, потерпев первое после революции открытое поражение, знаменовавшее конец их влияния на государственные дела.

Поражение демонстрации 16 апреля было сигналом для долго сдерживаемой буржуазной реакции. Она спешила теперь перейти в наступление. Вечером 16 апреля группы буржуазных национальных гвардейцев носили мимо дома Кабэ пустой гроб с надписью «Смерть Кабэ!» и пытались вломиться в помещение клуба Бланки. Правительство распространяло слухи о ликвидированном коммунистическом заговоре, обсуждало вопрос об аресте Бланки. С обычной для него проницательностью Бланки говорил вечером 16 апреля в своём клубе: «Дело тут не в коммунизме, а в контрреволюции, организованной на площади перед Ратушей»... Предвидя дальнейшее наступление реакции, бланкисты решили восстановить свою нелегальную организацию, сохранив наряду с ней свой клуб и другие легальные формы деятельности. Бланки надеялся, что триумф реакции будет недолгим, и призывал своих сторонников «проявить доверие, мужество и терпение в ожидании великого реванша».

20 апреля правительство организовало под видом «Праздника Братства» военную манифестацию в Париже. После этого, 21 апреля, правительство, при протесте одного лишь Альбера, решило вернуть в Париж войска, для начала — три пехотных и два кавалерийских полка. Клуб Бланки тиетно протестовал против этой «угрозы вооружённых репрессий, направленных против победы народа».

В этой обстановке 23 апреля состоялись выборы в Учредительное собрание. Выборы происходили на основе так называемого «всеобщего избирательного права» — правом голоса пользовались все мужчины, достигшие 21 года. Первые демократические выборы во Франции были отмечены высокой активностью избирателей: 84% их участвовало в выборах. Общее число избирателей выросло с 200 тыс. человек при июльской монархии до 9 395 тыс. человек. При этом огромное большинство избирателей, состоявшее из крестьян, ещё весьма слабо разбиралось в политических программах и идеях борющихся между собой кандидатов. Пользуясь отсталостью крестьянских масс, особенно в отдалённых от центра департаментах и округах, местные землевладельцы, аристократы, реакционное духовенство и чиновники могли распространять самые фантастические слухи и обвинения по адресу республиканцев и демократов. Знаменитая писательница Жюльетта Санд рассказывала, что в сельской местности, где она тогда проживала, крестьяне под влиянием реакционной пропаганды считали, что в Париже проживает кровожадный человек, по имени «Отец Коммунизм», являющийся виновником всех бед. Эти крестьяне думали, что член временного правительства Ледрю-Роллен — это герцог Роллен, и что Ламартин и Мари — это любовницы герцога Роллена, по имени Мартина и Мари.

При всём том старые монархические режимы Бурбонов и Орлеанов были настолько ненавистны крестьянам, что ни легитимисты, ни орлеанисты не осмеливались выступать с открытым забралом. Выставляя свои кандидатуры в Учредительное собрание, монархисты заявляли о своём «присоединении» к республике, о «разрыве» с прошлыми политическими убеждениями и т. д. «Республиканцами» рекомендовались избирателям и легитимист-иезуит граф Фаллу, и лидер «династической оппозиции» Одилон Барро, и сводный брат Луи Наполеона — Морни, и десятки других заядлых монархистов. Тьер, который, не отказываясь от своих орлеанистских симпатий, выставил свою кандидатуру в Марселе, избран не был. Ни один из прежних официальных кандидатов правительства Гизо также не был избран. Таким образом, выборы показали полнейшую дискредитацию старых монархий и их сторонников и переход подавляющей части населения на сторону республики.

Но политическая отсталость масс, контрреволюционная агитация и антинародная политика буржуазных республиканцев сделали своё дело: рабочий класс и социалисты потерпели на выборах полное поражение. Только в одном Париже рабочим удалось выставить свой собственный, отдельный список кандидатов. Это был список, составленный люксембургскими делегатами и включавший 20 рабочих и 14 «известных защитников народных интересов» — Луи Блана, Альбера, Ледрю-Роллена и некоторых других социалистов и демократов. Во всех других городах рабочие кандидаты должны были довольствоваться местами в списках мелкобуржуазных демократов или буржуазных республиканцев. Парижский рабочий список потерпел поражение. Из него прошли только четыре кандидата, в том числе Луи Блан и Альбер, избранные как члены правительства и по другим спискам. Ни Бланки, ни Дезами, ни Кабэ, ни один коммунист избран не был. Барбес провалился в Париже и был избран лишь в своём родном департаменте Од. Из видных социалистов оказались избранными лишь Консидеран и Пьер Леру.

Главную победу на выборах одержали буржуазные республиканцы, за которых голосовала большая часть буржуазии и крестьянства. Особым успехом пользовалась кандидатура Ламартина, который был избран сразу в 10 департаментах. Были избраны и все другие видные буржуазные республиканцы, в том числе члены правительства. Из 880 мест в Учредительном собрании буржуазные республиканцы получили около 500 мест. Значительная часть этих 500 депутатов представляла собой, однако, людей весьма неопределённых, умеренных взглядов, впервые принявших активное участие в политической жизни. Их республиканизм был непрочным и легко поддавался воздействию обстановки. Кроме этих сомнительных и неустойчивых республиканцев, в Собрание были избраны около 200 бывших орлеанистов, перекрасившихся в республиканцев и объявивших себя «присоединившимися». Легитимисты были представлены в Собрании главным образом

клерикалами, которых было около ста человек. Остальные депутаты (около ста) принадлежали к числу мелкобуржуазных демократов. Поражение их на выборах было настолько очевидно, что газета «Реформа» писала: «Мы считались с возможностью очень плохих выборов, но надо признаться, что события превзошли наши ожидания».

Среди 880 депутатов Собрания было лишь 18 рабочих и 6 мастеров. Остальные депутаты были буржуазными интеллигентами, чиновниками, священниками, крупными и мелкими капиталистами и землевладельцами.

**События
в Лиможе.
Руанская
бойня рабочих.**

В ряде промышленных центров — Нанте, Эльбефе, Лионе — победа буржуазии и поражение рабочих породили большое волнение в массах и вызвали беспорядки. Особенно серьёзными были события в Лиможе и Руане, где классовые противоречия были и без того весьма обострены. В Лиможе сразу же после того как стало известно о неудаче демократического списка кандидатов, начались стычки между рабочими и муниципальными властями, поддержанными национальными гвардейцами буржуазных кварталов. Рабочие потребовали от правительственного комиссара переизбрать муниципалитет и разоружить буржуазных национальных гвардейцев. После отказа комиссара в городе начались рабочие волнения, были попытки уничтожить протоколы выборов. Бросившийся из предместьев рабочий люд разоружил буржуазию и захватил префектуру. По требованию рабочих комиссар правительства должен был создать комитет, который взял в свои руки управление городом. Комитет состоял из рабочих и демократов-интеллигентов и опирался на отряды вооружённых рабочих. Только через две недели войска восстановили в Лиможе «законный порядок».

Ещё более серьёзный характер носили события 27—28 апреля 1848 г. в Руане. В этом центре текстильной промышленности и крайне консервативной, монархической буржуазии ещё до выборов создавалась накалённая атмосфера во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей. Фабриканты отказывались от какого бы то ни было повышения заработной платы, сокращали рабочих, закрывали предприятия. Тысячи безработных вынуждены были работать в местных мастерских для безработных. Буржуазия была вооружена, рабочие разоружены. Национальные гвардейцы из буржуазии не давали рабочим-национальным гвардейцам оружия. Прокурор, буржуазный республиканец Сенар, провоцировал рабочих вызывающими речами, защищал фабрикантов и установленный ими уровень заработной платы. В этой обстановке рабочие выдвинули свой список кандидатов в Учредительное собрание, список «Центрального демократического клуба». Когда стало известно, что этот список провалился и что среди избранных в Собрание депутатов имеются миллионеры-фабриканты Гранден и Левассёр — злейшие эксплуататоры рабочих, гнев пролетариата

Руана прорвался наружу. Рабочие обвинили власти в фальсификации выборов, устроили демонстрацию перед Ратушей и пытались ворваться в здание Ратуши. Тогда Сенар вызвал войска, которые начали избиение безоружных рабочих. Отброшенные от Ратуши, рабочие бросились на улицы и в предместья, построили баррикады. Войска и буржуазная часть национальной гвардии атаковали баррикады и пустили в ход артиллерию. Действия войск отличались крайней жестокостью. Рабочие потеряли 11 человек убитыми и 81 ранеными. Восстание было подавлено в крови. Впоследствии 81 человек повстанцев, главным образом рабочие, были преданы суду; из них 48 человек были осуждены на каторжные работы и тюремное заключение. События в Руане произвели ошеломляющее впечатление в стране. Это был первый после революции случай открытой вооружённой борьбы. Бланки выпустил воззвание, обвиняя руанскую буржуазию в намеренной организации Варфоломеевской ночи для рабочих. Газета «Реформа» с ужасом констатировала, что восстановилась «разграничительная линия» между пролетариатом и буржуазией, которую якобы стёрла февральская революция. «Борьба между пролетариатом и буржуазией начинается сызнова», — признавала газета «Реформа».

Исход выборов показал, таким образом, слабость рабочего класса Франции. Он был плохо организован, а влияние революционного авангарда на рабочих оставалось ещё незначительным. Рабочий класс не смог оказать серьёзного противодействия контрреволюционной пропаганде среди крестьян, в результате чего даже мелкие крестьяне оказались в лагере противников социализма и рабочего класса.

Выборы в Учредительное собрание положили конец периоду февральских иллюзий и отбросили рабочий класс от завоёванных им в февральской революции позиций. Учредительное собрание, писал Маркс, «было живым протестом против притязаний февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазного уровня»¹.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 329

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПАРИЖЕ

4 мая начало свою деятельность Национальное Учредительное собрание. Сразу же после торжественного открытия заседания Учредительное собрание декларировало, что «республика, провозглашённая 24 февраля, является и остаётся формой правления во Франции». Депутаты стоя провозгласили лозунг «Да здравствует республика!» Этот клич был повторен 17 раз. Затем все депутаты вышли к народу, заполнившему площадь перед Бурбонским дворцом, и там, «перед лицом небес», снова повторили здравицу республике, подхваченную толпами народа.

Несмотря на эту показную церемонию, изображавшую согласие всей Франции с режимом, завоёванным февральским восстанием парижского пролетариата, Учредительное собрание с первых же дней своей деятельности подтвердило худшие опасения революционных рабочих и их вождей. Собрание олицетворяло и претворяло в жизнь политический курс буржуазной реакции: конец заигрываний с рабочим классом и его требованиями, решительное наступление на завоёванные им в февральские дни позиции, ликвидация сделанных пролетариату уступок и обещаний, разгром его революционных сил. Такова была общая платформа, на которой сошлись и буржуазные республиканцы, и их монархические союзники, легитимисты и орлеанисты.

Замена
временного
правительства
Исполнитель-
ной комиссией.

Собрание заслушало и одобрило отчёты членов временного правительства об их деятельности. Однако оно отказалось продлить полномочия временного правительства и решило удалить из него социалистов. Для этого было решено передать исполнительную власть пятичленной Исполнительной комиссии, избираемой Собранием и в свою очередь избирающей и утверждающей министров. В Исполнительную комиссию не были избраны ни Луи Блан, ни Альбер. Даже Ледрю-Роллен попал в неё послед-

ним по числу голосов членом и то лишь потому, что Ламартин отказался войти в Комиссию без вождя мелкобуржуазной демократии, чьё участие в Комиссии должно было сохранить ей доверие масс. Остальные члены Исполнительной комиссии — Араго, Гарнье-Пажес, Мари — принадлежали к самым правым элементам буржуазно-республиканского лагеря. К той же реакционной клике «Националя» принадлежало и большинство утверждённых Комиссией министров и, в частности, министр внутренних дел Рекюр, и министр юстиции Кремье. Военным министром вскоре был назначен генерал Кавеньяк, узколобый реакционер и солдафон, отличавшийся от обычных «африканских» генералов лишь тем, что, будучи сыном члена Конвента и братом известного республиканского деятеля времён польской монархии Годфруа Кавеньяка, он примыкал к буржуазно-республиканскому лагерю и пользовался репутацией стойкого республиканца.

Сразу же после удаления из правительства социалистов Учредительное собрание сделало новые шаги по пути наступления на рабочий класс. Заклиная буржуазную реакцию не отказываться от уступок голодным рабочим, Луи Блан предложил Собранию создать министерство труда и прогресса. 10 мая предложение Луи Блана было отклонено Собранием, даже без обычного в таких случаях изучения вопроса в Комиссии. При этом огромное большинство депутатов проявило к председателю Люксембургской комиссии подчёркнуто враждебное отношение. Луи Блан обвинял теперь в том, что своими проектами он сеет среди рабочих иллюзии и несбыточные надежды и тем самым толкает их на путь мятежей.

Наконец, 12 мая Собрание приняло постановление, запрещающее появляться в зале его заседаний с просьбами, жалобами и требованиями. Всякие петиции могли быть представлены Собранию только в письменном виде через бюро, либо через депутатов. Поводом к принятию этого постановления было намерение некоторых революционных клубов организовать народную демонстрацию и представить Учредительному собранию петицию, требующую вмешательства Франции в польский вопрос.

Польский вопрос.
Демонстрация 15 мая и её исход.
Этот вопрос привлёк к себе в начале мая особое внимание демократических сил. Трагические события в прусской и австрийской частях Польши, охваченных восстанием угнетённых поляков, глупо волновали народные массы Франции. Краковское восстание было зверски подавлено австрийскими властями, а в Познани прусские штыки и прусская картечь рвали в клочья тела героических польских повстанцев. Франция оставалась к этому безучастной, и предательская политика Ламартина продолжалась. В начале мая польские национальные комитеты Галиции и Познани прислали в Париж делегацию. Она привезла обращение к французскому народу, содержащее призыв о помощи делу национального освобождения Польши. Известный буржуаз-

ный экономист, депутат Учредительного собрания Волровский огласил 10 мая это обращение в Собрании, и последнее было вынуждено согласиться на обсуждение польского вопроса на своём заседании 15 мая.

Мысль о народной демонстрации в защиту Польши получила большую популярность среди парижского населения. Дело было не только в сочувствии борющемуся польскому народу, ставшему жертвой завоеваний, гнёта и тирании реакционных феодально-абсолютистских монархий. Защита восставших поляков давала известный выход растущему негодованию парижских рабочих, с тревогой наблюдавших за враждебным к ним началом деятельности Учредительного собрания. «Имя Польши, писал Ламартин, олицетворяло для народа угнетение одной из человеческих рас и отмщение за тиранию». Брожение в массах усиливали выступления некоторых революционных клубов, хотя в то же время клубы продолжали внушать рабочим иллюзии насчёт политики буржуазных республиканцев. «Клуб Революции» обратился 5 мая к членам временного правительства с призывом «диктаторским способом» сохранить за собой исполнительную власть и не отдавать её Собранию, пока последнее не докажет, «действительно ли заслуживает оно доверия истинных республиканцев».

В надежде добиться изменения линии Учредительного собрания многие клубы использовали польский вопрос для пропаганды идеи народной демонстрации перед Учредительным собранием. В роли организатора демонстрации выступил так называемый «Централизаторский комитет», созданный взамен распущенного в начале мая «Клуба клубов». Руководитель этого комитета Юбер был впоследствии уличён в том, что в период июльской монархии он был связан с полицией. Возможно, что и в данном случае он действовал в качестве полицейского агента-provokatora. 12 мая «Централизаторский комитет» созвал совещание представителей демократических и социалистических клубов Парижа. Совещание решило назначить на 15 мая мирную демонстрацию перед Бурбонским дворцом и представить Учредительному собранию петицию, требующую немедленного выступления Франции в защиту восставших поляков. Обсуждение этого решения в различных клубах выявило наличие разногласий среди революционных лидеров. В бланкистском «Центральном республиканском обществе» мнения разошлись. Бланки высказывался сперва против участия в демонстрации, считая её сомнительной и преждевременной затеей. Поскольку, однако, большинство членов клуба настаивало на участии в демонстрации, Бланки согласился с этим предложением, но с тем, что демонстрация будет мирной и безоружной. Против демонстрации был и Барбес, и руководимый им «Клуб Революции», однако и они боялись остаться в хвосте событий.

15 мая 1848 г. около полутораста тысяч трудящихся Парижа собрались на демонстрацию. Мощная колонна двинулась к Бурбонскому дворцу, шествуя по улицам Парижа с кличем «Да здравствует

Польша!» Во главе демонстрации шли руководители клубов, делегаты Люксембургской комиссии и национальных мастерских. Бурбонский дворец и подступы к нему охранялись усиленными постами национальных гвардейцев и мобилей. Однако, когда голова колонны достигла моста Согласия, генерал Курте, командующий национальной гвардией, не решился остановить шествие силой оружия. Курте обещал пропустить в Собрание делегацию демонстрантов и дать возможность демонстрации продефилировать перед Бурбонским дворцом. Воспользовавшись замешательством, демонстранты перешли мост и достигли дворца. Затем они проникли на трибуны для публики, а потом и в зал заседания, занимая свободные скамьи и постепенно смешиваясь с депутатами. В это время Собрание как раз слушало речь Воловского по польскому вопросу. Появление народа в зале заседаний нарушило и скомкало ход прений. На трибуну поднялся Распайль, огласивший петицию демонстрации. Петиция требовала, чтобы Учредительное собрание немедленно провозгласило солидарность Франции с борьбой поляков. Добиваясь от Собрания поддержки лозунга восстановления независимой Польши и отправки части французской армии на помощь восставшим полякам, петиция многозначительно подчёркивала, что «с Польши, где реакция так сильна, должен начаться наш освободительный поход». Закончив чтение петиции, Распайль предложил демонстрантам удалиться. На трибуну появился Барбес, он повторил предложение очистить зал заседания. Но толпа демонстрантов запротестовала. Требовали выступления Бланки. Поднятый на трибуну, Бланки решил восполнить петицию классовыми требованиями пролетариата и напомнить о них Собранию. Горячо поддерживая требование восстановления независимой Польши, Бланки указал на бедственное положение французского народа, «между его судьбой и судьбой поляков много общего». «Народ требует, — говорил Бланки, — чтобы Национальное собрание немедленно занялось вопросом о том, как дать работу тем тысячам несчастных, которые не имеют куска хлеба». Бланки потребовал также наказания истинных виновников руанского побоища и освобождения арестованных рабочих Руана. Его речь произвела большое впечатление на демонстрантов.

Тем временем шум и беспорядки усиливались. Толпы народа, окружавшие Бурбонский дворец, волновались и требовали к себе популярных ораторов. Из окон дворца перед ними выступили Луи Блан и Барбес. Оба они выражали сочувствие народным требованиям, но призывали демонстрантов разойтись, чтобы не мешать работе Собрания. Толпа, ворвавшись во дворец, носила Луи Блана и Барбеса на плечах, но не расходилась и ещё плотнее заполнила зал заседаний.

После Бланки слово взял Ледрю-Роллен, безуспешно призывавший демонстрацию очистить зал заседания. Народ ждал решения Учредительного собрания и не расходился. Напряжение росло. Никто уже не управлял ходом событий, принявших стихийный

характер. Одновременно в разных местах слышались речи импровизированных ораторов и возгласы, требовавшие создания министерства труда, выполнения обещаний, данных временным правительством рабочим, отставки враждебных народу министров, организации общественного комитета по контролю за действиями Исполнительной комиссии и т. п.

Барбес поспешил снова на трибуну. Он упрашивал Собрание согласиться со справедливыми требованиями народной петиции и отправить войска на помощь Польше. Вместе с тем, движимый соперничеством с Бланки и боясь отстать от него, Барбес потребовал, чтобы Собрание декретировало миллиардный налог на богачей и вывод из Парижа всех войск. Его выступление привело Собрание в состояние полной растерянности и паники.

Волнение ещё больше возросло, когда стала доноситься с улицы дробь барабанов, игравших тревогу. Это было сделано по приказу Исполнительной комиссии, которая решила созвать национальную гвардию и двинуть её на выручку Учредительного собрания.

Прошло свыше трёх часов с тех пор, как демонстранты ворвались в зал заседаний, и напряжение достигло апогея. Растущим гневом и раздражением демонстрантов воспользовался Юбер. Вскочив на трибуну, он провозгласил: «От имени народа, обманутого его представителями, объявляю Собрание распущенным!» Провокационное выступление Юбера окончательно дезорганизовало и привело в замешательство руководителей демократии. Некоторые из них пытались было исправить впечатление, созданное губительным поступком Юбера. Барбес кричал Юберу, что он ошибся, а де Флотт, один из активных революционеров, морской офицер по профессии, оттолкнув Юбера, заявил: «Нет, Собрание не распущено, давайте воскликнем: «Да здравствует Собрание!»

Но было уже поздно. Толпа стащила с председательского места председателя Учредительного собрания Бюшеза. Депутаты стали разбегаться. На столе президиума появилось трёхцветное знамя, украшенное красным колпаком. Со всех сторон раздавались крики: «К оружию! К оружию! В Ратушу!» Появились наспех набросанные списки членов нового временного правительства. В них фигурировали имена Барбеса, Луи Блана, Ледрю-Роллена, Флокона, Коссидьера, Альбера, Бланки и др. В некоторых списках предлагался почти целиком социалистический состав временного правительства: Распайль, Консидеран, Барбес, Бланки, Прудон, Кабэ, Луи Блан, П. Леру. Принимая случившееся за повторение февральских дней и известных событий 24 февраля в палате депутатов, масса демонстрантов считала роспуск Собрания свершившимся фактом и устремилась к Ратуше. Бурбонский дворец быстро очистился от посторонних. Почти тотчас же его заняли национальные гвардейцы и мобили, которых Исполнительная комиссия послала на выручку Собрания. Разбежавшиеся депутаты начали

вновь собираться, и вскоре заседание Учредительного собрания возобновилось. Оно немедленно направило драгунские части национальных гвардейцев и мобилей к Ратуше, чтобы покончить с «бунтовщиками». Во главе карательной экспедиции, верхом на конях, отправились Ледрю-Роллен и Ламартин. Они быстро достигли Ратуши и, беспрепятственно проникнув в неё, захватили и арестовали Барбеса и Альбера, единственных членов нового «временного правительства», которые оказались налицо. Ни Бланки, с самого начала считавший выступление 15 мая преждевременным, ни другие лица, фигурировавшие в списках этого «правительства», в Ратушу не явились. Очутившись в Ратуше одни, Барбес и Альбер продолжали тем не менее действовать. За короткий срок своего пребывания в Ратуше они приняли несколько «декретов» — о роспуске Учредительного собрания и национальной гвардии и о требовании к России и Германии восстановить независимую Польшу, с угрозой немедленного объявления Францией войны этим державам в случае их отказа. Копии этих «декретов» бросались из окон Ратуши в толпу, на площадь. Иллюзии Барбеса, полное непонимание им действительного положения дел ярко характеризовал и тот список нового правительства, который Барбес и Альбер составили в Ратуше. Вместе с именами Луи Блана, Распайля Коссидьера, П. Леру и мелкобуржуазного демократа Торе, этот список включал Ледрю-Роллена, который как раз в это время направлялся во главе войск к Ратуше, чтобы покончить с «мятежом» и новым «правительством».

После ареста Барбеса и Альбера правительство и национальная гвардия приступили к расправе с революционными вождями парижского пролетариата. Вечером 15 мая был арестован Распайль и друг Коссидьера Собринье, а через несколько дней был разыскан и скрывшийся Бланки. Клубы Распайля, Бланки и монтаньяров были закрыты. Коссидьер, чье имя фигурировало в списках нового правительства, был обвинён в преступном потворстве демонстрантам и должен был уйти с поста префекта полиции, а его отряды «монтаньяров» были разоружены и распущены. Арестованные вожди парижских рабочих, а также бежавший в Англию Юбер обвинялись в преднамеренной попытке государственного переворота. Буржуазная пресса и власти ссылались при этом на то, что при обыске у Собринье были найдены оружие и проекты декретов о роспуске Собрания и создании Комитета общественного спасения. В действительности, однако, «монтаньярские» проекты и заговорщические упражнения Коссидьера и его друзей не играли никакой роли в движении 15 мая. События этого дня носили стихийный и импровизированный характер. Об этом свидетельствовала и та лёгкость, с какой правительство овладело положением и покончило с попыткой роспуска Учредительного собрания. Революционные вожди парижских рабочих — Бланки, Распайль и др. — стали жертвами увлекшего их стихийного потока народного движения, с которым они уже не могли справиться, и провокации Юбера, нити которой тянулись к полиции и правительственным органам. Бланкисты не понимали роли руководящего авангарда в отношении широких масс пролетариата и не сумели оказать необходимого воздействия на ход демонстрации. Их заговорщичество сменилось упованием на стихийный ход событий. Это привело к тому, что народное движение, первоначально предполагавшее оказать давление на Учредительное собрание и выправить его антиреволюционную линию, найдя могучий отклик в недовольстве и гневе парижского пролетариата, но лишённое твёрдого руководства, вылилось в попытку переворота и окончилось полной неудачей.

Рост буржуазной реакции после 15 мая.

Последствия события 15 мая были весьма велики. Перепуганные буржуазные республиканцы бросились в объятия монархистов и совместно с ними готовили расправу с рабочими. Вместо распущенных «монтаньяров» Коссидьера была создана республиканская гвардия из 2½ тысяч отборных полицейских. Новый военный министр генерал Кавеньяк усиливал парижский гарнизон и стягивал к столице войска. Реакция усиливалась с каждым днём. Крупная буржуазия все более открыто нападала на демократические свободы, требовала запрета клубов, ограничения свободы собраний. Уже делались явственными призывы к сильной власти, к диктатуре. Легитимистская «Газетт де Франс» писала, что «демократия есть не что иное, как анархия», что «демократия приводит к коммунизму» и провозглашала: «Долой демократию!»

Правительство спешило использовать события 15 мая как удобный предлог для ликвидации всех сделанных рабочему классу уступок. 16 мая оно ликвидировало Люксембургскую комиссию и наложило секвестр на все её бумаги и дела. Торговые палаты открыто потребовали отмены декрета об ограничении рабочего дня, а предприниматели явочным порядком переходили к 12—14-часовому рабочему дню. Но буржуазия этим не удовлетворилась. Развёртыванию наступления на рабочий класс мешали национальные мастерские. Число рабочих в них к середине мая превышало уже 100 тыс. человек. Существование этих общественных работ для безработных было помехой к безудержному снижению заработной платы работающих и безграничной эксплуатации ищущих работы рабочих.

Поход против национальных мастерских и подготовка их роспуска. Ещё до 15 мая в Исполнительной комиссии было решено покончить с существованием национальных мастерских. 13 мая комиссия вынесла секретное постановление о прекращении нового приёма в мастерские, а также о том, чтобы побудить всех холостых рабочих, занятых в мастерских, к поступлению на военную службу. События 15 мая дали новый толчок буржуазному заговору против парижских рабочих. Активное участие в демонстрации значительного числа рабочих национальных мастерских и их делегатов не осталось незамеченным. Для буржуазии стал ясным крах надежд и стараний временного правительства расколоть ряды пролетариата и превратить рабочих национальных мастерских в свою преторианскую гвардию. Мастерские стали предметом бешеных нападков в Собрании и в реакционной печати. «Кто не знает, что национальные мастерские служат лучшей опорой для тех, кто хочет анархии и грабежей?» — писала 17 мая орлеанистская газета «Национальное собрание». Газета подчёркивала, что «прошло время полумер», и требовала немедленной расправы с мятежными рабочими с помощью национальной гвардии: «Мы предпочитаем битву, отчаянную битву, неизвестности и постоянному страху за завтрашний день».

Используя события 15 мая, правительство и Учредительное собрание спешили разделаться с национальными мастерскими. 17 мая министр общественных работ Трела назначил специальную комиссию инженеров, которая должна была самым срочным образом подготовить предложение о способах роспуска мастерских. В тот же день вопросом о мастерских занялся парламентский комитет труда, выделивший специальную подкомиссию для изучения этого вопроса. Председатель этой подкомиссии, граф Фаллу, легитимист и иезуит, был вдохновителем кампании против национальных мастерских. Ловкий и коварный интриган, Фаллу упорно и настойчиво преследовал свою цель: внезапным и решительным ударом против национальных мастерских вызвать парижский пролетариат на борьбу и беспощадно разгромить его революционные силы. Вместе с разгромом пролетариата, как это было ясно

Фаллу, республика должна была лишиться своей главной опоры, после чего уже не представляло бы труда покончить с ней и восстановить монархию.

Однако на пути осуществления этого плана встретились трудности и помехи. Созданная Трела комиссия инженеров уже 19 мая представила свой доклад. Она предложила ряд мер, направленных к постепенному сокращению числа рабочих, занятых в мастерских, и к ликвидации последних. Намечалось увольнение всех рабочих, которые не были жителями департамента Сены за шесть месяцев до февральской революции, увольнение рабочих, отказывающихся работать у частных предпринимателей, направление рабочих на общественные работы в провинцию и т. д. Но комиссия инженеров одновременно предлагала, чтобы правительство предоставило кредиты и заказы частным предпринимателям, согласившимся принять на работу занятых в мастерских рабочих, а также развернуло железнодорожное строительство и другие виды работ, финансируемые государством с помощью специально выпущенного займа. Эта часть предложений комиссии, делавшая роспуск мастерских длительным и дорогостоящим предприятием, никак не отвечала намерениям буржуазии. Уже отпечатанный доклад комиссии инженеров был признан в правительстве «опасным», задержан рассылкой и изъят, и Трела решил использовать лишь его первую часть.

24 мая Трела отдал директору национальных мастерских инженеру Тома распоряжение об увольнении из мастерских всех иногородних рабочих, а также всех холостяков в возрасте от 18 до 25 лет, которые должны были записаться на военную службу. Остальным рабочим предписывалось соглашаться на любых условиях на работу у частных предпринимателей, которые будут их нанимать. Однако, опасаясь возмущения рабочих этим провокационным решением, Тома отказался выполнить распоряжение министра. За это он был под полицейским конвоем увезён в Бордо. Вместо него в мастерские был назначен Лаллан, двоюродный брат Трела. Трела и Лаллан начали готовить роспуск мастерских, но решили действовать скрытно и осторожно. Дело в том, что открытые призывы буржуазной печати к закрытию мастерских и слухи о намерениях правительства вызвали огромное волнение и возмущение среди рабочих Парижа. Прежнее разъединение между делегатами мастерских и люксембургскими делегатами уступило место их единству: 27 мая они составили петицию к Учредительному собранию, требовавшую сохранения мастерских. 29 мая, собравшись под своими знамёнами, рабочие мастерских направили в Собрание специальную делегацию, доставившую эту петицию. Волнение рабочих и их растущая организованность немало напугали правительство. Буржуазные республиканцы страшились неизбежной кровавой развязки. Нерешительный Трела искал теперь способа избежать её и стал противиться чересчур поспешным действиям Фаллу.

Колебания правительства вызвали бешеные нападки на него со стороны крайних реакционеров в Учредительном собрании, требовавших немедленно покончить с мастерскими. Они усиливали давление на перепуганных республиканцев и при этом всячески успокаивали их относительно исхода дела. «Ну, хорошо, предположим, что будет оказано сопротивление, — доказывал Фаллу на заседании парламентского комитета труда необходимость роспуска мастерских, — что же, разве нет у вас национальной гвардии, солидных рабочих, всех тех промышленников, которые только того и требуют, чтобы была проявлена известная энергия».

Эти откровенные слова хитрый иезуит перемежал с заверениями: «Мы гарантируем вам, что не встретим серьёзного сопротивления». Всякая отсрочка решения вопроса вызвала у Фаллу громы и молнии. «От нас просят предоставить время! Но время не за нас, оно против нас. Каждый потерянный день несёт потерю уважения к республике и к Национальному собранию!» — восклицал 27 мая Фаллу на заседании комитета труда в ответ на представление Мари о необходимости соблюдать осторожность в вопросе о роспуске мастерских.

Лихорадочное нетерпение реакционеров подогревалось не только желанием поскорее разгромить рабочий класс и его революционные силы. Была и ещё одна причина. Вопрос о национальных мастерских оказался тесно связанным с проектом огосударствления железных дорог. Соответствующий законопроект, предусматривавший принудительный выкуп государством железных дорог у частных компаний, был принят в конце апреля временным правительством и как раз обсуждался теперь Учредительным собранием. Проект этот вызвал у крупной буржуазии тревогу. Предложение правительства встретили яростные возражения со стороны правых партий и части буржуазных республиканцев, защищавших интересы финансовой аристократии.

В действительности переход железных дорог в руки государства увеличивал его доходы и открывал возможность развёртывания железнодорожного строительства, почти вовсе прекращённого частными компаниями. Это строительство могло дать работу многим тысячам безработных. Так, например, директор неоконченной железной дороги Париж — Лион предложил 29 мая правительству принять на работу 15 тыс. рабочих национальных мастерских при условии правительственной субсидии на строительство железной дороги. Правительство и часть республиканцев ухватились за этот выход, дававший, казалось, возможность избежать гражданской войны с парижским пролетариатом. Но провокаторы этой войны получили теперь союзников в лице противников законопроекта о железных дорогах. Их объединила теперь общность интересов: уничтожение национальных мастерских делалось средством защиты интересов железнодорожных компаний и финансово-промышленных магнатов. Эта связь ярко олицетворялась буржуазным

экономистом Леоном Фоше, в прошлом видным деятелем династической оппозиции. Будучи директором одной из железнодорожных компаний, Фоше выступал ярким противником законопроекта о железных дорогах и в то же время вместе с Фаллу настойчиво добивался немедленной ликвидации национальных мастерских и роспуска занятых в них рабочих. Провокационные намерения Фаллу, Фоше и их сторонников постепенно, но всё более настойчиво осуществлялись.

30 мая Учредительное собрание приняло декрет о реорганизации национальных мастерских. Декрет далеко ещё не отвечал желаниям Фаллу и К°, но он подготовлял почву для осуществления их иезуитских намерений. Декрет предусматривал высылку в провинцию всех рабочих национальных мастерских, которые проживали в департаменте Сены менее трёх месяцев. В мастерских вводилась сдельная оплата труда вместо подённой. Вместе с тем правительству предлагалось предоставить частным предприятиям и коммунальным и департаментским организациям кредиты для возобновления работ, которые могли бы занять безработных рабочих. Постановление Учредительного собрания породило большое волнение среди парижского пролетариата. Результаты этого не замедлили сказаться.

Дополнительные выборы в Учредительное собрание. Начало бонапартистской деятельности в массах.

4 июня в Париже и в ряде департаментов состоялись дополнительные выборы в Учредительное собрание. Результаты выборов показывали растущее недовольство масс политикой буржуазных республиканцев. Среди населения имели успех самые различные кандидатуры противников буржуазной республики: и социалисты, и демократические республиканцы, и монархисты. Из 11 избранных в Париже депутатов только один принадлежал к правительственному лагерю, остальные были либо социалистами, как Прудон и П. Леру, либо монархистами, как Тьер и Шангарнье, либо мелкобуржуазными революционерами вроде Коссидьера. Особо важное значение имели два факта: одновременно в четырёх департаментах был избран Тьер, и, что было совершенно неожиданным, такой же успех имела кандидатура Луи Наполеона Бонапарта. Последний был также избран в четырёх департаментах, и в том числе в Париже, где его кандидатура собрала свыше 84 тыс. голосов. Успех бонапартистской кандидатуры превзошёл все ожидания кучки его сторонников. За Луи Наполеона голосовали не только часть контрреволюционно настроенных буржуазных избирателей, но и многие рабочие, озлобленные нищетой и голодом и возмущённые предательским поведением буржуазных республиканцев. Немало голосов дали ему и националистически настроенные элементы в армии, мечтавшие о новых завоеваниях, о военной славе, о реванше за поражение в февральские дни. Среди крестьян, озлобленных 45-сантимным налогом, кандидатура племянника Наполеона также имела большой успех.

Бонапартисты учли симптоматичное значение своего успеха и не жалели ни денег, ни демагогических посулов и обещаний. После 4 июня их пропаганда приняла широкий размах. В Париже сразу же появилось несколько бонапартистских газет, много листовок, плакатов, брошюр. Одни из них играли на контрреволюционных настроениях собственнических классов, проповедуя «непрестанную борьбу против всех социалистических школ» и изображая Луи Наполеона «лучшим защитником собственности, семьи и религии». Другие приноравливались к недовольству трудящихся, которое вызывалось гнётом капиталистической эксплуатации и ростом буржуазной реакции, кричали об «иге денежной аристократии», демагогически «защищали» нужды рабочих и «нападали» на крупный капитал.

Тома, директор национальных мастерских, рекомендовал кандидатуру Луи Наполеона своим рабочим. Бонапартистская пресса, ссылаясь на брошюру «Искоренение пауперизма», написанную Луи Наполеоном в 1844 г., выдавала его за представителя «истинного социализма», обещала реформы, облегчающие участь трудящихся классов, и налоги на богатей.

Вместе с тем бонапартисты уже заговаривали о «сильной власти», о необходимости покончить с «болтунами» и «краснобаями», которые «губят Францию». Бонапартисты публично намечали Луи Наполеону роль консула, концентрирующего в своих руках всю власть. Они неплохо угадывали тайные стремление контрреволюционной буржуазии к удушению демократии. «На улицах желают Луи Бонапарта президентом, а в лавках — спокойствия каким бы то ни было путём», — записывал свои наблюдения русский путешественник М. Волков. О бонапартистской диктатуре во Франции начинали мечтать и господствующие классы в соседних странах, напуганные французской демократической революцией, огромной ролью в ней социалистов и рабочих и тем влиянием, какое революционное движение во Франции оказывало на другие страны. Английская буржуазия, боявшаяся своего рабочего класса и чартистов, отказывалась от традиционной неприязни к наполеоновской империи и выражала теперь сочувственное отношение к возможности её восстановления во Франции. «Империя с разумной конституцией могла бы быть лучшим выходом из французского помешательства», — писал 14 июня 1848 г. глава английского правительства лорд Джон Россель королеве Виктории. Россель опасался лишь, что Луи Наполеон, из-за своей склонности к социальной демагогии и заигрыванию с рабочим движением, не справится с наведением «порядка» во Франции: «Чтобы всё это привести в порядок, нужен был бы абсолютный деспот».

Результаты этой демагогической пропаганды бонапартистов начали тревожить власти. В рабочих районах, на бульварах между воротами Сен-Дени и Сен-Мартен происходили шумные сборища голодного люда, безработных и т. п., прислушивавшихся к речам бонапартистских агентов. Встревоженные власти пустили

в ход репрессивные меры. 7 июня Учредительное собрание приняло первый после революции закон, ограничивавший свободу уличных сборищ. Однако полицейский закон о сборищах не пресёк бонапартистской пропаганды в массах.

Когда Учредительное собрание стало обсуждать вопрос об утверждении депутатского мандата Луи Наполеона, бонапартистские агенты вывели тысячи людей к Бурбонскому дворцу и угрожали мятежом, если собрание откажется допустить в свои стены бонапартистского претендента.

Буржуазные республиканцы раскололись. Исполнительная комиссия предлагала распространить на Луи Наполеона закон об изгнании из Франции членов царствовавших прежде династий. Но большая часть республиканцев была против этого и преступно легкомысленно голосовала вместе с монархистами за утверждение депутатского мандата Луи Наполеона. Однако Луи Наполеон решил отказаться от мандата. Бонапартисты боялись рисковать своим кандидатом и советовали Луи Наполеону не спешить и пока что уйти в тень перед лицом надвигавшейся решительной схватки между буржуазией и пролетариатом.

Роспуск национальных мастерских.

Надвигавшиеся грозные события ощущали не одни только бонапартисты, но и сторонние наблюдатели. Русский путешественник М. Волков, весьма консервативно настроенный человек, проживая тогда в Париже, описывал в письме от 15 июня к петербургскому другу такую сценку: «Вчера, в 9 часов вечера, я видел блузников, стоящих на тротуаре перед входом в Собрание... Поодаль стояли два армейских офицера. Я подошёл к ним спросить: для чего стоят здесь блузники? чего они хотят? В ответ мне офицеры разразились негодованием: «Чего хотят они? эти бездельники? Они хотят, чтобы мы им влили в башку свинцовых клёцок». Офицеры, писал Волков, утверждают, что будет страшное побоище и скоро». Эта уверенность офицеров имела основание. Военный министр генерал Кавеньяк, действуя заодно с реакционными депутатами Учредительного собрания, стягивал к Парижу всё новые войска из провинции. Страхи буржуазных республиканцев перед провокатарскими намерениями Фаллу — Фоме постепенно улетучивались.

В то время как Трела заверял рабочих национальных мастерских, что правительство и Собрание скоро предоставят им много работы, и «работы серьёзной и продуктивной», противники мастерских приобрели в Собрании поддержку большинства депутатов и перешли в решительную атаку. Фаллу удалось добиться создания новой специальной парламентской комиссии, которая сосредоточила в своих руках решение судьбы национальных мастерских. Председатель комиссии, бывший член временного правительства банкир Гудшо, в своей речи в Собрании 15 июня называл рабочих национальных мастерских бездельниками, людьми, «переставшими быть честными», и потребовал немедленного роспуска всех мастер-

ских как в Париже, так и в провинции. Рабочие массы кипели негодованием и возмущались циничным отказом буржуазии от обещанного «права на труд». Безработица продолжала расти, в Париже тысячи голодных людей сидели без работы, без хлеба, и та же участь теперь грозила занятым рабочим. Делегаты мастерских и люксембургские делегаты составили 18 июня совместную декларацию, в которой протестовали против оскорблений пролетариата. «Отсутствует не наше желание работать, а нашим рукам нехватает полезной и соответствующей нашим профессиям работы. Мы требуем её и взываем к ней всеми нашими помыслами». Но большинство Собрания уже предредишило вопрос и было непоколебимо. Буржуазная пресса всех направлений в унисон провозглашала боевой лозунг реакции: «Надо с этим покончить!» Правительство и Исполнительная комиссия капитулировали перед волей своего класса и больше уже не колебались. Ламартин совещался с Кавеньяком и его генералами о тактике борьбы с ожидаемым восстанием парижского пролетариата.

22 июня, взяв в свои руки инициативу решения вопроса, правительство опубликовало распоряжение, обязывающее всех рабочих национальных мастерских в возрасте от 18 до 25 лет вступить в ряды армии. Остальные рабочие должны были приготовиться к отправке в провинцию, на земляные работы в болотистую местность Солонь. Одновременно Лаллан закрыл бюро по оказанию помощи рабочим мастерских.

Эти распоряжения вызвали страшное возмущение парижского пролетариата и всколыхнули всё рабочее население столицы. Рабочие должны были выбирать между казармой, работой в болотистых местностях вдаль от семьи и голодной смертью на парижской мостовой. Кроме того, парижские пролетарии усматривали в этом решении преступный заговор врагов демократической республики — намерение удалить из Парижа активные элементы рабочего класса в период, когда Учредительное собрание будет разрабатывать конституцию. Члены «Центрального бюро бригадиров национальных мастерских» обратились к министру Мари с письмом, в котором они заявляли от имени рабочих национальных мастерских: «ни один из нас не оставит Парижа, пока не будет выработан и принята народом демократическая, социальная и народная конституция». 22 июня полторы тысячи рабочих сопровождали делегацию национальных мастерских, отправившуюся на переговоры с правительством. Во главе делегации стоял революционный публицист бланкист Пюжоль.

Член Исполнительной комиссии Мари принял делегатов и высокомерным тоном пригрозил: «Если рабочие не хотят уехать сами, то мы вышлем их из Парижа силой!» Грубая угроза Мари подлила масла в огонь. Толпы рабочих демонстрировали по улицам с криками: «Хлеба или свинца!» «Свинца или работы!» «Долой Мари!» «Долой Национальное собрание!» «Да здравствует республика!» Вечером 22 июня на площади Пантеона состоялся много-

людный митинг. Пюжоль призывал рабочих к оружию, к отстаиванию своих прав.

Начало июньского восстания в Париже. Утром 23 июня на площади Пантеона снова собрались огромные толпы рабочих. Пюжоль призывал идти в Сент-Антуанское предместье, чтобы оттуда, с оружием в руках, отправиться к Учредительному собранию. По дороге процессия остановилась на площади Бастилии, возле памятника июльской революции 1830 года. Народ преклонил колени перед героями борьбы за свободу и поклялся следовать их примеру. «Свобода или смерть!» — прозвучал многотысячный возглас готовящихся к борьбе рабочих.

Уже с утра 23 июня началось в некоторых местах города строительство баррикад. Перед лицом взбурдаженного и полного решимости защищаться парижского пролетариата Учредительное собрание не только не пошло на уступки, но сделало последний провокационный шаг. Оно отвергло петицию делегатов национальных мастерских, внесённую Пьером Леру. Специальная комиссия по национальным мастерским одобрила заготовленный декрет о роспуске мастерских и поручила Фаллу внести его в тот же день в Собрание. Для вящего успеха своего плана Фаллу составил доклад в крайне агрессивном провоцирующем тоне и потребовал у Собрания «в корне ликвидировать этот активный концентрированный очаг бесплодной агитации». Одобрив доклад Фаллу, Собрание приняло декрет о роспуске национальных мастерских.

К вечеру 23 июня вся восточная часть Парижа была охвачена восстанием. Сеть баррикад охватывала все рабочие кварталы, предместья восточной стороны, Латинский квартал, часть Монмартра и внутренних кварталов города. Баррикады были построены с большим искусством; некоторые из них доходили до высоты трёх- и четырёхэтажных домов. Для удобства сообщения повстанцы устраивали в стенах окружающих домов проломы и соединяли их между собой переходами. Общее число участников восстания достигало 40—45 тыс. человек. Большинство их составляли рабочие национальных мастерских, остальные были рабочими действующих предприятий, железнодорожниками, безработными.

Огромную баррикаду на улице Бельфон в предместье Пуассоньер построили железнодорожные машинисты, прибывшие из деревни Шапельль, под Парижем, и рабочие разных машиностроительных предприятий.

Громадные баррикады в квартале Попинкур защищали бронзовщики из Филь-дю-Кальвар и рабочие, занятые в производстве предметов роскоши. Казарму де ла Виллет занимали ломовые извозчики, грузчики, угольщики.

Основные кадры бойцов Сент-Антуанского предместья составляли столяры и краснодеревцы. В центральной части города баррикады защищали железнодорожники Орлеанской ж. д. и докеры. Итальянскую заставу охраняли камеломы из Жантильи и тряпичники с улицы Муффетар. Активную помощь восставшим оказы-

вали в рабочих кварталах женщины и дети. «Восстание носит характер настоящего рабочего восстания, — писал Энгельс 26 июня 1848 г. в экстренном выпуске «Новой Рейнской газеты». — Ненависть рабочих против правительства и Собрания прорвалась... Все детали событий определенно свидетельствуют о пролетарском характере восстания»¹.

Какая либо общая организация у повстанцев отсутствовала. Не было у них и единого общего руководства боевыми действиями. Как указывал Ленин, «вооруженное восстание рабочих было «провоцировано» правительством в такой момент, когда рабочий класс был еще недостаточно организован»². Рабочие сражались либо в составе тех бригад, взводов, отделений, в каких они работали в национальных мастерских, либо в своих подразделениях национальной гвардии, в составе жителей своего квартала, своего клуба и т. д. Их руководителями, командирами, начальниками баррикад были бригадиры и делегаты национальных мастерских, командиры пролетарских частей национальной гвардии, руководители революционных клубов.

Некоторые имена этих местных командиров восстания истории сохранила. Обороной площади Вогезов руководил Ракари, рабочий-механик, член тайного коммунистического общества 40-х годов. Баррикадами на улице Гранж-О Белль руководил механик бланкист Бартеlemi. Борьбой на улице Планш Мибре командовал коммунист сапожник Вуазанбер. В районе Пантеона командовали операциями повстанцев офицеры 12-го легиона национальной гвардии жестянщик Шодавуан, печатник Приер, портной Левен, пекарь Ожье. В квартале Сен-Марсо борьбой руководил старший бланкист Колле, в Кло-Сен-Лазар — один из руководителей клубов, Ларок; в 8-м округе — редактор социалистической газеты «Организация труда» Делякслонж, в 9 м округе — шляпный мастер Ибрюк. Назовем еще руководившего борьбой в Сент-Антуанском предместье мастера-оптика Дефер, в предместье Сент-Дени — печатника Магн-Эд и инженера бланкиста Дювивье, в Бельвиле — механика Герино, обойщика Фанферно, приказчика Потье. Все они были руководителями местных клубов.

В одном месте, у заставы Фонтенебло, восстанием руководил бонапартист камешник Лар. Вышедшие 23 июня бонапартистские газеты выражали показное сочувствие рабочим национальных мастерских и притворно возмущались их участием. «Бедная Франция! — вздыхала бонапартистская печать — Чтобы спасти ее, нужен настоящий человек». Бонапартистские агенты подстрекали рабочих к борьбе, их руководители рассчитывали погреть руки на кровавой драме парижского пролетариата и его борьбе с буржуазной республикой.

К восставшим рабочим не присоединился ни один видный демо-

кратический деятель, ни один видный социалист, ни Коссидьер, на которого восставшие возлагали большие надежды, ни Луи Блан, ни Видаль, ни Прудон, ни Пьер Леру. Все они оказались по ту сторону баррикад, в лагере буржуазии. Луи Блан завершил свою измену рабочему классу, участвуя в дни июньского восстания в работах Учредительного собрания, т. е. пребывая в стане палачей рабочего класса. Революционные вожди пролетариата — Бланки, Распайль и их соратники — не могли возглавить восстания, так как после 15 мая они, как и Барбес, находились в тюрьме. Единственной

¹ «Пролетарская революция», 1940 г. № 3, стр. 150

² Ленин, Соч., т. IX, стр. 31.

организацией, которая оказала помощь восстанию, было «Общество прав человека и гражданина». Эта мелкобуржуазная революционная организация, созданная Барбесом и деятелями из «Клуба Революции», имела довольно многочисленных пролетарских сторонников и поддерживала связь с революционными клубами и делегатами национальных мастерских. «Общество прав человека и гражданина», по некоторым сведениям, пыталось создать руководящий центр восстания и даже выделило для этой цели два постоянных комитета. Из его недр вышел и стратегический план восстания, разработанный, повидимому, бывшим офицером Керсози, председателем «Комитета действия» общества. Керсози был старым революционером, активным участником левореспубликанского движения 30-х годов и тогда уже испытал известное влияние революционных коммунистов — Буонаротти, Бланки, Распайля. Последний был его личным другом. Военный план, составленный, как уже упоминалось, повидимому, Керсози, предусматривал наступление повстанцев четырьмя концентрическими колоннами на Ратушу. Характеризуя этот план, Энгельс писал, что план этот вполне правильно опирался на населённые исключительно рабочими части города, которые окружают полукругом всю восточную половину Парижа и расширяются по мере приближения к восточной части города.

Предполагалось сперва очистить от врагов восточную часть Парижа и лишь потом двинуться по обоим берегам Сены на западную часть и её центры — Тюильри и Учредительное собрание. Эти колонны должен был поддерживать ряд самостоятельно действующих между ними летучих отрядов, которые должны были занимать малые улицы и поддерживать связь между колоннами.

На случай отступления операционные базы были сильно укреплены и превращены по всем правилам военного искусства в сильные крепости. Такие укрепления воздвигнуты были в Кло-Сен-Лазар, в предместьях и в квартале Сент-Антуан, в предместье Сен-Жак.

Энгельс считал план весьма хорошо продуманным и находил в нём лишь одну ошибку — он оставлял без внимания западную часть Парижа, где необходимо было бы заложить пятый очаг восстания. Оценивая выдающиеся военные таланты Керсози, Энгельс говорил, что «он войдёт в историю как первый баррикадный полководец»¹.

Однако «Обществу прав человека и гражданина» не удалось создать руководящего центра восстания — его силы и связи были для этого совершенно недостаточны. Поэтому и план Керсози не получил своего осуществления: повидимому, в него были посвящены лишь немногие командиры повстанцев. Восстание развивалось в основном стихийно, и военные действия повстанцев после первых же столкновений с правительственными войсками приняли разрозненный характер. Это обстоятельство, а также

большой перевес правительственных сил привели к тому, что вместо предусмотренной планом Керсози стратегии наступления восставшие вынуждены были перейти к обороне первоначально захваченных позиций и отдали инициативу в руки правительства. Но этот перелом в ходе военных действий произошёл не сразу.

В первый день восстания, 23 июня, повстанцы, как отмечал Энгельс, «стали действовать, следуя своему плану. Они немедленно стали отделять свою территорию, рабочий Париж, от Парижа буржуазии двумя рядами баррикад... Из первых баррикад они были выбиты, вторые же им удалось удержать». Уже в этот день со стороны правительства были введены в действие крупные войсковые силы пехоты и артиллерии, около 30 тыс. человек, а также мобильная и национальная гвардия, последняя, правда, далеко не в полном составе. После тревоги на сборные пункты явились лишь легионы пяти западных округов Парижа, населённых буржуазией, и небольшое число (4 из 60 тыс.) национальных гвардейцев промежуточных кварталов центральной части города. Национальная гвардия восточной части Парижа была большей частью в рядах восставших.

Развитие
июньского
восстания.
Поражение
парижского
пролетариата.

С помощью этих сил правительство предприняло атаку на линию баррикад и к концу дня очистило главные улицы к востоку от Ратуши и к югу от Пантеона.

Оценивая итоги первого дня восстания, Энгельс считал их для правительства неблагоприятными: «Первый день борьбы не дал правительству никаких преимуществ. Оттеснённые инсургенты могли в течение ночи вновь овладеть потерянными позициями, что они действительно и сделали. Зато правительство имело против себя два серьёзных факта: оно стреляло картечью и не подавило восстания в первый день. Но после этих залпов картечью, после ночи, которая не принесла победы, а явилась перемирием, после этого мятеж уступает своё место революции»¹.

И действительно, утром 24 июня повстанцы перешли в наступление. Они не только вернули большую часть потерянной накануне территории, но и значительно продвинулись вперёд, угрожая захватить здание городской Ратуши и почти отрезав этот стратегически важный пункт от правительственных кварталов. Это был критический момент сражения. Правительство и Учредительное собрание были охвачены паникой. Правительство телеграфировало во все концы Франции о присылке подкреплений, вплоть до провинциальной национальной гвардии. Учредительное собрание объявило Париж на осадном положении. Тьер настаивал на эвакуации Собрания и правительства в провинцию. Не только монархисты, но и буржуазные республиканцы обвиняли Исполнительную комиссию в недостатке энергии, требовали её отставки

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 240.

¹ «Пролетарская революция», 1940 г., № 3, стр. 153.

и провозглашения военной диктатуры. Учредительное собрание немедленно приняло это предложение и передало всю полноту власти в руки генерала Кавеньяка. Этот тупой солдафон давно готовился к безжалостной расправе с парижским пролетариатом. Получив в руки диктаторскую власть, Кавеньяк решил действовать против восставшего Парижа так, как если бы он воевал в Алжире, — пушками, бомбами, зажигательными снарядами. Кавеньяк продолжал перебрасывать в Париж свои подкрепления и не торопился развёртывать решительную контратаку. Его тактика состояла в том, чтобы не распылять своих войск и не изнурять их мелкими

стычками с повстанцами, а сконцентрировать их в мощный кулак и раздавить восстание с помощью огромного перевеса в силах и беспощадных действий. К этим беспощадным действиям призвала солдат и буржуазия. Её печать захлёбывалась от ненависти к восставшим рабочим и изрыгала на них всяческую клевету. Буржуазная пропаганда рисовала восставших парижских рабочих в образе диких зверей и требовала их безжалостного истребления. Солдатам и национальным гвардейцам внушалось, что рабочие взялись за оружие, движимые самыми низменными инстинктами: «Они хотят анархии, пожаров, грабежей», — говорила правительственная прокламация. Повстанцам клеветнически приписывались неслыханные жестокости в обращении с пленными, с женщинами, стариками в захваченных ими районах города.

К вечеру 24 июня правительственные войска сломили в районе Пантеона сопротивление восставших и, упорно продвигаясь вперёд, заняли площадь Пантеона и северное предместье города.

Почти весь левый берег Сены был очищен от восставших, а оставшиеся в их руках районы были теперь изолированы друг от друга.

25 июня войска Кавеньяка повели решительное наступление, очищая от восставших северные и южные кварталы восточной части города. Перевес правительственных сил был чудовищным. Против 40—45 тыс. восставших сражалось свыше 150 тыс. правительственных войск, национальных гвардейцев и мобилей. Кроме того, со всех концов Франции на помощь правительству спешили отряды местной национальной гвардии и добровольцев из буржуазии, помещиков, крестьян-собственников и лавочников. Эти отряды насчитывали свыше 150 тыс. человек. Часть из них приняла участие в военных действиях против восставших, большинство же прибыло в столицу уже к самому концу восстания.

Артиллерия Кавеньяка действовала беспощадно, сметая баррикады, дома, поджигая целые кварталы. Тем не менее повстанцы стойко сопротивлялись. Так, войскам удалось овладеть Кло-Сен-Лазар только после непрерывного 12-часового артиллерийского обстрела этого района. Расправа с повстанцами делалась всё более свирепой. Мобильную гвардию, состоявшую по большей части из люмпенпролетарской молодёжи, спаивали водкой и призывали к охоте на рабочих. Печать обливала повстанцев новыми потоками клеветы. Им приписывалось убийство парижского архиепископа Афра, который перед баррикадами призывал к прекращению гражданской войны и был смертельно ранен в спину выстрелом одного из правительственных солдат. К утру 26 июня в руках восставших осталось лишь Сент-Антуанское предместье и часть Тампля. Знаменитое революционное предместье было превращено рабочими в сплошную крепость. Кроме баррикад, были укреплены мосты, набережные и целые ряды домов. Ночью между делегатами от восставших и председателем Учредительного собрания велись переговоры о прекращении борьбы. Восставшие сперва требовали роспуска Учредительного собрания, выработки конституции сами

народом, освобождения заключенных революционеров — Бланки, Барбеса, Распайля и др., а также вывода из Парижа войск. Затем они заменили эти требования другими: сохранение национальных мастерских и издание закона о праве на труд. Восставшие настаивали на том, чтобы защитникам предместья была гарантирована амнистия. Но Кавеньяк отверг эти предложения и потребовал безусловной капитуляции. Восставшие отказались, и борьба разгорелась с новой силой. Мятёжное предместье было подвергнуто артиллерийскому обстрелу из тяжелых орудий. Пушки Кавеньяка открыли пехоте путь через баррикады внутрь предместья. Только тогда часть повстанцев решила капитулировать и сложила оружие; другие отступили за пределы города. В час дня 26 июня Кавеньяк сообщил о разгроме восстания. В действительности же борьба в восточных предместьях продолжалась до самого вечера 26 июня, и только к исходу этого дня войска покончили со всеми очагами сопротивления.

Историческое значение июньского восстания парижского пролетариата.

Историческое значение июньского восстания парижского пролетариата было огромно. Карл Маркс называл это восстание «грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн»¹ и дал ему исчерпывающую оценку в следующих словах: «Это была первая великая битва между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя»². Оценка Маркса подтверждалась и лозунгами, которые провозгласили восставшие рабочие Парижа. Часть этих лозунгов выражала непосредственный протест рабочего люда, доведенного до отчаяния голодом и нищетой. «Хлеба или свинца! Свинца или работы! Жить работая или умереть сражаясь!» Но этими лозунгами цель восстания никак не исчерпывалась: борющиеся рабочие шли дальше этих непосредственных требований момента, они сражались под лозунгом «Да здравствует демократическая и социальная республика! Долой эксплуатацию человека человеком!» К этим основным лозунгам восстания присоединялись кое-где и такие, как «Свободная ассоциация труда при поддержке государства! Организация труда через ассоциацию!» В этих лозунгах нетрудно было узнать формулы Люксембургской комиссии о переходе к социализму посредством рабочих ассоциаций. Влияние мелкобуржуазного социализма и реформаторства сказывалось и на ряде других лозунгов, имевших распространение среди восставших. Так, в Сент-Антуанском предместье повстанцы, опровергая клевету буржуазной печати, будто бы целью восставших является грабеж, в своем воззвании говорили: «Защищая республику, мы защищаем собственность». И только в самых редких случаях среди восставших появлялось требование обобществления предприятий.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 329

² Там же, стр. 23.

Идеологическая пестрота и различия в уровне сознания различных групп восставших проявлялись и при составлении списков членов «правительства демократической и социальной республики», которое восставшие намеревались создать после своей победы. В этих списках, ходивших по рукам среди баррикадных бойцов, назывались имена революционных коммунистов — Бланки, Распайя, и имя мирного утописта Кабо, имена мелкобуржуазных социалистов — Луи Блана, Пьера Леру, Прудона, и мелкобуржуазных революционеров — Барбеса и Коссидьера.

Выражая в ещё неясной и незрелой форме свои социалистические требования, восставшие рабочие неразрывно связывали их осуществление с борьбой за демократию. Они требовали роспуска враждебного народу Собрания, выработки конституции самим народом. К этому добавлялись в отдельных случаях и такие требования, как арест предателей народных интересов — членов Исполнительной комиссии, министров и депутатов. Наконец, передовые элементы восставшего пролетариата отчётливо понимали международное значение своей борьбы. «Дело, которое мы защищаем, есть дело всего мира. Если Париж закован в цепи, то будет поработана и вся Европа», — говорилось в прокламации, которая расклеивалась в Сент-Антуанском предместье и автором которой был старый революционер возник Милон.

Мысль Милона полностью подтверждалась тем вниманием, с которым следили во всей Европе и даже в Америке за событиями в Париже. В Австрии, Пруссии и мелких немецких государствах, в Англии и Испании, в государствах Италии и балканских странах, в крепостнической царской России — всюду впечатление от июньского восстания было огромно.

Представители демократического революционного лагеря и их противники из монархически-феодального и буржуазного лагеря одинаково считали гражданскую войну в Париже решающим моментом в развитии европейской революции 1848 года. И прусские юнкеры, и английские капиталисты, и русский царь понимали, что если в Париже победят восставшие рабочие, то этим будет дан могучий толчок рабочему, демократическому и национально-освободительному движению во всей Европе. «Победа черни в Париже, несомненно, по-новому воспламенила бы и укрепила республиканско-коммунистическую партию в Берлине и Кёльне», — писал 26 июня в письме прусский генерал фон Рооп. Если победа парижских рабочих несла с собой возможную победу демократической революции в других европейских странах, то их поражение становилось переломным моментом всего развития европейской революции 1848 года, исходным моментом для наступления контрреволюции. «В лице 40 тыс. рабочих, 300 тыс. бойцов Кавеньяка победили не только 40 тыс. рабочих, — они победили сами того не сознавая, европейскую революцию», — писал Маркс. Вот почему победу Кавеньяка восторженно приветствовали представители феодальной реакции и либеральной буржуазии

Германии, английские тори и виги, римский папа и русский царь. Николай I послал Кавеньяку благодарность и поздравление «с победой, столь славно им одержанной над анархической партией».

Со своей стороны передовые элементы демократического лагеря, рабочие-социалисты Англии и Германии, русские революционные демократы солидаризировались с парижскими рабочими и заклеивали позором их палачей. «Это была священная война», — заявлял один из вождей левого крыла английских чартистов, Эрнст Джонс. А. И. Герцен посвятил восстанию парижского пролетариата пламенные страницы, проникнутые горячим сочувствием к рабочему классу и ненавистью к его палачам.

Но самым значительным из этих откликов было выступление руководимой Марксом «Новой Рейнской газеты». «Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту. С первого же выстрела мы решительно стали на сторону повстанцев. После их поражения Маркс почтил память побеждённых одной из своих самых сильных статей»¹. Эта знаменитая статья, напечатанная 29 июня 1848 г., с необычайной силой и проницательностью оценила всемирно-историческое значение только что закончившейся битвы.

«Парижские рабочие подавлены превосходными силами врагов своих, но не поддались им. Они разбиты, но их враги побеждены. Минутное торжество грубой силы куплено крушением всех обольщений и иллюзий февральской революции, разложением всей старореспубликанской партии, расколом французской нации на две нации — нацию собственников и нацию рабочих». Яркими штрихами обрисовал Маркс картину того, как в июньские дни в Париже рушились все иллюзии февральских дней. «Fraternité, братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, возведённое в феврале, огромными буквами начертанное на лбу Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме, где оно? Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является гражданская война в своём самом страшном обличии, война труда и капитала».

Гневно, с убийственным сарказмом раскрывал Маркс истинные причины того неистового бешенства, какое охватило французскую буржуазию в июне. «Февральская революция была прекрасная революция, революция всеобщих симпатий... ибо социальная борьба... вела пока лишь призрачное существование, существование фразы, слова. Июньская революция, напротив, революция отвратительная, отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело... «Порядок!» — таков был боевой клич Гизо... Порядок! — вопит Кавеньяк — это грубое эхо французского национального собрания и республиканской буржуазии. Порядок! — гремит его картечь, разрывая тело пролетариата.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 171.

Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 года, не была покушением на порядок, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и буржуазный порядок, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь покуšился на этот порядок. Горе июню!»

В разгар крикливой международной кампании грязной клеветы на парижских рабочих Маркс твёрдо взял их под защиту передового человечества: «Плебеи истерзаны голодом, оплётаны прессой, покинуты врачами, устами честных ославлены ворами, поджигателями и каторжниками; их жёны и дети повергнуты в ещё более безграничную нищету; их лучшие, уцелевшие от разгрома представители сосланы за море... Вокруг их грозно мрачного чела обвить лавровый венок есть привилегия, есть право демократической печати»¹.

Кровавый террор победившей буржуазной реакции. После кровопролитной четырёхдневной битвы Париж представлял страшное зрелище. Великий русский писатель А. И. Герцен, очевидец событий, описал его вид на следующий день после подавления восстания: «Наступила тишина и мир осадного положения, улицы были ещё оцеплены, редко-редко где-нибудь встречался экипаж (или человек); надменная национальная гвардия, с свирепой и тупой злобой на лице берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили ходили по бульварам, распевая «Умереть за отечество», мальчишки 16 — 17 лет хвастались кровью своих братий, запёкшейся на их руках; на них бросали цветы мещанки, выбегающие из-за прилавка, чтобы пригетствовать победителей. Кавеньяк возил с собой в коляске какого-то изверга, убившего десятки французов. Буржуазия торжествовала. А дома предместья св. Антония еще дымились; стены, разбитые ядрами, отваливались; раскрытая внутренность комнат представляла каменные рамы; соломенная мебель тлела, куски разбитых зеркал мерцали... местами посыпали песком, но кровь все-таки выступала... по бульварам стояли палатки, лошади глодали береженные деревья Елисейских полей, на площади Согласия везде было сено, кирасирские латы, сёдла».

Торжество буржуазии, о котором писал А. И. Герцен, сопровождалось свирепым террором против повстанцев и вообще рабочих. И после подавления восстания в пролетарских предместьях продолжались расстрелы раненых и плененных рабочих-борцов, женщин и детей. Шли повальные аресты «подозрительных лиц», часто на основании случайного доноса или без всякого основания. Число арестованных в Париже превысило 15 тыс. человек. «Охота за людьми идёт полным ходом, пощады не даётся никому», — сообщал в «Новую Рейнскую газету» её парижский корреспон-

дент. Это же подтверждается и свидетельством А. И. Герцена: «Убийство в эти страшные дни сделалось обязанностью, человек, не смочивший себе рук в пролетарской крови, становился подозрительным для мещан». Пленных повстанцев и арестованных морили голодом в подвалах дворцов, крепостных фортах и в тюрьмах, их затапливали водой, расстреливали через отдушины, двери и окна казематов, убивали в госпиталях и больницах. Всего было убито в дни восстания и после него свыше 11 тыс. человек — цвет парижского пролетариата.

27 июня Учредительное собрание почти без прений приняло декрет, вводивший для лиц, арестованных за участие в восстании, ссылку без суда. Докладчик этого законопроекта, доказывая необходимость массовой расправы с мятежным пролетариатом, откровенно говорил: «Пусть закон на время умолкнет, пусть будет обеспечено спасение общества». Специальные военные комиссии разбирали дела арестованных и решали вопрос о ссылке. Даже эти комиссии должны были в конце концов освободить за отсутствием улик свыше 6 тыс. арестованных. В ссылку было отправлено около 4 тыс.; более 70% из них составляли рабочие. Лица, признанные «вожаками, подстрекателями и зачинщиками», подлежали суду военных трибуналов, которые приговаривали революционный актив пролетариата к каторге и длительным сро-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 198—201.

кам тюремного заключения. Судебная расправа над этой частью арестованных тянулась до самой весны 1849 г.

Уроки восстания. Парижские рабочие потерпели в июньские дни поражение прежде всего вследствие огромного перевеса сил их противников. Отмечая героизм и военное искусство повстанцев, Ф. Энгельс указывал, что «40 тысяч их дрались четыре дня против вчетверо сильнейшего врага». Дело было не только в численном перевесе вооружённых сил буржуазной республики. «На её стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпенпролетариат, интеллигенция, представители либеральных профессий, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя»¹.

В этой изолированности парижского пролетариата таилась главная причина его слабости. В то время как буржуазная реакция мобилизовала против рабочего класса все силы буржуазного общества, пролетариат нигде не получил помощи. Это не означало, что у парижских рабочих не могло быть союзников в их борьбе. В ряде провинциальных городов и промышленных центров — Руане, Лиможе, Реймсе, Лане, Мюлузе, Лувье, Амьене, Нанте и др. — рабочие проявляли сочувствие восстанию парижского пролетариата. Кое-где они обнаруживали намерение идти на помощь к восставшим. Например в городке Эссон, близ Парижа были построены баррикады и рабочие пытались задержать войска, вызванные в Париж Кавеньяком.

Но все эти намерения и революционные вспышки остались разрозненными и стихийными. У французского пролетариата отсутствовала ещё своя классовая организация, способная объединить его силы и руководить им.

Значительная часть рабочих провинции относилась к борьбе парижского пролетариата безучастно: остальные рабочие не видели в этой борьбе своего общего дела. Ещё более это относилось к рабочим массам в других странах. У рабочего класса в 1848 году не имелось ещё международной организации, способной разъяснить всемирное значение парижских событий и привлечь к нему внимание рабочих всех стран. «Потребовались долгие годы», — говорил впоследствии К. Маркс, — пока сами рабочие поняли, что июньское восстание 1848 г. — дело их собственных передовых бойцов»².

Другой источник слабости пролетариата — отсутствие у него союзников в среде крестьянства и мелкой буржуазии. Несмотря на наличие недовольства буржуазной республикой и брожение в массах мелкого и мельчайшего крестьянства на почве кризиса, разорения, гнёта ростовщиков и капиталистов, и особенно на почве 45-сантимного налога, рабочий класс не смог повести за собой

мелких крестьян и беднейшие слои мелкой буржуазии. Эти классы стали союзниками буржуазии, а в дальнейшем крестьяне превратились в опору бонапартизма в стране.

Как подчёркивал И. В. Сталин, революция 1848 года потерпела поражение «главным образом потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии»¹. Таким образом, налицо был раскол между пролетариатом и мелкой буржуазией, одинаково гибельный для них обоих.

В своей известной статье «Из какого классового источника приходят и придут Кавеньяки», Ленин писал: «Мелкая буржуазия боялась довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает её на доверие к буржуазии... Вот какова была объективная историческая почва, породившая Кавеньяка. Колебания мелкой буржуазии «отстранили» её от роли активного деятеля, и, воспользовавшись её боязнью довериться пролетариату, французский кадет, генерал Кавеньяк пошёл на разоружение парижских рабочих, на массовый расстрел их»².

Во всём этом огромное значение имело влияние, какое оказали на рабочий класс идеи мелкобуржуазного утопического социализма, затемнявшие классовое сознание рабочих и мешавшие им вовремя распознать своих врагов. Французский пролетариат в 1848 г. в своей массе ещё пребывал в плену мелкобуржуазных иллюзий, которые сеяли в его среде социалисты типа Луи Блана. Авангард пролетариата не был ещё организован в революционную партию, способную указать рабочим верный путь к победе и во время предостеречь их от козней классовых врагов. Подчёркивая предательскую роль, которую сыграла политика мелкобуржуазных социалистов в 1848 г., Ленин говорил: «Именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Бланов родили Кавеньяка, дали ему успех»³.

В этих причинах поражения июньского восстания парижских рабочих заключались важнейшие уроки для всего международного рабочего движения. Главный из этих уроков состоял в том, что исторический опыт революции в короткий срок доказал и подтвердил абсолютную правильность идей научного коммунизма, правильность революционной теории марксизма. «Революция 1848 года, — писал Ленин, — наносит смертельный удар всем этим шумным, пёстрым, крикливым формам до-марксовского социализма... Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу одного пролетариата... Все учения о неклассовом социализме и о неклассовой политике оказываются пустым вздором»⁴.

¹ Сталин, Соч., т. 6, стр. 363.

² Ленин, Соч., т. XX, стр. 537.

³ Там же, стр. 538.

⁴ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 331—332.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 329—330.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 490.

Все эти уроки июньского восстания были величайшим историческим приобретением рабочего движения, искупившим понесённые им жертвы. Новый опыт, купленный, как и всегда, ценой величайших жертв, поднял на более высокую ступень классовое самосознание рабочего класса. Восстание заставило буржуазию дойти в своей борьбе против рабочего класса и его требований до конца, сбросить все маски. Буржуазия и её государство пустили в ход свои последние, решающие средства подавления масс — голое реакционное насилие и контрреволюционный террор. Тем самым буржуазия приблизила момент, когда и пролетариат доходит до конца в применении своих средств борьбы против господства буржуазии, против её гнёта. Уроки июньского восстания ускорили подготовку пролетариата к завоеванию власти, его созревание до уровня этой исторической задачи рабочего движения.

Следующей ступенью борьбы французского пролетариата была уже Парижская Коммуна 1871 года. Но Парижская Коммуна — этот первый серьёзный удар по капитализму, первый зародыш советской власти — была бы невозможна без опыта июньского восстания 1848 года. Связывая между собой эти два величайших исторических события XIX века, Маркс говорил о Парижской Коммуне, что она «является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского Июньского восстания»¹.

¹ М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XXVI, стр. 106. Под «нашей партией» Маркс понимает здесь революционное рабочее движение.

ДИКТАТУРА БУРЖУАЗНЫХ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

Разгром июньского восстания на первых порах укрепил положение буржуазных республиканцев. Кавеньяк стал героем и кумиром всей буржуазии. Палача парижских рабочих превозносили до небес как «спасителя общества». Учредительное собрание выразило Кавеньяку «признательность отечества» за услуги, оказанные им Франции.

После разгрома рабочего восстания буржуазия принялась уничтожать демократические свободы, завоеванные трудящимися массами в февральские дни. Ещё 25 июня были закрыты все «опасные» клубы и одиннадцать газет. Журналист Жирарден, осмелившийся написать в своей газете «Пресса»: «Вот мы опять попали под деспотизм сабли», — был немедленно арестован. Были распущены все отряды национальной гвардии, кроме легионов буржуазных кварталов. Животный страх господствующих классов перед демократией в очень яркой форме отразился в письме герцога Паскье к барону Баранту: «Единственная гавань, в которой можно укрыться в такое бурное время, — писал Паскье, — это гавань военного деспотизма. Слава всевышнему! Мы его имеем, этот благословенный военный деспотизм, под именем осадного положения или диктатуры». Это признание не было ни одиночным, ни случайным — оно выражало взгляды, подучившие широкое распространение среди буржуазии. «Сабля генерала Кавеньяка является для цивилизации предохранительным средством», — писал в своей памятной книжке заместитель мэра города Бордо. Передача власти генералу Кавеньяку была не временной, переходящей мерой, вызванной лишь чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны в Париже. Это был отказ буржуазии от завоеваний буржуазно-демократической революции, разрыв с буржуазной демократией и переход к режиму диктатуры. «Кавеньяк олицетворял собою... диктатуру буржуазии при помо-

щи сабли»¹. Осуществление этой диктатуры взяли на себя буржуазные республиканцы.

Диктатура генерала Кавеньяка. По взаимному соглашению между буржуазными республиканцами и монархистами, Собрание избрало Кавеньяка главой исполнительной власти, сохранив почти полностью его диктаторские полномочия. Кавеньяк привлёк новых министров из числа самых реакционных элементов буржуазно-республиканского лагеря. Почти все они «отличились» при подавлении июньского восстания. Министром внутренних дел стал бывший председатель Учредительного собрания Сенар — прокурор Руана, виновник руанской бойни рабочих и автор прокламации против июньских повстанцев. Министром финансов был вновь назначен банкир Гудшо, министром иностранных дел стал Бастид, автор предложения о введении осадного положения в Париже. Министерские портфели также получили генералы Ламорисьер и Бедо — помощники Кавеньяка при подавлении восстания. Почти все министры принадлежали к числу редакторов газеты «National», и, таким образом, в их лице пришла к власти группа реакционных буржуазно-республиканских лидеров, известная под названием «кликки Насионаля».

Монархисты выражали недовольство лишь министром просвещения Карно — сыном знаменитого деятеля французской революции конца XVIII в. Монархисты не могли простить Карно ни его революционной фамилии, ни в особенности его намерения ввести во Франции всеобщее и бесплатное начальное образование. Против Карно в Учредительном собрании была поднята травля, закончившаяся тем, что в начале июля он ушёл в отставку и был заменён Волабелем, человеком из «кликки Насионаля».

Отставка Карно свидетельствовала о положении, создавшемся в Учредительном собрании после июньских дней. Несмотря на то что буржуазные республиканцы имели в нём большинство, решающее влияние перешло к монархистам. Это объяснялось тем, что большая часть буржуазных республиканцев, охваченная страхом перед рабочим классом, видела спасение в открытом удушении демократических свобод. Буржуазные республиканцы спешили теперь отречься от всего, что могло внушить беспокойство буржуазии и крупным землевладельцам. Чувствуя ненависть к себе со стороны народа, они искали поддержки у крупной буржуазии. Они видели врагов республики не в монархистах и их реставраторских планах, а в демократах и социалистах. Контрреволюционными настроениями буржуазных республиканцев умело пользовались клерикалы и монархисты. Будучи в Собрании в меньшинстве, они увлекали республиканское большинство по пути всё более свирепого реакционного террора. Партия «National'я», как указывал Энгельс, господствовала в Учредительном собрании «только

благодаря тому, что за её спиной спланивалась вся объединённая реакция»¹.

«Будьте осторожны, — говорил Монталамбер буржуазным республиканцам, — помните, что у республики есть только один враг: это — страх, который она внушает тем, кому дорог принцип собственности».

Буржуазная реакция после июньских дней.

В короткий срок после подавления восстания Учредительное собрание приняло ряд законов, сделавших буржуазную республику весьма похожей на июльскую монархию. По требованию Кавеньяка осадное положение в Париже было продлено. Вскоре правительство внесло в Собрание законопроекты о клубах и печати в соответствии с требованиями монархистов. Первый из них, принятый Собранием 28 июля, ставил клубы под строгий надзор властей и полиции. Существование клубов теперь зависело от произвола административных органов, которые выдавали разрешение на их деятельность и могли аннулировать их по любому поводу. Под видом борьбы с «тайными обществами» закон о клубах фактически ограничил свободу собраний в стране. Всякая, даже случайная, сходка граждан могла быть объявлена «тайным обществом», если она происходила без ведома властей и без надзора с их стороны. Законы о печати, принятые Собранием 9—11 августа 1848 г., частично восстанавливали дореволюционный режим для прессы. Реакция требовала с пеной у рта ликвидации демократической печати, которую Фоше объявил «главным рассадником коммунистических идей...». С этой целью закон вводил высокий залог (для Парижа — 24 тыс. франков), который необходимо было внести, чтобы получить разрешение на издание газеты. Закон устанавливал тяжкие наказания за «преступления печати», особенно же за нападки на «принцип собственности и права семьи». Так как закон не давал точного определения этим «преступлениям», то открывалась полная возможность подавления социалистической пропаганды в любой форме. Разоблачая этот скрытый умысел закона о печати, Прудон иронически предлагал запретить печати всякое рассуждение о собственности. «Это будет и вернее, и откровеннее, и законнее», — говорил он. «Бедняки — молчите!» — комментировал смысл закона Ламенна, вынужденный теперь закрыть свою газету.

Не менее очевидной была капитуляция буржуазных республиканцев перед крупной буржуазией и в области экономической политики. Буржуазные республиканцы выбросили за борт всю свою прежнюю экономическую программу. Правительство взяло назад законопроект о выкупе железных дорог государством и восстановило могущество железнодорожных компаний. Была восстановлена также финансовая система июльской монархии. Интересы банковской верхушки буржуазными республиканцами тща-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 32.

¹ Архив Маркса-Энгельса, т. I (VI), стр. 291

тельно оберегались. Для выхода из бюджетных трудностей Гудшо предложил заключить новый заём у Французского банка и ввести новые налоги: на ипотечные ссуды и прогрессивный налог на наследство. Большинством голосов Собрание отвергло налог на наследство и уменьшило налог на ипотечные ссуды. «Хотите ли вы, чтобы в нашей республике не было богатых!» — восклицал один депутат, возражавший против прогрессивного налога. Собрание решительно выступило против уступок мелкой буржуазии. Последняя требовала отсрочки платежей по долгам, займам, арендной плате за квартиры и помещения, накопившихся вследствие экономического кризиса. Требования мелких лавочников, владельцев мастерских, ремесленников приняли форму законопроекта о полюбовных сделках между должниками и кредиторами. Этот законопроект разрешал отсрочку долговых платежей и снижение процентов по ним путём полюбовных соглашений кредитора и должника, либо через коммерческий суд, если последний признает, что должник стал банкротом вследствие вызванного революцией застоя в делах. Но финансовая олигархия решительно возражала против этой уступки разорённым кризисом мелким собственникам. «Теперь, когда крупное дело, касающееся пролетариата, было урегулировано, можно было свести и мелкие счёты с лавочником» (Маркс). Собрание не только отвергло законопроект о «полюбовных сделках», но и восстановило тюремное заключение за долги. Таким образом, мелкие буржуа-должники были отданы на произвол буржуа-кредиторов и «мелкой буржуазии достались от июньской победы только банкротство и продажа с молотка...» (Маркс).

Не менее враждебной была политика объединившейся реакции по отношению к крестьянам, отказавшимся от уплаты 45-сантимного налога. Сопротивление сбору этого налога после июньских дней даже увеличилось. К концу июля 23 департамента центральной и южной Франции не уплатили и четверти следуемых с них сумм, и даже зажиточные северные департаменты внесли лишь $\frac{3}{4}$ суммы налога. Во многих районах сопротивление крестьян принимало активные формы. За три летних месяца 1848 г. крестьянские мятежи имели место в сотне с лишним деревенских коммун, преимущественно в горных районах департаментов Жэр, Верхних и Нижних Пиренеев, Дордонь и др. В этих районах крестьяне изгоняли сборщиков налогов, жандармов и следователей, а деревенские мэры отказывались сообщать налоговые данные об односельчанах и подавали в отставку. «Мы не можем и не хотим платить... Горе тому, кто явится принуждать нас к платежу!» — кричали крестьяне округа Мпранд (департамент Жэр), выгоняя налоговых чиновников, явившихся за 45-сантимным налогом. В Герэ (департамент Дордонь) дело дошло до кровавой развязки. Крестьяне повесили плакаты, угрожающие виселицей всякому, кто будет платить ненавистный налог. После того как власти арестовали несколько «бунтовщиков», сотни крестьян, воору-

ных вилами и топорами, бросились освобождать их. Во время стычки войска стреляли в крестьян; около 20 человек были убиты.

Чтобы сломить это сопротивление крестьян, Учредительное собрание законом от 2 сентября 1848 г. подтвердило введение 45-сантимного налога и потребовало его неукоснительного платежа. Гудшо предписал налоговым властям применять решительные меры воздействия на упорствующих неплательщиков, в частности ставить к ним на постой солдат. Тем не менее в ряде мест сбор 45-сантимного налога подвигался туго, и ещё в 1849 г. продолжалось сопротивление крестьян взиманию недоимок по этому налогу.

Ещё решительнее действовало Собрание по отношению к рабочему классу. Национальные мастерские и в Париже и в провинции были закрыты. Всякое упоминание о социальных требованиях пролетариата, о социализме, Собрание встречало улюлюканием. Даже мирный мелкобуржуазный реформатор Прудон подвергся бешеной травле: он осмелился предложить весьма путаный проект всеобщего сокращения долговых сумм, рент, арендной платы и налогов и заступился за июньских повстанцев, изображая их жертвой нищеты, голода и провокаций реакционеров.

Ещё 26 июня Собрание избрало комиссию для расследования причин июньского восстания и событий 15 мая. В комиссию попали в большинстве реакционеры-монархисты. Доклад этой комиссии был настоящим обвинительным актом против всей февральской революции в целом. Комиссия предложила привлечь к судебной ответственности Ледрю-Роллена, Луи Блана и Коссидь-

ера, якобы виновных в том, что своим учепем они подстрекали рабочих к мятежу. Ледрю-Роллену удалось защитить себя от этих обвинений, и Собрание отклонило предложение о его предании суду. Вместе с тем Собрание согласилось на судебное преследование Луи Блана и Коссидьера, показав этим свою ненависть к социализму и социалистам. Луи Блан и Коссидьер, предпочитая эмиграцию ожидавшей их судебной расправе, бежали в Англию.

Наконец, 30 августа Собрание отменило декрет временного правительства об установлении 10-часового рабочего дня, а также декрет о запрещении так называемого маршандажа. Все уступки, сделанные рабочему классу в первый момент после революции, были, таким образом, ликвидированы. В Лилле власти распустили даже общество взаимопомощи рабочих-прядильщиков.

Чтобы сгладить впечатление от своей враждебной рабочему классу политики, Учредительное собрание сделало демагогический жест и ассигновало 3 млн. франков на кредитование производственных рабочих ассоциаций. Дело в том, что существование и деятельность этих ассоциаций принесли буржуазии немалую пользу: ассоциации отвлекали рабочих от революционной борьбы против буржуазии и внушали им надежду на мирное освобождение от капиталистической эксплуатации. Кроме того, бросая подачку рабочим ассоциациям, реакция рассчитывала, что рано или поздно эти ассоциации потерпят неизбежный крах, а это дискредитирует в глазах масс самую идею социализма. «Не три миллиона, а двадцать миллионов следовало бы требовать, и мы охотно дали бы их», — говорил Тьер, поддерживая предложение об ассигновании трёхмиллионного кредита рабочим ассоциациям. — Да, мы не пожалели бы и двадцати миллионов на поразительный опыт, который должен исцелить вас всех от этого колоссального сумасбродства». Расчёты буржуазной реакции в немалой степени оправдались. Лишившись в июньские дни своих передовых революционных элементов, часть рабочих стала теперь увлекаться реформаторскими проектами утопистов и устремилась в производственные ассоциации, банки «безденежного обмена» и тому подобные учреждения, рекламируемые различными школами мелкобуржуазного социализма.

**Успехи
монархистов
на муниципаль-
ных выборах
и на выборах в
Учредительное
собрание.**

Результаты политики буржуазных республиканцев не замедлили обнаружиться на муниципальных выборах в августе 1848 г. Выборам предшествовало принятие Учредительным собранием реакционного закона о муниципалитетах. Этот закон ещё раз показал растущее влияние монархического меньшинства Учредительного собрания. Как и при июльской монархии, закон ограничивал деятельность органов самоуправления исключительно рамками местных нужд и подчинял их надзору и мелочной опеке префектов департаментов. По этому закону в городах, насчитывающих свыше 6 тыс. жителей, мэры не выбирались, а назначались правительством из числа му-

ниципальных советников. Париж был вовсе лишён мэра и управлялся префектом департамента Сены и специальной муниципальной комиссией.

Муниципальные выборы происходили в обстановке всё растущей активности легитимистских помещиков и орлеанской буржуазии в провинции. Под их нажимом кавеньякское правительство смещало с постов демократически настроенных чиновников и заменяло их старыми кадрами орлеанистской администрации. Антиреспубликанская пропаганда становилась всё более дерзкой и откровенной. Рабочие, придавленные июньским поражением и реакционным террором, проникались безучастным отношением к борьбе за муниципальные посты между буржуазными республиканцами, легитимистами и орлеанистами. «Рабочий класс не принимает больше участия в выборах», — замечала одна провинциальная демократическая газета. «Зачем? — спрашивают они. — Наша судьба нисколько не изменилась от того, что вместо Луи Филиппа и Гизо царствует Кавеньяк и Марраст...»

Муниципальные выборы закончились почти повсеместно победой монархистов. Реакционные муниципальные советники, избранные ещё при июльской монархии, были в большинстве случаев переселены на свои посты. Таким образом, несмотря на то что впервые было применено всеобщее избирательное право на выборах органов местного самоуправления, монархисты удержали господство в муниципалитетах.

После этого успеха монархистов буржуазные республиканцы стали по отношению к ним ещё более уступчивыми. Потеряв опору в народе и не приобретя поддержки мелкой буржуазии, кавеньяковцы искали опоры у крупной буржуазии. Но последняя была настроена монархически. Политика буржуазных республиканцев приводила, таким образом, к неизбежной капитуляции перед монархистами и к гибели самой республики. Банкротство буржуазных республиканцев сделалось ещё более ясным после дополнительных выборов в Учредительное собрание 17 сентября 1848 г. Эти выборы, происходившие при весьма вялом участии избирателей, были новым свидетельством протеста страны против политики Кавеньяка. Из 17 новых депутатов, избранных в 13 департаментах, 15 были монархистами. В Париже в числе других депутатов был вновь избран Луи Наполеон Бонапарт. Не менее красноречивым был успех, который имела в Париже кандидатура Распайля — популярного революционного деятеля, арестованного после событий 15 мая и находившегося в заключении в Венсенском замке. Избранием Распайля парижские рабочие, поддержанные недовольными элементами мелкой буржуазии, выражали своё возмущение правлением Кавеньяка и его партии.

Давление монархистов на правительство и Собрание стало теперь ещё более ощутимым. Орлеанисты и легитимисты требовали от буржуазных республиканцев новых террористических мероприятий против демократических сил в стране. Орлеанисты уже

открыто претендовали на министерские портфели. Заискивающий перед реакцией Кавеньяк готов был идти на новые уступки. В сентябре 1848 г. правительство предложило восстановить смертную казнь за политические преступления, уничтоженную было после февральских дней. Вслед за тем в октябре были произведены перемены в составе правительства. Три министра-республиканца вышли в отставку, и на их место Кавеньяк пригласил монархистов. В числе новых членов правительства были бывшие министры июльской монархии — Вивьен и Дюфор, последний получил важнейший пост министра внутренних дел. Даже парижский префект после этого подал в отставку, заявив протест против того, что «после восьмимесячного существования республики ею стали управлять те самые люди, которые всегда употребляли свой ум и свои усилия на то, чтобы помешать ей родиться».

Так совершалось возвращение к власти монархистов. Палач парижских рабочих проложил путь к власти для заклятых врагов республики, ставших участниками правительственной коалиции.

Ещё более ценную услугу монархистам оказала конституция, принятая Учредительным собранием в начале ноября 1848 г. Проект конституции разрабатывала специальная Конституционная комиссия, избранная Собранием ещё в мае 1848 г. В комиссии преобладали буржуазные республиканцы, но участвовали в её работе и монархисты. Ещё до июньского восстания монархисты использовали реакционные настроения буржуазных республиканцев и внесли в проект конституции ряд положений, враждебных республике и демократии. Одним из этих положений было создание сильной исполнительной власти в лице президента республики, который имел бы право назначения министров, чиновников, офицеров и действовал бы независимо от парламента.

Монархисты видели в этом предложении известный реванш за ту неудачу, которую они потерпели в комиссии при попытке создать парламент из двух палат. Верхняя палата, по замыслу монархистов, должна была служить противовесом и тормозом по отношению к нижней палате, избираемой всеобщим избирательным правом. Ту же роль — реакционного противовеса демократическим учреждениям — должен был играть, в сущности, и президент. На необходимости этой должности сошлись и буржуазные республиканцы, и монархисты. Последние старались всячески усилить президентскую власть и наделяли её чуть ли не королевскими правами. «Если не будет сильной исполнительной власти, то республика не продержится и шести месяцев», — говорил орлеанист Дюфор, запугивая буржуазных республиканцев мятежными настроениями народных низов.

После июньского восстания реакционные тенденции в комиссии ещё более усилились. Если в первоначальном проекте конституции ещё фигурировало «право на труд», то в последующем обсуждении проекта оно было устранено и заменено ничего не зна-

ющим правом на вспомоществование». Был также пересмотрен и сильно урезан пункт о праве на образование.

Разработанный комиссией проект конституции обсуждался Учредительным собранием в течение сентября — октября 1848 г. Контрреволюционно настроенное большинство депутатов, состоявшее из монархистов и буржуазных республиканцев, отвергало все поправки, вносившиеся демократическими элементами Собрания. Большинством в 596 голосов против 187 было отвергнуто предложение записать в конституцию «право на труд» и «право на образование». Собрание со смехом отвергло предложение о создании «всеобщего, постоянного конгресса народов» для решения споров между государствами. Было отвергнуто предложение о запрещении системы найма на военную службу заместителей вместо призываемых лиц и об установлении обязательной для всех воинской повинности с коротким сроком службы — реакционеры предпочитали профессиональную армию с длительным сроком службы. Только таким способом, доказывал Тьер, может быть создана «одна из тех армий, которые повинуются беспрекословно». Хотя монархистам и не удалось провести своего предложения о создании верхней палаты, всё же и здесь им была сделана некоторая уступка: было решено создать Государственный совет, избираемый парламентом и подготовляющий для его обсуждения законопроекты. Была оставлена без изменения и судебная система июльской монархии, добавлялся лишь Верховный суд для разбора государственных преступлений. Сложная процедура назначения присяжных заседателей Верховного суда гарантировала преобладание в их составе реакционных элементов провинциальной буржуазии и крестьянства.

Особенно горячую дискуссию вызвал вопрос о президенте республики. Некоторые депутаты указывали на ту опасность, какую представляет для республики президентская власть, особенно если ею воспользуется какой-либо честолюбивый реакционный деятель. «Отвечаете ли вы за то, что этому честолюбцу не удастся опрокинуть республику?» — спрашивал Собрание республиканец Гриви, предлагавший ликвидировать пост президента. Но большинство Собрания оставалось глухим к этим голосам предостережения. Не только монархисты, но и большинство буржуазных республиканцев поддерживали предложение о полномочном, независимом от парламента президенте, избираемом всенародным голосованием. Помимо реакционных настроений буржуазных республиканцев, здесь немалую роль играли расчёты и интриги их лидеров. Одни из них надеялись таким путём закрепить и продлить на долгий срок власть Кавеньяка и монопольное положение «кликки Насионаля». Другие рассчитывали, что всенародное голосование покажет непопулярность Кавеньяка и не даст большинства никакому другому кандидату, после чего появятся шансы на успех их кандидатуры. Такие надежды питал, например, Мамартиц, выступивший в Собрании с горячей речью в защиту

предложения об избрании президента народным голосованием. Речь Ламартина немало способствовала принятию этого предложения Собранием.

Принятая Собранием конституция носила в целом псевдodemократический характер. Права народа в ней были обставлены реакционными ограничениями и антидемократическими учреждениями. Конституция провозглашала всеобщее избирательное право, но ограничивала это право требованием от избирателей проживания на месте выборов не менее шести месяцев. Она провозглашала свободу слова, печати, собраний, союзов, преподавания и т. д., но оговаривала, что пользование всеми этими свободами ограничивается «общественной безопасностью» и должно регулироваться особыми, «органическими» законами, которые будут выработаны впоследствии. «Каждый параграф Конституции, — указывал Маркс, — содержит в самом себе свою собственную противоположность... свободу — в общей фразе, упразднение свободы в оговорке». По самым главным порокам этой конституции было существование наряду с избранным народом парламентом — Национальным Законодательным собранием — независимой власти президента. Президент, избираемый всеобщим голосованием сроком на четыре года, не мог быть переизбран на следующий срок. Однако конституция наделяла президента могучей властью. Один депутат Учредительного собрания подсчитал, что конституция пре-

доставила президенту право прямого назначения 362 тыс. чиновников и косвенного — 100 тыс. чиновников, не считая офицеров и унтер-офицеров армии. Власть президента давала ему возможность бороться с парламентом и подавлять волю народа. Это противоречие составляло, как заметил Маркс, ахиллесову пятую конституции 1848 года. «С одной стороны — 750 избранных всеобщим голосованием и могущих вновь быть избранными народных представителей образуют бесконтрольное, не подлежащее роспуску, нераздельное Национальное собрание, которое облечено неограниченной законодательной властью, окончательно решает вопросы о войне и мире, о торговых договорах, исключительно обладает правом амнистии и благодаря непрерывности своих заседаний постоянно остаётся на первом плане политической сцены. С другой стороны — президент, обладающий всеми атрибутами королевской власти, уполномоченный назначать и смещать своих министров независимо от Национального собрания, имеющий в своих руках все средства исполнительной власти, раздающий все должности и, таким образом, распоряжающийся во Франции судьбой по меньшей мере полутора миллионов людей, т. е. количества людей, материально связанных с полумиллионом чиновников и с офицерами всех степеней»¹.

Реакции достаточно было воспользоваться этим противоречием, чтобы покончить с республикой.

**Выборы
президента
республики.**

Сразу же после принятия конституции, ещё до того, как она вступила в силу, Собрание назначило выборы президента республики. Выборы были назначены на 10 декабря. Буржуазные республиканцы спешили с этими выборами, будучи уверенными в своём успехе. Их кандидатом был Кавеньяк, который мог рассчитывать на признательность всей буржуазии. Кроме того, как главе правительства, ему была обеспечена помощь государственного аппарата в избирательной кампании.

Кавеньяк старался расположить к себе и клерикалов, и монархистов. Для того чтобы привлечь на свою сторону католическую церковь, он решил использовать события в Италии. В ноябре 1848 г. в Риме вспыхнуло народное восстание, свергнувшее папскую власть и провозгласившее Римскую республику. Кавеньяк послал французскую военную эскадру в порт Чивитта-Веккья, около Рима, чтобы защитить римского папу и привезти его во Францию, где ему было предложено убежище. Клерикальных вождей Кавеньяк всячески уверял в том, что он является не меньше, чем они, противником Римской республики и обещал продолжить начатую им интервенцию в Италии. Правда, маневры Кавеньяка не были вполне удачными: римский папа отказался воспользоваться гостеприимством французских буржуазных республиканцев и предпочёл укрыться под защитой неаполитанских штыков.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 335—336.

Мелкобуржуазные демократы выдвинули кандидатом в президенты Ледрю-Роллена и вели теперь ожесточённую борьбу против Кавеньяка и его партии. Осенью 1848 г. демократы устраивали многочисленные банкеты, посвящённые проектам социальных реформ, и старались всячески подчеркнуть своё сочувствие рабочему классу. В ноябре 1848 г. они создали в Собрании особую группу, принявшую название «Горы», и объявили себя наследниками политических и социальных идей якобинцев 1793 г. В выступлениях Ледрю-Роллена объявлялось, что Гора разделяет требование «права на труд», и выдвигалась программа государственной помощи рабочим ассоциациям и мелким производителям-собственникам. Для проведения избирательной кампании в пользу кандидатуры Ледрю-Роллена Гора создала специальную организацию «Республиканская солидарность», приступившую к созданию сети своих ячеек в провинции. Душой этой организации стал Делеклюз, преданный народу революционер и демократ.

Однако Горе не удалось объединить силы демократического лагеря. Предательское поведение Ледрю-Роллена в апреле—мае 1848 г. и в дни июньского восстания было ещё свежо в памяти рабочих, а его превращение в «социалиста» отличалось большой неопределённостью и носило все черты предвыборного маневра. Передовые рабочие, а также часть социалистов, во главе с Прудоном подвергли резкой критике мнимый социализм Горы и выдвинули кандидатом в президенты Распайя. Эта кандидатура, не имевшая шансов на успех, носила чисто демонстративный характер. Она была олицетворением протеста против должности президента вообще и выражала недоверие рабочих к мелкобуржуазным демократам. Как отмечал Маркс, «это был первый акт, в котором выразилось отделение пролетариата, как самостоятельной политической партии, от демократической партии».

Раскол в рядах демократии сопровождался расколом среди буржуазных республиканцев. Часть из них, недовольная монопольным положением Кавеньяка и его клики, его чересчур откровенным прислужничеством перед монархистами и клерикалами, выступила с критикой Кавеньяка и разоблачила его провокационную тактику затягивания борьбы с июньским восстанием. Отколовшиеся оппозиционные элементы буржуазно-республиканского лагеря выставили кандидатом в президенты Ламартина. Кроме этих кандидатур, выдвигались также кандидатуры маршала Бюжо и генерала Шангарнье. Но самое большое значение имела кандидатура Луи Наполеона, выставленная бонапартистами. Их активность и наглая самоуверенность с каждым днём увеличивались. Всего каких-нибудь шесть недель назад Луи Наполеон, вернувшись во Францию после своего избрания депутатом, опасался быть немедленно арестованным и удивился, что этого не произошло: «Я уже тут, что же они, дурачки, что ли?» — говорил он своим друзьям про правительство. Но эти страхи быстро исчезли, и теперь бонапартисты, чувствуя себя уверенно, уже

претендовали на пост главы государства для своего кандидата. На рекламу бонапартисты не пожалели средств. Сам Луи Наполеон занял для проведения избирательной кампании свыше 300 тыс. франков.

Избрание Луи Наполеона президентом республики.

В своём избирательном манифесте Луи Наполеон обращался ко всем классам с демагогической программой, изображая себя человеком, стоящим вне партий, их «противником» и сторонником «национального единства». Он обещал буржуазии «защиту общества от всяких покушений» и «порядок», католикам — «свободу религиозного преподавания», рабочим — «амнистию июньским повстанцам», крестьянам — «снижение налогов» и «защиту мелкой собственности», мелкой буржуазии — «дешёвый кредит». В обстановке экономического кризиса, нищеты, голода, разорения и безработицы особенно заманчиво звучали обещания Луи Наполеона поднять промышленность, сельское хозяйство и торговлю, вернуть материальное процветание, найти для всех работу.

Монархисты не имели собственного кандидата с шансами на успех и колебались между поддержкой Кавеньяка и Луи Наполеона. С обоими этими кандидатами велись переговоры. Переговоры эти вёл так называемый «Комитет улицы Пуатье», стоявший во главе «партии порядка», объединившей после июньского восстания легитимистов, орлеанистов и клерикалов. Тьер, который был фактическим руководителем «Комитета улицы Пуатье», склонялся на первых порах к поддержке Кавеньяка, он боялся узурпаторских претензий Луи Наполеона на императорский трон и был очень невысокого мнения о его умственных способностях. «Это — кретин, которого будут водить», — говорил Тьер о Луи Наполеоне. С другой стороны, Моле был за кандидатуру Луи Наполеона, с которым он был уже тесно связан.

нового подъёма революции. «Мы голосовали за него, — говорил писатель Александр Дюма, — чувствуя, что его популярность... будет плотinou против подражателей 1793 году, которые воскресили все эти зловещие имена якобинцев, монтаньяров, санкюлотов...» Немалую роль играл и тот престиж, которым было окружено имя Наполеона в народных массах. В армии были живы ещё воспоминания и легенды о славе наполеоновских походов и завоеваний. Наполеоновскую легенду подогревал и буржуазный шовинизм, оказавший большое влияние на умы крестьянства и городского мещанства.

За Луи Наполеона голосовали и многие рабочие. Некоторая, впрочем незначительная, часть их была увлечена демагогическими обещаниями бонапартистской программы. Большинство же рабочих голосовало за Луи Наполеона лишь для того, чтобы отомстить «июньскому мяснику» и провалить Кавеньяка. Бонапартисты остерегались говорить с рабочими о своих намерениях. «Долой претендента!» — кричали рабочие Лилля во время речи бонапартистского агента Гаска. Чтобы не быть избитым рабочими, Гаск вынужден был уверять, что «дело идёт не об избрании императора, а только лишь о президенте республики».

Но решающую роль в успехе бонапартистов играли голоса многомиллионного крестьянства. Среди отсталых слоёв крестьянства ходили самые фантастические слухи о Луи Наполеоне и тех благодеяниях, которые принесёт его избрание на пост президента. «Говорят, что Наполеон — тысячу раз миллионер;

В переговорах с Кавеньяком монархисты добивались от него обязательства составить министерство из монархистов, окончательно запретить клубы, держать в Париже пятидесяти тысячную армию, бороться против воссоединения Германии и против республиканского движения в Италии. Кавеньяк обещал пойти навстречу требованиям «партии порядка», но уклонялся от дачи категорических обязательств. Тогда «Комитет улицы Пуатье» решил поддержать кандидатуру Луи Наполеона, который готов был дать монархистам любые обещания. Решающим для монархистов было соображение, которое высказал граф Моле, убеждая Тьера в необходимости поддержать Луи Наполеона, а не Кавеньяка: «Луи Наполеон ненавидит республику, он расчислит путь к реставрации монархии».

Поддержка «Комитета улицы Пуатье» принесла Луи Наполеону большую пользу. Католические священники призывали свою паству голосовать за его кандидатуру. За него была крупная буржуазия, враждебная республике, жаждущая твёрдой диктаторской власти. Одни буржуазные политики, как генерал Шангарнье, считали, что избрание Луи Наполеона президентом республики «приведёт к тому, что через шесть месяцев французским королём будет Генрих V». Другие рассуждали, как вождь династической оппозиции Одилон Барро, который доказывал, что Луи Наполеон «в состоянии покончить с опасным антагонизмом между буржуазией и пролетариатом». Третьи видели в бонапартистской демагогической политике средство предотвращения

Когда он станет президентом, он уплатит и долги Франции, и 45-сантимный налог», — толковали в народе в департаменте Дордонь. Большинство крестьян видело в Луи Наполеоне «племянника своего дяди» и считало, что он защитит крестьянскую собственность и избавит её от гнёта ростовщиков — банкиров, оптовых торговцев, скупщиков сельскохозяйственных продуктов и сборщиков налогов.

«Не было крестьянина, для которого избрание Луи Наполеона не означало бы возмещения 45 сантимов», — рисовала настроение крестьянских масс в момент выборов газета департамента Жэр «*Ami du Peuple*» («Друг народа»).

10 декабря 1848 г. было днём крестьянского восстания», — писал Карл Маркс, анализируя итоги выборов. «...Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знамёнами, с музыкой шли они к избирательной урне, восклицая: «Не надо податей, долой богачей, долой республику! Да здравствует император!»¹.

Луи Наполеон одержал на выборах полную победу. Голосование 10 декабря 1848 г. дало следующие результаты: Луи Наполеон получил 5 434 226 голосов (75% всех голосов участников выборов), Кавеньяк — 1 448 107, Ледрю-Роллен — 370 119, Распайль — 36 329 и Ламартин — 8 тысяч голосов.

Таким образом, главой республики стал её злейший враг, авантюрист-заговорщик, мечтающий об императорской власти и готовый ради власти служить всем силам реакции. Таков был результат политики буржуазных республиканцев.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 36.

ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

20 декабря 1848 г. Учредительное собрание провозгласило Луи Наполеона Бонапарта президентом республики. Кавеньяк и его министры подали в отставку и передали власть в руки Собрания. Луи Наполеон перед лицом всего Собрания торжественно принял присягу. Он поклялся «в присутствии бога и перед французским народом» быть верным республике и выполнять все обязанности, возложенные на него конституцией. В краткой речи, снова заверяя Собрание в своей преданности республике, он обещал «считать врагом отечества всякого, кто попытается изменить незаконным путём то, что учредила вся Франция».

Водворившись в Елисейском дворце, ставленник буржуазной реакции приступил к осуществлению её программы. Разумеется, Луи Наполеон при этом ни на минуту не забывал и о своих личных честолюбивых планах.

Луи Наполеон был, по выражению Энгельса, «тёртый делец, который при других обстоятельствах мог бы потягаться на нью-йоркской бирже с Вандербильтами и Джей Гульдами»...¹

Несмотря на сомнительную «знатность» своего происхождения, он обладал всеми чертами «государственного деятеля» буржуазии: «он был, — говорил Энгельс, — плотью от её плоти, костью от её кости, выскочка, как и всякий настоящий буржуа»². Этот выскочка, человек низменного, ограниченного ума, был весьма изворотливым и хитрым политиком, умевшим настойчиво, не брезгуя никакими грязными и преступными средствами, добиваться своих целей. Напускная маска простоватости и простодушия помогала ему скрывать своё настоящее лицо тщеславного, беспринципного авантюриста. Луи Наполеон обладал в этом отношении богатым опытом. «Прошедший огонь и воду заговорщик-карбонарий в Италии, ар-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 471.

² Там же, стр. 459.

тиллерийский офицер в Швейцарии, обременённый долгами знатный бродяга и полицейский волонтер в Англии, но всегда и везде претендент на престол, он своим авантюристским прошлым и морально скомпрометированным именем во всех странах подготовил себя к роли императора французов и руководителя судеб Европы, как образцовый американский буржуа рядом честных и бесчестных банкротств пробирается в миллионеры»¹.

Обстановка требовала от Луи Наполеона осторожности и терпения. Она вынуждала его к скрытности, к расчётливому маневрированию, чтобы преждевременно не выдать своих намерений и не погубить своих замыслов. Во-первых, демократические силы народа были ещё достаточно крепки. Во-вторых, в Учредительном собрании преобладало республиканское большинство. В-третьих, у Луи Наполеона не было ещё самостоятельной опоры в лагере реакции. Бонапартистская партия играла ещё ничтожную роль в жизни страны; армия и чиновничество были слабо затронуты бонапартистской пропагандой.

**Монархисты
у власти.
Министерство
Барро.**

Желая прикрыть монархический курс своей политики, Луи Наполеон пригласил Ламартина занять пост главы правительства. Но Ламартин отказался. Тогда Луи Наполеон остановился на подсказанной ему Тьером кандидатуре Одилона

Барро, лидера династической оппозиции. Барро, как участник июльской революции, имел репутацию либерала. Кандидатуру Барро поддерживали орлеанисты и легитимисты, обещавшие ему поддержку консервативных элементов Собрания.

В министерство Барро вошли орлеанисты, легитимист Фаллу, обеспечивший кабинету поддержку католической церкви и клерикальных кругов, и представитель правых элементов республиканского лагеря, друг Кавеньяка — Биксио. (Вскоре Биксио вышел из правительства.) При таком составе правительства орлеанисты и легитимисты могли держать Луи Наполеона под своим контролем. В то же время такой состав давал правительству возможность выполнить свою роль и «послужить мостом от буржуазной республики к монархии»².

Выполнению этой роли и была подчинена деятельность правительства Барро. Во всех звеньях государственного аппарата была предпринята «чистка». Чиновники-республиканцы заменялись монархистами, зачастую теми же лицами, которые занимали эти посты при июльской монархии. То же происходило с членами департаментских советов, с мэрами городов и сельских общин. На эту реставрацию старой монархической администрации быстро реагировали финансисты, биржевики, крупные промышленники. Они испытывали полное доверие к президенту и правительству, и государственная рента показывала на бирже повышение.

Луи Наполеон настойчиво боролся за то, чтобы создать собственную опору среди буржуазии, в армии, в чиновничестве, в народе. Парады и смотры, сопровождавшиеся раздачей подарков солдатам и наград офицерам; балы и приёмы в Елисейском дворце, охотно посещаемые и старой легитимистской знатью, и реакционными депутатами, журналистами и политиками; встречи с биржевиками, посещение базаров и выставок, казарм и госпиталей; пожертвования нескольких сот франков нуждающейся рабочей семье; создание спекулятивно-филантропического «общества рабочих городков» — таковы были приёмы, с помощью которых Луи Наполеон вербовал себе сторонников из неустойчивых и продажных элементов во всех слоях общества.

**Борьба
монархистов
за роспуск
Учредительного
собрания.
Предложение
Рато.**

Ближайшей целью монархистов было добиться скорейшего роспуска Учредительного собрания. Депутат-монархист Рато 6 января 1849 г. внёс в Учредительное собрание предложение назначить на начало марта выборы в Законодательное собрание и наметить срок окончания работы Учредительного собрания. Этим предложением открылась борьба, заполнившая весь остаток дней Учредительного собрания, борьба между небольшой фракцией республиканской буржуазии, провозгласившей республику, и роялистской массой буржуазии, занявшей господствующее положение в уже учреждённой республике¹.

При обсуждении предложения Рато монархические лидеры выступали с угрозами по адресу республиканцев. Правительство также поддерживало предложение Рато. В Собрании поползли слухи о государственном перевороте. При голосовании вопроса Учредительное собрание большинством в четыре голоса решило поставить предложение Рато на обсуждение. Монархисты спешили использовать трусость буржуазных республиканцев для дальнейшего нажима на Собрание. Они подписывали по всей стране петиции, требовавшие от Учредительного собрания самороспуска. Как выяснилось впоследствии, петиционную кампанию организовало через министерство внутренних дел само правительство. Левые республиканцы ответили на петиционную кампанию монархистов организацией контрпетиций, требовавших от Собрания не расходиться, пока оно не упрочит республики и не выработает основных, «органических» законов.

Однако буржуазные республиканцы оставались и в этот момент верны своей реакционной антинародной политике. В то время, когда обсуждалось предложение Рато, Собрание упорно отвергало предложения об амнистии июльским повстанцам. Оно решило предать Бланки, Распайя, Барбеса и других участников событий 15 мая Верховному суду в Бурже.

И монархисты, и республиканцы в борьбе вокруг предложения

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 459.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 38.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 67—68.

Рато ссылались на конституцию, но, оставаясь на этой почве, ни одна сторона не могла одержать верх: Собрание не могло сбросить ни президента, ни министров, президент и правительство не могли распустить Собрание.

Буржуазные республиканцы метались в поисках выхода: они заигрывали с национальной гвардией, с мобилиями, с демократическими клубами и депутатами Горы. Но страх перед народом снова и снова толкал буржуазных республиканцев к сближению с Луи Наполеоном. Что касается монархистов, то они стремились спровоцировать республиканцев на восстание, рассчитывая раздавить его и расчистить путь к реставрации монархии. Чтобы лишить Собрание поддержки демократических организаций, правительство начало против них новый поход. Правительство разгромило организацию «Республиканская солидарность», которая объединяла демократические элементы и организовывала их на защиту республики. В Лилле, Руане, Лионе были разгромлены местные ячейки «Республиканской солидарности». Вместе с тем правительство приступило к расформированию мобильной гвардии, боясь, что она может быть использована республиканцами. В эти же дни правительство распустило 50 муниципальных советов с республиканским большинством, сменило республикански настроенных префектов и мэров и назначило на их место орлеанистских чиновников. Циркуляр министра внутренних дел Фошэ объявлял преступным самый возглас: «Да здравствует социальная республика!»

Следующий удар правительство решило нанести клубам, представлявшим остаток демократических организаций рабочего класса и мелкой буржуазии. 26 января правительство внесло в Учредительное собрание законопроект о запрещении клубов. Законопроект вызвал бурю возмущения среди республиканцев и демократов, которые обвиняли правительство в нарушении конституции и предложили привлечь его к ответственности. Правительство потерпело поражение: Собрание отклонило срочный характер законопроекта о клубах. Борьба приняла своеобразный характер: буржуазные республиканцы запугивали монархистов борьбой, которой они сами боялись. Депутаты Горы произносили угрозы по адресу президента и правительства, но удерживали массы от выступления.

События
29 января
в Париже.

В такой обстановке и произошли события 29 января. В этот день с рассвета по приказу командующего войсками парижского гарнизона генерала Шангарнье воинские части стягивались к центру Парижа и окружили Бурбонский дворец, в котором заседало Учредительное собрание. По городу были расклеены правительственные афиши, извещавшие население о том, что мероприятия правительства вызваны угрозой «новых июньских дней». Но беспорядков нигде не было, провокация не удавалась. Передвижение войск продолжалось, по улицам ходили военные патрули. В полдень на улицах появился президент. В сопровождении свиты

он объезжал центральные кварталы и линии войск. Его встречали по-разному. В некоторых местах раздавались крики: «Да здравствует Наполеон!» «Да здравствует император!». Но чаще слышались совсем иные возгласы: «Да здравствует конституция!» «Да здравствует республика!» «Да здравствует амнистия!» «Долой министров!» «Долой Шангарнье!».

Шангарнье настаивал на немедленном разгоне Собрания, но Луи Наполеон не решился на это, и его робость имела в данном случае серьёзные основания: массы проявили бы ожесточённое сопротивление монархическому перевороту и поддержали бы Собрание. Однако большинство Собрания — буржуазные республиканцы и председатель Собрания Марраст — не решились апеллировать к народу против штыков Шангарнье. Окружённое войсками, Собрание возобновило обсуждение предложения Рато. Отказавшись от обращения к народу, буржуазные республиканцы быстро капитулировали перед нажимом монархистов: Большинство 416 голосов против 405 голосов Собрание отказалось отклонить предложение Рато и решило продолжать его дальнейшее обсуждение. Заговор монархистов достиг определённого успеха. События 29 января представляли, по выражению Маркса, государственный переворот, «только сделанный роялистами в союзе с Бонапартом против республиканского Национального собрания»¹. Буржуазная реакция одержала ещё одну победу, а орлеанисты и легитимисты сами показали Луи Наполеону путь борьбы против буржуазного парламента.

Принятие предложения Рато — Ланжюинэ о роспуске Учредительного собрания.

После 29 января Учредительное собрание вступило в период агонии, характеризующийся растущим бессилием и прогрессирующим разложением его буржуазно-республиканского большинства. Собрание отвергло предложение депутатов Горы привлечь к ответственности правительство за события 29 января. Капитулируя перед монархистами, Собрание продолжало с неизменной враждебностью относиться к рабочим и социалистам и снова отвергло предложение об амнистии. Обсуждение предложения Рато вскоре возобновилось. Чтобы облегчить его принятие буржуазными республиканцами, монархисты решили несколько подсластить пилюлю. Депутат Ланжюинэ внёс «поправку» к предложению Рато. Ланжюинэ предложил, чтобы Собрание немедленно приступило к обсуждению избирательного закона и чтобы выборы в Законодательное собрание были назначены через восемь дней после составления списков избирателей. Через несколько дней после выборов Учредительное собрание должно разойтись, уступив место новому — Законодательному собранию.

Гора требовала отклонения предложения Рато — Ланжюинэ и пугала Собрание опасностью гражданской войны. Эти запугивания

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 341.

Горы не подействовали. Не только монархисты, но и представители правого крыла республиканцев доказывали теперь Собранию, что интересы промышленности и торговли требуют его роспуска. «Вы спасли общество в июне... — говорил Ламартин Собранию, — так спасите его сегодня посредством решения, которое вам предстоит принять, есть такие отступления, которые приводят к победе, есть такие отречения, которые спасают государства».

Голосование показало распад республиканского большинства и дезертирство значительной части буржуазных республиканцев в лагерь противников. 14 февраля 1849 г. предложение Рато—Ланжюина было принято внушительным большинством голосов: 424 — за, 307 — против. Дни Учредительного собрания отныне были сочтены. Правительство отказалось от официального празднования годовщины февральской революции, монархическая печать открыто хулила и осуждала февральский переворот. Всё усиливался поход против демократической печати. В марте состоялся суд в Бурже, осудивший участников событий 15 мая. Барбес и Альбер были приговорены к ссылке. Бланки, Распайль и другие обвиняемые — к тюремному заключению на длительные сроки. Луи Блан и Коссидьер были также заочно присуждены к ссылке.

15 марта Собрание приняло новый избирательный закон. Он сохранял принципы всеобщего избирательного права (для мужчин, достигших 21 года), но вводил некоторые ограничения. От избирателей попрежнему требовалась шестимесячная оседлость в данной местности.

Потём демократического движения весной 1849 г.

Экономическое положение Франции в 1849 г., особенно в первом полугодии, продолжало оставаться тяжёлым. 1849 год не принёс с собой расцвета промышленности и устойчивого экономического подъёма. Выход из экономического кризиса совершался неравномерно и в ряде отраслей промышленности ещё только намечался. В то время как хлопчатобумажные и льняные фабрики возобновляли прерванную кризисом работу, отрасли тяжёлой промышленности — угольная и металлургическая — продолжали переживать депрессию. Их продукция либо сокращалась (чугун, железо), либо оставалась на уровне кризисного 1848 года. Последнее объяснялось также и тем, что резко сократилось строительство железных дорог. Но и лёгкая промышленность испытывала подъём не за счёт расширения внутреннего рынка, а в результате роста внешней торговли. В связи с увеличением эксплуатации рабочих французские предприниматели успешно конкурировали теперь на зарубежных рынках с предпринимателями других стран. Продолжало переживать депрессию и сельское хозяйство. Вследствие низкой платёжеспособности населения у крестьян образовались значительные товарные запасы, резко упали цены на хлеб и вино — на 40% по сравнению с 1848 г. Денежные доходы крестьян резко снижались; их зависимость от капиталиста, скупщика, помещика и ростовщика увеличивалась. В результате кризиса усилились позиции финансовой аристократии. Французский банк раскинул сеть своих филиалов по стране и укрепил свою монополию. Выдвигая при кредитовании промышленности и торговли повышенные требования гарантий, Французский банк отдавал мелких предпринимателей и лавочников во власть ростовщического кредита.

Положение рабочего класса и трудящихся масс оставалось крайне тяжёлым, разорение и обнищание мелкой буржуазии и крестьянства усилились. Укрепление позиций крупного капитала создавало твёрдую почву для буржуазной реакции, стремившейся задушить демократическую республику и установить в стране режим реакционной диктатуры.

Все эти обстоятельства питали растущее недовольство не только рабочего класса, но и крестьянства, и мелкой буржуазии. Крупный капитал был их общим врагом, и растущее сознание этого факта устраняло прежний раскол между этими классами. Другой характерной чертой нараставшего нового революционного подъёма было то, что он охватывал на этот раз не только Париж и крупные промышленные центры, но и мелкие провинциальные города, деревню и даже армию. Годовщина февральской революции, вопреки отказу правительства от празднования этой даты, была отмечена собраниями и банкетам не только в Париже, но и в провинции, в десятках крупных и мелких городов. Зачастую банкеты сопровождались беспорядками, столкновениями населения с полицией и войсками.

Для революционных манифестаций возникали и другие поводы, подчас самые неожиданные. В Лилле в начале февраля власти решили к представлению театральную пьесу, являвшуюся пасквилем на республиканцев и демократов. На первом же представлении спектакль был сорван. В зале раздавался свист, в кулуарах между зрителями вспыхнула драка, у входа в театр происходила республиканская демонстрация. Тем не менее спектакль был устроен вторично. Для охраны театра были размещены на площади и соседних улицах четыре роты пехоты и эскадрон конных егерей; в казармах была собрана национальная гвардия. Однако рабочие, явившись после окончания работы, наводнили площадь и прилегающие улицы и устроили новую демонстрацию против властей. Пьеса была снята с репертуара.

Донесения прокуроров сообщали о многочисленных политических демонстрациях во время карнавала на масленицу 1849 г. В городе Исуар (департамент Пюи-де-Дом) в карнавальном шествии везли телегу с фигурой Свободы, опирающейся на плечи рабочего и крестьянина. Позади шествовали иезуит, легитимист и капиталист, пытающиеся сковать Свободу железными цепями. Две другие фигуры, сидевшие верхом на ослах, изображали «привилегии» и «знать».

В Лилле во время карнавала была провезена по всему городу группа, изображавшая рабочего, который по приговору суда отсекает голову чучелу Луи Наполеона.

О таких антибонапартистских выступлениях сообщалось и из других мест.

Скупые сведения о забастовках свидетельствовали о сохранившихся еще у рабочего класса некоторых силах, несмотря на тяжелые поражения, понесенные в 1848 г. В Бордо бастовали рабочие казенных судостроительных верфей. Власти арестовали 16 рабочих, после чего работа возобновилась. В Рив-де-Жье бастовали горняки. Стачка была вызвана попыткой предпринимателей уменьшить заработную плату и сократить часть рабочих. В Нэронде (департамент Шэр) бастовали рабочие, занятые на работах по выпрямлению русла реки Понны. Стачка была подавлена властями.

Однако активные силы пролетариата были ослаблены июньской бойней, репрессиями и расправами властей. Кроме того, как уже указывалось, часть рабочих была увлечена теперь сектантскими экспериментами, ассоциациями, «народными банками» и тому подобными мирными реформаторскими проектами мелкобуржуазного социализма.

Более многочисленными были факты, указывавшие на рост революционного брожения среди крестьян.

Беспорядки, сопровождавшие сбор недоимок по 45-сантимному налогу 1848 г., были нередки и в 1849 г. В департаменте Жиронды, в коммуне Сен-Пьер де Бат, крестьяне про-

гнали сборщика налогов и отказались платить недоимки. В департаменте Нижних Альп власти были вынуждены направить в деревню Орэзон для сбора 45-сантимного налога отряд солдат в 400 человек.

В департаменте Дордонь в течение января — апреля 1849 г. неоднократно происходили крестьянские волнения в округах Риберак и Бержерак, где имел место массовый отказ от уплаты 45-сантимного налога. Власти были вынуждены направлять войска в эти округа. В соседнем департаменте Ло в январе 1849 г. крестьянские массы осадили городскую ратушу Гурдона и потребовали от властей прекращения дальнейшего сбора 45-сантимного налога. Крестьяне требовали, чтобы им тут же, на месте, выдали квитанции о том, что налог получен сполна. Только после прибы-

тия в город вызванного властями батальона пехоты и длительных увещеваний крестьяне разошлись, пригрозив вернуться снова, в ещё большем количестве, если сбор налога будет продолжаться. Крестьянские волнения из-за сбора 45-сантимного налога происходили весной 1849 г. и во многих других департаментах.

Ещё более показательным был тот широкий отклик, который получил в деревне лозунг возвращения народу миллиарда, выплаченного в 1825 г. эмигрантам. Петиции, требовавшие от Учредительного собрания принятия соответствующего решения, широко распространялись и подписывались тысячами крестьян. Петиция, распространённая в департаменте Коррез, требовала возврата этого миллиарда эмигрантами (или их наследниками) в годичный срок с уплатой 3% и предлагала употребить возвращённые суммы на возмещение крестьянам за 45-сантимный налог, на уменьшение в течение трёх лет на 50% прямых налогов с малоимущих, на поощрение промышленности, сельского хозяйства и народного образования.

«Новая Рейнская газета», внимательно следившая за развитием этого движения, писала, что «если бы вопрос этот должен был решаться всеобщим голосованием, за него было бы, наверное, подано больше голосов, чем за Наполеона». «Дело с миллиардом», добавляла газета, — это — первое революционное дело, которое втягивает крестьян в революцию»¹.

Оценка
положения
в стране
демократами и
социалистами.

Успехи реакции казались и демократам, и социалистам временными и непрочными. Они считали, что реакция бессильна справиться с экономическими затруднениями. Некоторые демократы усматривали даже известные выгоды в том, что за экономические бедствия будут отвечать теперь реакционеры и монархисты. В декабре 1848 г. один из вождей демократов Мартен-Бернар писал своим друзьям: «Если бы сразу же победил наш кандидат, то народ стал бы, возможно, обвинять в бедственном положении Гору и всю демократию».

Источником подобных рассуждений было непонимание классового лица реакции. Демократы и социалисты были убеждены, что реакция представляет лишь верхушку буржуазии, лишённую опоры в стране, а широкая масса буржуазии, «честная, трудящаяся буржуазия», является сторонницей республики. Не понимая подлинных причин экономического кризиса, мелкобуржуазные демократы считали монополию Французского банка, отсутствие дешёвого кредита, чуть ли не единственной причиной экономических затруднений. Газета «Демократическая и социальная революция» доказывала буржуазии, что «банковская верхушка хочет убить революцию. Понимают ли теперь парижские торговцы, что у них нет больших врагов, чем финансовые принцы?»

Глазам демократов и социалистов представлялась следующая перспектива развития событий. В результате прихода реакции к власти экономическое и финансовое положение страны ухудшается; грозит государственное банкротство, реакция будет искать выхода в усилении налогового и кредитного гнёта; буржуазия будет отходить от лагеря реакции и сближаться с республиканско-социалистической демократией. В результате реакционные элементы буржуазии окажутся изолированными и будут легко опрокинуты объединившимися силами народа, т. е. трудящимися массами в союзе с мелкой и средней буржуазией.

Умеренные деятели Горы рассчитывали, что им удастся повести за собой буржуазных республиканцев и свергнуть правительство посредством парламентского голосования. Эта перспектива отводила народным массам совершенно пассивную роль: они должны были служить Горе лишь средством давления на Собрание. Левые элементы Горы — «якобинцы», которые группировались вокруг Мартен-Бернара и Делеклюза (к ним примыкал теперь и Ледрю-Роллен), исходили из перспективы близости новой революции, которая должна свергнуть господство реакции и поставить у власти истинных республиканцев: для достижения победы необходимо лишь установление единства между всеми демократами. Дальнейший ход событий левые элементы Горы представляли себе в виде повторения революционных событий 1793—1794 гг. Их идеи не шли дальше социальных идей мелкобуржуазной революционной демократии конца XVIII в. Они не видели глубокого отличия революции 1848 года, с её развитым рабочим движением и социалистическими устремлениями пролетариата, от буржуазной революции конца XVIII в. Поэтому их деятельность меньше всего была направлена на организацию сил и повышение сознательности рабочих масс. Наоборот, они были проводниками мелкобуржуазного влияния на пролетариат и старались принизить его классовое самосознание.

Третьим составным элементом демократического лагеря явились мелкобуржуазные социалисты, создавшие свои группы, школы и течения сектантского характера. Вместо мобилизации масс на борьбу с буржуазно-монархической реакцией и Прудон, и последователи Луи Блана, и фурьеристы, и последователи Кабэ занимались своими реформаторскими проектами и выдвигали их на первый план.

Особое внимание привлекал в начале 1849 г. проект «Народного банка» Прудона. Прудонистский лозунг «дарового кредита» полностью отвечал потребностям мелкой буржуазии, она видела в «дешёвом» или даже «даровом» кредите выход из кризиса и средство борьбы с засильем крупного капитала.

Однако растущее наступление монархической реакции вскоре заставило социалистические элементы пересмотреть свои позиции.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 320—321.

**Создание
«Новой Горы».
Программа
демократиче-
ско-социали-
стического
блока.**

И Гора, и социалисты проповедовали солидарность интересов рабочего класса, крестьянства, мелкой и средней буржуазии, доказывали отсутствие между ними непримиримых классовых противоречий и наличие у них общего врага в лице финансовой аристократии и монархической реакции.

Тождество взглядов обеих групп способствовало их постепенному сближению, а преследования демократической и социалистической прессы, клубов, собраний и организаций ускорили процесс их объединения. В конце февраля 1849 г. были созданы объединённый комитет демократической и социалистической прессы и «демократическо-социалистический избирательный комитет». Так оформился демократическо-социалистический блок «Новая Гора» — как вскоре стали называть это объединение в отличие от прежней, враждебной социалистам, Горы. 5 и 6 апреля была опубликована программа блока. Программа была плодом компромисса между различными идейными направлениями в демократическо-социалистическом блоке и отражала ту эволюцию, которую проделали различные течения мелкобуржуазной демократии. Социальная программа представляла смесь лублановских и прудоновских идей, поставленных на службу укреплению мелкой частной собственности и её защите от крупного капитала. Требования и нужды рабочего класса не получили отражения в этой программе. Она обходила такие вопросы, как продолжительность рабочего дня, уровень заработной платы, право коалиций, женский и детский труд и т. д. Программа «Новой Горы» не содержала в действительности ничего социалистического и подменяла социализм идеей укрепления и расширения мелкой частной собственности. Так, например, глубоко революционное требование «права на труд», отражавшее социалистические устремления рабочего класса, превращалось в программе в реформу кредита, вполне совместимую с капиталистическим способом производства и отвечавшую действительным потребностям мелкого хозяйства. «Что такое право на труд? Это право на кредит. А что такое право на кредит? Это право на капитал, иначе говоря — на средства и орудия труда», — объясняло одно из обращений Горы. Характеризуя программу «Новой Горы», Маркс писал: «В этой общей программе социальные требования пролетариата были лишены своего революционного жала и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии утратили свою прежнюю чисто политическую форму и получили социалистическую окраску. Так возникла социальная демократия»¹.

При всём том программа Горы 1849 г. представляла выдающийся по своему значению документ. Робко и нерешительно, на мелко-

буржуазный лад, она всё же отражала стремление народных масс освободиться от гнёта крупного капитала и связанной с ним политической реакции. Целый ряд пунктов этой программы: подчинение исполнительной власти законодательной, обобществление и национализация банков, железных дорог, шахт и рудников — сохранили своё значение до наших дней в борьбе мелкой буржуазии и крестьянства против гнёта крупной буржуазии и монополистического капитала во Франции.

**Разногласия в
демократи-
ческо-социали-
стическом
блоке.**

«Новая Гора» стала центром притяжения революционных сил в стране. Вокруг неё концентрировались немногочисленные революционные пролетарские элементы, ещё сохранившиеся после июньских дней. Рабочие руководители стремились подготовить новое восстание рабочего класса и обеспечить его победу с помощью демократической мелкой буржуазии, чтобы затем толкнуть революцию дальше. Но заметную роль эти элементы играли лишь в Париже и отчасти в Лионе. Имена этих руководителей оставались в тени, заслонённые популярными фамилиями демократических и социалистических вождей Горы. Таковы имена монте́ра Мелларме, сапожника Морель, ремесленника Герер, кузнеца Филипп, типографского рабочего Дюбуа и др. Руководящую роль среди них играла группа старых деятелей тайных обществ, после февральской революции тесно связанных с Барбесом и «Обществом прав человека и гражданина», — Шипрон, Лебон, Гранмениль, Дельбрук и др.

Соглашение демократов и социалистов не прекратило разногласий и споров внутри столь пёстрого по своему составу блока. Первые же признаки надвигающейся борьбы обнаружили в нём серьёзные разногласия.

По мере приближения выборов в Законодательное собрание реакция развёртывала наступление на конституционные свободы. В связи с этим между демократами и прудонистами началась дискуссия по вопросу о дальнейших путях борьбы. Признавая ситуацию непригодной для революционного выступления масс, мелкобуржуазные демократы предлагали избегать открытого столкновения с властями.

Прудон предложил другой план действий. Он предлагал разработать «кодекс легального сопротивления» граждан против властей, нарушающих конституцию. «Легальное сопротивление» должно было начинаться с заявления об отказе подчиниться беззаконию, а затем последовательно переходить к отказу от уплаты налогов, воинской службы, от выполнения административных распоряжений и судебных приговоров и, наконец, к смещению правительства, восстанию и, если оно не удастся, к подпольной борьбе. Выгляда по внешности весьма «революционно», этот план был в действительности направлен против самостоятельных революционных действий масс. Он предлагал подчинить боевые выступления народа надуманному и кабинетному плану действий, боящемуся

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 349.

выйти за рамки законности. Прудоновский план был отклонён парижским демократическо-социалистическим комитетом.

Итальянский вопрос и борьба партий в Учредительном собрании. Одним из основных моментов в борьбе «Новой Горы» против политики буржуазной реакции была внешняя политика правительства Луи Наполеона. Центральное место в этой политике занимал итальянский вопрос.

Буржуазная реакция во Франции стала на путь активного участия в борьбе европейской контрреволюции против европейской революции. Особенно активно действовала французская реакция в Италии. Территориальная близость, экономические интересы, политическое значение папства для католической церкви — всё это придавало итальянскому вопросу особое значение в глазах французских реакционеров. Незыблемость папской власти над Римом представлялась французской реакции условием сохранения её влияния в самой Франции. Таких же взглядов держались в этом вопросе и легитимисты, и орлеанисты, и бонапартисты, и правые буржуазные республиканцы, напуганные ростом демократического движения в стране и нуждавшиеся в услугах католической церкви.

23 декабря 1848 г., на первом же своём заседании, правительство Барро решило начать интервенцию в Италии в защиту римского папы. Слухи об этом решении проникли в Собрание. В ряде запросов и выступлений (8 января, 20 февраля, 8 марта) Гора разоблачила интервенционистские замыслы Луи Наполеона и Барро в итальянском вопросе. Гора требовала оказания помощи итальянскому освободительному движению и признания Римской республики. «Отрицать за Римом право изгнать своего светского государя — значит отказать Франции в праве изгнать Луи Филиппа», — говорил вождь Горы Ледрю-Роллен. Всё более настоячивые требования Горы о необходимости прогрессивной и революционной внешней политики имели и другой смысл. Гора видела в этом средство повернуть развитие Франции на революционный путь и вернуть к власти демократов.

Толчком для выступления Франции против Римской республики были события в северной Италии в марте 1849 г. — разгром войск Пьемонта Австрией. Австрийские войска могли теперь беспрепятственно начать военные действия против Рима. Вставал вопрос, кто раньше поспеет к стенам Рима — Австрия или Франция, т. е. в сущности вопрос о том, кто раньше задавит Римскую республику и восстановит папскую власть в Риме, приобретя таким путём решающее влияние в итальянских делах. 28 марта Барро выступил в Собрании с сообщением о поражении Пьемонта и о необходимости взять под защиту Франции территориальную целостность этого соседнего с ней итальянского государства, которому угрожает покушение со стороны Австрии. В действительности же Луи Наполеон уже получил от Австрии заверения в отказе от территориальных аннексий за счёт Пьемонта. Ему нужен был

лишь предлог для посылки французских войск в Италию. 30 марта Учредительное собрание приняло резолюцию, разрешавшую правительству «подкрепить свои переговоры с Австрией частичной и временной оккупацией какого-либо пункта итальянской территории». Прикрываясь этой резолюцией, правительство Барро послало в Италию экспедиционный корпус в 14 тыс. штыков под командованием генерала Удино, но не для борьбы против Австрии и не для защиты Пьемонта, а для того, чтобы покончить с Римской республикой. Высадившись в порту Чивитта-Веккиа, Удино 30 апреля предпринял штурм Рима, закончившийся поражением французских войск, отброшенных героическими защитниками города. Допущенный правительством наглый обман был столь очевидным, что вывел из себя даже умеренных республиканцев, открыто обвинявших теперь правительство в том, что оно «сделало из Франции жандарма абсолютизма». Однако Учредительное собрание ограничилось принятием резолюции, порицавшей поведение правительства в римском вопросе и требовавшей, чтобы итальянская экспедиция «не отклонялась от поставленной ей цели». Через два дня, 9 мая, в печати появилось письмо Луи Наполеона генералу Удино, в котором президент выражал восхищение «доблестью» французских войск в борьбе против Рима и обещал Удино новые подкрепления. Открытый вызов, брошенный этим письмом Собранию, вызвал сильное возбуждение среди депутатов. В Собрании развернулись страстные прения. Гора внесла обвинительный акт

против президента. Но буржуазные республиканцы отказались поддержать обвинительный акт Горы, и Собрание закончило свои дебаты простым переходом к очередным делам.

Поощрённое этим правительство предприняло новый обман французского и римского народа. Чтобы выиграть время, оно послало для переговоров с Римской республикой своего полномочного представителя, Фердинанда Лессепса (будущего строителя Суэцкого канала). Одновременно оно направило подкрепления Удино, экспедиционный корпус которого был доведён до 20 тыс. человек.

Немедленно вслед за принятием Учредительным собранием избирательного закона в стране развернулась кампания по выборам в Законодательное собрание. Обстановка была уже не та, что на президентских выборах в декабре 1848 г. Классовые противоречия обострились и приняли более обнажённый вид: на одной стороне стояли рабочий класс и передовая часть мелкой буржуазии, на другой — находилась крупная буржуазия.

Легитимисты и орлеанисты поспешили устранить всякие разногласия, мешавшие сплочению реакционных сил. Снаружи объединились и бонапартисты. Все три монархистские партии объединились на выборах в «партию порядка». Центром и руководящим органом «партии порядка» был «Комитет улицы Пуатье», который объединял лидеров всех трёх монархических партий. В него входило даже два-три правых буржуазных республиканца. Преобладали в «Комитете улицы Пуатье» и задавали в нём тон орлеанисты. Руководя избирательной кампанией «партии порядка» по всей стране, «Комитет улицы Пуатье» опирался на подобные же комитеты в департаментах. Ценным союзником «партии порядка» был и «Избирательный комитет религиозной свободы» — организация католической партии.

«Партия порядка», поддерживаемая всей массой крупных собственников, развернула широкую агитацию в массах, стремясь уловить голоса крестьян, городского мещанства и отсталых слоёв рабочего класса. В её избирательный фонд было собрано по подписке 200 тыс. франков. По всей стране разлился поток брошюр, памфлетов, листовок, в которых на все лады расписывались «ужасы», ожидающие страну в случае победы республиканцев и социалистов. «Партия порядка» выпустила 577 тыс. экземпляров агитационных брошюр. Авторы этих брошюр не останавливались перед самой низкой клеветой по адресу демократов. Одна брошюра изображала сторонников Горы как «свирилых республиканцев или, скорее, род тиранов, хуже американских индейцев», а социалистов, как «сборище авантюристов... залезших по уши в долги и ускользнувших от тюрьмы и галер». Другая, весьма распространённая брошюра, автором которой был будущий «отец конституции» Третьей Республики, Валлон, рисовала такой портрет демократ-республиканца: «Красный, — это не человек, это красный; он не рассуждает, он не думает... Это уже не нравственное, разумное

существо, как вы и я... это падшее, выродившееся существо. Его лицо носит признаки этого вырождения». «Партии порядка» в избирательной борьбе противостоял демократическо-социалистический блок, который так же развил большую активность. Но у Горы отсутствовала организация, которая охватила бы всю страну. Немало вредила Горе в её предвыборной кампании рыхлость и неорганизованность, присущие мелкой буржуазии, которая составляла главную социальную опору этой партии. Там же, где пролетарские элементы играли в демократическо-социалистическом блоке более заметную роль, Горе удавалось создать более сильную и более стройную организацию. Примеры этой организации дал Париж, где оформился «демократическо-социалистический комитет», который и возглавил избирательную кампанию Горы в столице. Комитет пользовался большим авторитетом в массах, в его выборах принимало участие свыше 100 тыс. человек, сочувствующих Горе. В составе комитета были бывшие руководители тайных обществ, деятели радикальных клубов и левые деятели Горы. К комитету примыкала и демократическая организация солдат парижского гарнизона, имевшая в полках своих делегатов и участвовавшая в выставлении кандидатов.

Комитет требовал от кандидатов в депутаты безусловного признания следующих положений: 1. «Республика стоит выше всеобщего избирательного права» (т. е. существование республики не может зависеть от исхода выборов в парламент и от решения парламентского большинства). 2. Если конституция будет нарушена, депутаты должны первыми подать пример сопротивления. 3. Употребление французского оружия против свободы другого народа является нарушением конституции. 4. Признание права на труд. 5. Всеобщее обязательное образование. 6. Возвращение народу миллиарда, выплаченного эмигрантам в период Реставрации. Эти шесть пунктов шли дальше известной общей программы Горы и выгодно отличались своим боевым духом.

Третьей силой, выступавшей в избирательной кампании, была «демократическая ассоциация друзей конституции» — избирательная организация буржуазных республиканцев. Буржуазные республиканцы численно преобладали в Учредительном собрании, но совсем растеряли своё былое влияние в стране. Монархисты обвиняли их за их «революционность», рабочий класс видел в них предателей и палачей, потопивших революцию в крови июньских инсургентов, мелкая буржуазия и крестьянство не могли простить им 45-сантимного налога и того, что они расчистили путь реакции. В условиях обострившихся классовых противоречий программа защиты формальной республики без социальных реформ оказалась безжизненной, чуждой широким массам народа.

Выборы происходили в обстановке разнузданного полицейского террора. Министрство внутренних дел открыто требовало от префектов вмешательства в избирательную борьбу на стороне «партии порядка». Разными способами правительство старалось

устранить от выборов солдат. Нажим властей дополнялся активным воздействием на избирателей католического духовенства. Епископы объезжали епархию с проповедями, призывавшими крестьян отдать свои голоса «партии порядка».

Итоги выборов в Законодательное собрание. Учитывая все эти обстоятельства, избирательный успех «партии порядка» на выборах в Законодательное собрание 13 мая 1849 г. был довольно относительным. Её победа отнюдь ещё не свидетельствовала о действительном преобладании реакционно-монархических настроений в стране.

Из 9 млн. 837 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании приняло участие 6 млн. 594 тыс. человек, т. е. около $\frac{2}{3}$. В городах, особенно в крупных, участие в голосовании было более высоким. В Париже на выборы явилось $\frac{1}{3}$ общего числа избирателей.

«Партия порядка» получила на выборах 3 млн. 310 тыс. голосов — немногим более половины общего числа поданных голосов, но лишь $\frac{1}{3}$ голосов общего числа избирателей. Кандидаты Горы — 1 млн. 955 тыс. голосов, буржуазные республиканцы — 834 тыс. голосов. Но избирательная механика обеспечила «партии порядка», собравшей лишь половину голосов участников выборов, свыше 66% мандатов (500 мандатов из 750), а Горе, собравшей на выборах около 30% голосов, лишь 24% мандатов. Буржуазные республиканцы получили 18% голосов и 9% мандатов.

Успех Горы был значительным. Она завоевала в Законодательном собрании 180 мест. Её вождь Ледрю-Роллен был избран одновременно в пяти департаментах, в том числе и в Париже, тогда как ни один из кандидатов «партии порядка» не был избран одновременно более чем в трёх департаментах. Особенно важным было то, что в ряде крестьянских департаментов центральной и южной Франции победили на этот раз демократы. Обращал на себя внимание и успех Горы в армии, где за неё голосовало большинство солдат и унтер-офицеров. Это показывало, что, несмотря на развращающую бонапартистскую пропаганду, в армии ещё сохранялись демократические силы и настроения. В Париже в числе избранных депутатов были два военных кандидата, выставленные Горой, — сержант Буашо и капрал Ратье. К ним присоединился сержант Комиссёр, избранный в Эльзасе.

Успех Горы в армии был весьма значительным. Так, из 9 300 голосовавших солдат и офицеров, жителей департамента Сены, за кандидатов Горы подали голоса 4 800 человек. Один бельгийский журналист в панике сообщал своей газете, что в Париже «вся армия голосовала за социалистов». Итоги выборов показали социальную опору и влияние борющихся сил в стране. «Партия порядка» оказалась господствующей силой на севере, северо-востоке, северо-западе и западе Франции — там, где большим удельным весом пользовалось зажиточное крестьянство, крупная торговая буржуазия и землевладельческая аристократия, где были сильны монархические традиции и влияние като-

лической церкви. Опорой Горы оказались восточные и юго-восточные департаменты и районы центральной Франции — области крупной промышленности с многочисленным пролетариатом, а также районы мелкой крестьянской собственности, мелкого ремесла и мелкой торговли, а затем районы мелкого виноградарства и садоводства на Средиземноморском побережье. Буржуазные республиканцы потеряли своё прежнее влияние и утратили свои господствующие позиции почти по всей стране, за исключением небольшого числа районов неразвитых классовых противоречий и традиционного буржуазного либерализма — в департаментах Юры, Дромы и Верхних Пиренеев.

Таким образом, выборы в Законодательное собрание показали дальнейшее обострение классовых противоречий в стране и поляризацию борющихся сил: часть мелкой буржуазии и крестьянства в союзе с рабочим классом выступала против крупной буржуазии, которая вела за собой отсталые элементы крестьянства и мелкобуржуазного населения городов. Успех буржуазной реакции был непрочен, ему угрожали возросшие силы демократического лагеря. Только подавив остатки сил рабочего класса и разгромив передовую часть мелкой буржуазии, реакция могла развить свой успех и создать для него прочное основание. Это произошло через месяц после выборов.

ПОРАЖЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Результаты выборов в Законодательное собрание вызвали повую тревогу среди монархистов. Вождь клерикалов Монталамбер писал: «...мы сразу лишились двух основ безопасности, которой мы, по видимости, пользуемся; обе они — армия и деревенский люд — перешли к социализму».

По примеру французских аристократов времён буржуазной революции XVIII в. реакция готова была призвать во Францию иностранные штыки для того, чтобы подавить демократическое движение в стране. Сводный брат Луи Наполеона, Морни, один из главарей бонапартистской контрреволюции, выражая свои опасения насчёт избирательной победы «красных», писал своим родным в Англию: «Если это случится, то ничего не останется делать, как утаковать наши вещи, развязать гражданскую войну и просить казаков прийти и помочь нам!» Предвидя патриотические возражения, Морни подчёркивал: «должны быть границы для всякого патриотизма!»

Панпческие настроения стали рассеиваться лишь после того, как установлены были общие результаты выборов, обеспечившие прочное монархическое большинство в составе Законодательного собрания.

Тревога реакционеров оказала заметное влияние и на те расчёты, которыми руководствовались вожди партии порядка при составлении нового министерства.

Новое министерство Барро.
Тьер намечал на пост главы правительства человека, способного возглавить беспощадную реакционную диктатуру и расправу с республиканцами — сперва Шангарнье, а потом, после его отказа, маршала Бюжо. Последний был вызван в Париж и занялся формированием нового правительства. Однако этот план натолкнулся на серьёзные препятствия. Луи Наполеон опасался

легитимистских и орлеанистских генералов, видя в них своих соперников. Чтобы не оказаться в ещё большей зависимости от старых монархических партий, он предпочёл кандидатуру Барро. К поддержке Барро склонялись и легитимисты, опасавшиеся, что связи Бюжо с орлеанистскими принцами создадут преимущество претенденту из орлеанской династии. Но дело было не только в противоречиях и соперничестве монархических фракций. Более важное значение имела создававшаяся в стране ситуация и необходимость политической маскировки планов реакции.

Явившись к Барро с отказом от предложенного ему поста, Бюжо рассказал ему: «Я собрал у себя командиров армейских частей, сконцентрированных в Париже, и поставил им в упор вопрос: «Что, по-вашему, произойдёт, если придётся вовлечь армию в новый конфликт с народом?» Почти единодушный ответ гласил, что поведение войск будет зависеть от состава министерства. Если своим личным составом министерство покажет, что оно будет осуществлять идею монархической реакции, то вполне возможно, что в армии появятся колебания и ряды её могут даже разделиться».

Карьериста Барро не пришлось долго упрашивать, и он согласился снова возглавить кабинет министров.

Второе правительство Барро, составленное в значительной части из лиц, входивших в его первое министерство, представляло всё ту же орлеанистско-легитимистическую коалицию. Слабое и разношёрстное по своему составу, это правительство не обладало прочной опорой в Собрании и носило явно временный, переходный характер. Оно было ширмой, которая должна была служить «партии порядка» для прикрытия готовящегося разгрома демократических элементов в стране.

Международная обстановка весны — лета 1849 г. Воспнятые действия французских интервентов против Римской республики.
В описываемый период, в мае — августе 1849 г., разыгрывался последний акт европейской демократической революции. В юго-западной и Рейнской Германии вспыхнуло народное восстание в защиту так наз. «имперской конституции». Завязалась вооружённая борьба баденской армии и повстанцев против прусских полков, двинутых на подавление восстания. Венгерская революция достигла своего критического пункта, вступив в смертельную борьбу с войсками австрийского императора и посланными им на помощь войсками русского царя. Итальянские революционные очаги — Венецианская и Римская республики — отчаянно отбивались от австрийских, французских и испанских интервентов, пришедших на помощь папе и дворянско-буржуазной реакции в Италии. Борьба между силами революции и контрреволюции в отдельных странах Европы принимала черты единого международного сражения. В этой схватке европейской демократической революции с европейской контрреволюцией взоры обеих сторон были устремлены на Францию. Фран-

ция играла тогда общепризнанную ведущую роль в европейском революционном движении и борьба во Франции имела особое значение на международной арене. Вот почему направление внешней политики Франции становилось важнейшим вопросом в политической жизни страны.

28 мая, в день открытия Законодательного собрания, правительство послало генералу Удино приказ — немедленно возобновить военные действия и атаковать Рим. 29 мая оно решило отозвать Лессепса и прекратить переговоры с Римской республикой.

Между тем ничего не подозревавший Лессепс продолжал свои переговоры в Риме и 31 мая заключил соглашение, которое подписал в качестве полномочного представителя Франции. Соглашение подлежало ратификации властями Французской республики, причём особым пунктом в нём оговаривалось, что в случае отказа французского правительства ратифицировать соглашение враждебные действия не могут быть возобновлены ранее чем через 15 дней после официального сообщения об этом отказе.

Однако, Удино грубо и цинично нарушил это условие. 3 июня он начал новую атаку Рима. Военные действия возобновились и усиливались с каждым днём. Несмотря на неравенство сил, героическое сопротивление римлян французским интервентам продолжалось свыше месяца. Покрыв Францию позором, это сражение породило новый политический кризис в стране.

В оценке сложившейся ситуации существовали разногласия между Горой и левыми элементами парижского демократическо-социалистического комитета.

**Позиция Горы.
Разногласия
внутри
демократи-
ско-социали-
стического
блока в оценке
ситуации.**

Последние были представлены так называемой Комиссией 25 — органом, который был выделен парижским демократическо-социалистическим комитетом из своего состава, для продолжения избирательной кампании, для продолжения деятельности комитета. В состав Комиссии 25 входили преимущественно те же революционные элементы мелкобуржуазной демократии и рабочие вожаки, клубисты и участники тайных обществ, которые верховодили делами парижского демократическо-социалистического комитета: Гранмениль, Дюфеликс, Шипрон, Дельбрук и др.

Комиссия 25 считала, что результаты выборов свидетельствуют о том, что демократическо-социалистический блок приобрёл решающее влияние во всей стране. Комиссия сделала вывод о наличии во Франции достаточных условий для решительной победы пролетариата в его борьбе с реакцией.

В своём обращении «К народу» Комиссия 25 заявляла: «Если бы правильность выборов соблюдалась, то в результате нашей победы были бы уничтожены все монархические фракции. Мы достигли бы одной лишь силой всеобщего избирательного права той цели, которую мы так настойчиво преследуем с февраля, т. е. окончательного завоевания пролетариатом гражданского, политического и социального равенства».

Все же Гора сначала заняла оборонительную позицию по отношению к монархическому большинству в новом Собрании. Она попрежнему рассчитывала ограничиться парламентскими рамками и «моральными» средствами давления на противника.

Даже Делеклюз предпочитал тактику «моральной силы». Он считал, что Гора должна принять активное участие в законодательной деятельности Собрания, вносить свои проекты «органических» законов, а также отвергать поправки в законопроекты, исходящие из лагеря монархистов и правительства. Пусть эти проекты Горы будут отвергнуты; но они мобилизуют общественное мнение страны, и поэтому монархисты будут вынуждены идти на уступки Горе. В противном случае разразится конфликт, в котором все шансы на успех будут на стороне Горы.

Во всех этих соображениях вождей Горы сквозила мысль о необходимости обеспечить Горе достаточную поддержку со стороны буржуазии и мелкой буржуазии при предстоящем столкновении с реакцией. Решающее значение Гора придавала не подготовке революционного выступления масс, а оправданию своей борьбы в глазах контрреволюционно настроенной буржуазии. Рассматривая свою предстоящую борьбу с реакцией преимущественно как борьбу «морально-политическую», Гора рассчитывала на свою победу в ней лишь при наличии двух условий: если

нападающей стороной будет реакция и если объект её нападения будет иметь «не узко классовое», а «национальное значение».

Начав новую атаку против Римской республики, правительство Барро бросило Горе вызов, отвечающий обоим этим условиям: инициатива нападения исходила от лагеря монархической реакции, а объектом нападения, бесспорно, были конституция и общенациональные интересы Франции.

Вот почему Гора ухватилась за представившуюся возможность выступить против реакции под национально-патриотическим знаменем.

Своей тактикой Гора затемняла в сознании масс истинный смысл борьбы и делала её оторванной от жизненных нужд народа. В то же время Гора не приобретала и поддержки буржуазии. Последняя была напугана вдвойне — и опасностью нового революционного потрясения внутри страны, и перспективой войны с европейской коалицией, войны, грозившей, если не поражением Франции, то повторением событий якобинской диктатуры.

С 5 июня в Париже стали распространяться слухи о возобновлении французскими войсками военных действий против Римской республики.

Постепенно становились известными подробности отозвания Лессепа и вероломного нарушения подписанного им соглашения о перемирии. Циничное нарушение правительством конституции, запрещавшей посылать французские войска для подавления свобод других народов, игнорирование парламентских решений, отказ от собственных обязательств и клятвенных уверений, — стали очевидными фактами.

Демократическая и социалистическая пресса открыла ожесточённый огонь по правительству и президенту. Левые органы прессы призывали Гору к самым энергичным действиям и обещали полную поддержку народа. Одновременно народу внушалось доверие к Горе, к её решимости выполнить свой долг.

Решительно выступила и Комиссия 25. В своём заявлении от имени парижского демократическо-социалистического комитета Комиссия напоминала депутатам Горы, что они клятвенно обязались подать народу пример сопротивления, если будет нарушена конституция. В рабочих кварталах Парижа вожаки и делегаты возвещали близкое выступление и призывали готовиться к нему.

Толкая Гору на выступление против реакции, рабочие вожаки всё же продолжали питать недоверие к намерениям парламентариев мелкобуржуазной демократии и их вождей. Имеются сведения о том, что демократическо-социалистический комитет и его Комиссия 25 приступили тогда к созданию отдельной от Горы организации, призванной олицетворять силы и политику парижского пролетариата. Речь шла о создании так называемой Парижской Коммуны, идея которой была заимствована из опыта буржуазной революции конца XVIII в., когда инсurreкционная Коммуна Парижа 10 августа 1792 г., противопоставив себя Законодатель-

ному собранию, возглавила борьбу с монархией, контрреволюцией и интервенцией.

Правительство с своей стороны готовилось раздавить выступление демократии. «Мы были к нему готовы», — признавал впоследствии в своих мемуарах Барро: «Детальные донесения держали нас в курсе того, что затевалось в клубах и тайных обществах». Шангарнье сосредоточил в своих руках командование войсками и национальной гвардией Парижа. Верные правительству войсковые части спешно перебрасывались из провинции в Париж и размещались по стратегическим пунктам города.

**Выступление
Ледрю-Роллена
в Законодатель-
ном собрании.**

11 июня Ледрю-Роллен выступил с давно ожидаемой речью в Законодательном собрании. Он обвинил Луи Наполеона и правительство Барро в открытом и наглом нарушении конституции и решений Учредительного собрания по итальянскому вопросу. В яркой, убедительной речи Ледрю-Роллен разоблачил весь тот неслыханный и преднамеренный обман страны и Собрания, который осуществлялся итальянской политикой правительства. Свою речь Ледрю-Роллен закончил внесением обвинительного акта против президента республики и министров, виновных в нарушении конституции, и потребовал срочного обсуждения предъявленного обвинения.

Несмотря на свой грозный, обличительный тон, речь вождя Горы не содержала ни лозунгов, ни призывов, которые свидетельствовали бы о революционных намерениях Горы или хотя бы выходили за рамки парламентского акта. Но после выступления Барро, который пытался с помощью увёрток и лживых объяснений отвлечь внимание от ясных, категорических обвинений и провокационно требовал от Ледрю-Роллена ответа на вопрос, намерена ли Гора оставаться в рамках легальности, Ледрю-Роллен выступил вторично. На этот раз речь его выразила те революционные настроения, которые оказывали давление снизу на руководство партии Горы. Заканчивая своё второе выступление и увлекательный ораторским красноречием, Ледрю-Роллен пошёл дальше первоначальных своих заявлений. Он воскликнул: «Наш ответ весьма прост: конституция была нарушена. Мы будем защищать её всеми возможными средствами, даже силой оружия!» Его слова были поддержаны всей парламентской фракцией Горы.

Но этот клич защиты конституции с оружием в руках не представлял ни решения Горы, ни подлинных намерений самого Ледрю-Роллена. В демократическом лагере происходили споры и колебания. Вечером 11 июня они проявились на совещании в помещении редакции прудонистской газеты «Народ», где собрались представители демократической прессы. На этом совещании, в котором принимали участие как члены Комиссии 25, так и Ледрю-Роллен, мнения разделились. Большинство, и в том числе сам Ледрю-Роллен, отвергало вооружённое восстание. Собрание нешло ни к какому выводу, и дальнейшее обсуждение

вопроса было перенесено на совещание депутатов Горы в их помещении по улице Азар. Рабочие делегаты настаивали при встречах с депутатами Горы на том, чтобы начать в тот же вечер восстание. Гора решительно отвергала этот план и согласилась выйти из границ парламентской борьбы лишь в том случае, если Собрание отвергнет её обвинительный акт против правительства. 12 июня в демократической печати был напечатан обвинительный акт Горы против президента и министров. Гора заявляла: «Мы хотим исчерпать средства, которые дала нам в руки конституция. Пусть народ сохраняет веру в своих представителей, как они верят в него». Другое обращение, подписанное Комиссией 25 и членами демократической прессы, призывало народ «быть готовым выполнить свой долг». Демократический «Комитет школ» призывал студенчество выступить «по первому же сигналу со стороны депутатов». Ещё решительнее звучало заявление «Избирательного комитета типографов» депутатам Горы от департамента Сены: «Действуйте! Народ ждёт вашего знака».

Страхи и колебания мелкобуржуазных демократов не ускользнули от внимания Луи Наполеона, Барро и вождей «партии порядка». Стремясь спровоцировать Гору, они сами начали атаку и отрезали Горе пути отступления. 12 июня после страстных, но бесплодных дебатов, исход которых был заранее известен, Собрание огромным большинством голосов отвергло обвинительный акт Горы.

12 июня до поздней ночи продолжались совещания депутатов. Призыв к оружию не встретил поддержки и на этих совещаниях; за него стояли лишь рабочие делегаты и некоторые левые деятели Горы, как Делеклюз и Мишель (из Буржа). Но Ледрю-Роллен колебался. С одной стороны, Гора уже не могла отступить от своих торжественных деклараций и обязательств перед народом, не потеряв своего престижа в стране и доверия масс. С другой стороны, Ледрю-Роллен не меньше, чем другие руководители Горы, боялся вооружённой борьбы и её последствий, как в случае победы, так и в случае поражения.

Во всём поведении Ледрю-Роллена сказывались типические черты мелкобуржуазного политика, о которых говорил Энгельс: «Слабость, мелкое тщеславие, увлечение высокопарными фразами..., нерешительность, зависимость от пошлых избитых фраз о самопожертвовании и т. д., забвение революционных действий ради революционных воспоминаний — вот качества, которые характеризуют Ледрю-Роллена и тот класс, который он представляет»¹.

В качестве выхода из этих противоречий и колебаний руководители Горы ухватились за мысль, которая уже несколько дней пропагандировалась в демократических легионах парижской национальной гвардии: собрать парижскую национальную гвардию

для энергичного протеста против братоубийственной войны французских солдат под стенами Рима и против нарушения конституции. Эту же мысль пропагандировали газеты «National» и «Siècle» («Век») — органы буржуазных республиканцев. Вопрос о демонстрации обсуждался на собрании гвардейцев 5-го легиона, созванном под предлогом обсуждения кандидатур на предстоящих выборах командира легиона. На этом собрании была избрана постоянная исполнительная комиссия 5-го легиона, связавшаяся с представителями Горы. Комиссия обратилась 12 июня ко всем легионам национальной гвардии, призывая их собраться 13 июня к 11 часам утра у мэрии 5-го округа, возле Шато д'О, в форме, но без оружия, чтобы оттуда направиться в Законодательное собрание «с целью напомнить ему о должном уважении к конституции, защита которой поручена всем гражданам».

Призыв к демонстрации последовал также со стороны буржуазно-республиканской «Ассоциации друзей конституции». Она подчёркивала, что демонстрация должна быть «величественной, спокойной, как справедливость, и торжественной, как святое дело национальностей...»

За этот проект и ухватились противники вооружённой борьбы, искавшие способа отказаться от обещаний Горы и одновременно спасти её престиж. Но революционные элементы пролетариата отнеслись к безоружной демонстрации с явно выраженным недоверием и отказались участвовать в ней.

Совещания, продолжавшиеся почти всю ночь с 12 на 13 июня, породили воззвание Горы, опубликованное 13 июня в демократической печати за подписью 122 депутатов Горы. Воззвание обращалось к народу, к национальным гвардейцам, к солдатам с призывом защиты конституции. Но оно не содержало призыва к действию и ограничивалось лозунгом: «Сплотимся же все под кличем: Да здравствует конституция! Да здравствует республика!» Несмотря на иной характер носила декларация за совместной подписью «Комитета демократической прессы», «Демократическо-социалистического комитета», «Комитета школ» и «люксембургских делегатов», также опубликованная 13 июня в некоторых социалистических газетах.

Эта декларация отличалась от возвания Горы своим боевым, грозным тоном, хотя тоже избегала открытого призыва к восстанию и ограничивалась намёками: «Национальная гвардия поднимается! Мастерские закрываются! Пусть наши братья из армии вспомнят, что они являются гражданами!.. Пусть весь народ будет наготове!»

С 9 часов утра в районе Шато д'О стали собираться группы национальных гвардейцев, явившихся на демонстрацию по призыву делегатов 5-го легиона. Все они были без оружия — приходивших на демонстрацию с оружием отсылали обратно. Подлинно

Выступление
Горы
13 июня 1849 г.

¹ «Пролетарская революция», 1940 г., № 3, стр. 154.

рабочего люда среди демонстрантов было мало. «Настоящие рабочие, те, которые умеют ворочать камни мостовой, на скорую руку рыть рвы и валить деревья для сооружения баррикад, были крайней редкостью», — свидетельствовал впоследствии один из участников демонстрации. Революционный авангард парижского пролетариата относился к идее «мирной демонстрации» скептически и выжидательно. Конституционный конфликт между Горой и Собранием не всколыхнул широких рабочих масс, обессиленных безработицей и эпидемией холеры в Париже. Желая выяснить настроение в народе, депутат Бенуа, весьма умеренный лионский социалист, посетил с утра 13 июня кварталы левого берега Сены: «Я мог там убедиться в почти полном безразличии народа... Этот римский вопрос казался ему совершенно чуждым. Он должен был быть порешён между правительством и депутатами; это было их делом, а не его». Кроме того, воззвание с призывом на демонстрацию было опубликовано 13 июня лишь в двух социалистических газетах и не дошло до рабочих предместий Парижа: ночью и утром 13 июня полиция предусмотрительно задержала продавцов газет.

Большинство вождей Горы также отсутствовало на демонстрации. С утра 13 июня Гора возобновила своё заседание, продолжая дебатировать вопрос о способах борьбы с президентом и большинством Законодательного собрания, нарушившими конституцию. Руководители Горы, в том числе и Ледрю-Роллен, одобрив план «мирного» шествия к Собранию, выжидали, как отнесутся к нему народные массы. Они все еще колебались между мирными и революционными средствами и старались сохранить видимость легальной борьбы.

К 12 часам среди демонстрантов появились Консидеран и Этьен Араго, ставшие во главе колонны. Демонстранты тронулись в путь. Вначале их насчитывалось около 6—8 тыс. человек, но в пути колонна всё увеличивалась и достигла, по некоторым сведениям, 25—30 тыс. человек¹.

Как и следовало ожидать, демонстрацию постигла жестокая расправа. Шангарнье заранее разместил надежные воинские части в важнейших пунктах города и в районе демонстрации. Шангарнье был уверен в своих силах и горел желанием показать себя «спасителем общества», «героем» на манер Кавеньяка, рассчитывая даже превзойти его в быстроте и решительности действий.

В час дня, когда головная колонна демонстрантов подошла к Rue de la Paix (Улица мира), Шангарнье приступил к расправе. Конные и пешие части, втрое превосходившие число демонстрантов, ринулись на их ряды, разрезав надвое колонну, и стали действовать против безоружных людей штыками и саблями.

Кровавая
расправа
Шангарнье
с демонстрантами.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 60.

А. И. Герцен, лично участвовавший в демонстрации 13 июня, рассказывал: «Дошли мы до того места, где Rue de la Paix входит в бульвары; она была заперта взводом венсенских стрелков, и когда наша колонна поравнялась с ними, стрелки вдруг расступились, как декорации в театре, и Шангарнье, верхом на небольшой лошади, скакал перед эскадроном драгун. Без всяких сомнений (требований разойтись.— Н. З.), без барабанного боя и прочих законом предписанных форм он, смяв передовые ряды, отрезал их от прочих и, развернув драгун на две стороны, велел им скорым шагом расчистить улицу. Драгуны с каким-то упоением пустились мять людей, рубя палашами плашмя и острой стороной при малейшем сопротивлении».

Преследуемые конными и пешими солдатами, демонстранты кричали «К оружию!» и разбегались. Кучки людей пытались организовать сопротивление, строились вновь в колонны, пыта-

лись возобновить шествие. На Итальянском бульваре, на бульваре Монмартр, на улицах Ришелье и Гранд-Бательер, в предместьях Пуассон и Монмартра, возле театра Сен-Мартен, разрозненные и разъярённые группы людей строили наспех баррикады, выбрасывали на мостовую из кафе стулья и столы, опрокидывали кареты. Были попытки разгрома оружейных лавок. Герцен писал: «Наглость нападения на безоружных людей возбудила большую злобу. Будь на самом деле что-нибудь приготовлено, будь вожаке, не было бы ничего легче, как начать настоящий бой». «Но, — продолжал Герцен, — «Гора», вместо того чтобы явиться во весь рост, услышав о том, как смешно разогнали лошадьми самодержавный народ, скрылась за облаком». Стихийные и разрозненные попытки сопротивления были быстро подавлены повторными атаками солдат Шангарнье. Войска нигде не встретили настоящего, массового сопротивления — лишь изредка их встречали одиночными выстрелами. К двум часам дня демонстрация была полностью рассеяна, и Шангарнье возвращался в Тюльрийский дворец, как победитель, приветствуемый толпой буржуа на площади Биржи.

**Попытка Горы
поднять
восстание
в Париже.**

Тем временем депутаты Горы продолжали совещаться на улице Азар и тратили время в бесплодных спорах. При первых же слухах о расправе Шангарнье с демонстрацией большинство депутатов Горы покинуло совещание и разбежалось, и лишь Ледрю-Роллен во главе небольшой группы депутатов «спас честь Горы»¹. Эта небольшая кучка деятелей Горы (около 30 человек) попыталась продолжать борьбу с помощью демократической части национальной гвардии. Она отправилась в артиллерийский легион национальной гвардии. Артиллеристы и их командир, полковник Гинар, тесно связанный с вождями мелкобуржуазной демократии, считались самой надёжной опорой Горы. Но имя Гинара было ненавистно революционному пролетариату Парижа. Этот мелкобуржуазный республиканец, бывший участник июльской революции и республиканских движений в первые годы июльской монархии, принял самое активное участие в подавлении июньского восстания 1848 г. в Париже.

После прихода Ледрю-Роллена и других депутатов Горы Гинар собрал наличных артиллеристов и призвал их поддерживать Гору и отправиться вместе с депутатами защищать республику и конституцию.

Ледрю-Роллен, Гинар, депутаты и артиллеристы (150—200 человек) отправились в Консерваторию искусств и ремёсел, место, избранное не случайно. Тут в своё время, в январе 1849 г., республиканцы предполагали найти убежище для Учредительного собрания в случае попытки монархического переворота. Командир 6-го легиона национальной гвардии Форестье сделал тогда же

соответствующее предложение Маррасту, а Консерватория была расположена в районе этого легиона. Форестье продолжал оставаться командиром 6-го легиона и в день 13 июня. Вожди Горы рассчитывали на него и на его легион, как на свою боевую силу. Но эти надежды были лишь одной из иллюзий Горы. В действительности Форестье уже давно утратил свой республиканский пыл. Он показал себя 13 июня тем, чем, в сущности, всегда и был: весьма умеренным буржуа, настроенным враждебно по отношению к революционным методам борьбы.

Ошибочным был выбор Консерватории и с военно-тактической точки зрения. Это обширное здание с большим садом, окружённым ветхой оградой, выходило на несколько улиц и площадей, открывавших нападающим пути для атаки с разных сторон. Такая позиция требовала большого количества вооружённых защитников. Консерватория была не крепостью, а скорее мышеловкой для повстанцев.

Из числа 150—200 артиллеристов, отправившихся вместе с депутатами Горы в Консерваторию, было вооружено только 60 человек, Гинар оставил в П. л.э-Националь, где помещался штаб артиллерийского легиона национальной гвардии, около 500 ружей, хранившихся на складе. Артиллеристы взяли с собой пушки, но без снарядов. По ироническому замечанию Герцена, они собирались действовать «моральной стороной своих пушек». Их поведению

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 60.

вполне соответствовала позиция парижской мелкой буржуазии. «Лавочки становились у порога своих дверей, они аплодировали, но ни один не брал ружья, чтобы присоединиться к защитникам конституции», — писал в своих воспоминаниях очевидец этого шествия Даримон, редактор прудоновской газеты «Народ». Не менее противоречиво было поведение Горы в самой Консерватории. Заявив без сопротивления здание, гвардейцы не знали, что же делать дальше. Часть артиллеристов принялась строить баррикады внутри здания и на подступах к нему. Но Гинар приказал немедленно прекратить постройку баррикад и всячески избегать вооружённой борьбы. После этого артиллеристы сами не давали населению строить баррикады вокруг Консерватории. Однако по мере того как обнаруживалась уязвимость здания Консерватории, строительство баррикад стихийно возобновлялось. Но они не имели эффективного значения.

В Консерваторию явились вожаки «Комиссии 25», Лебон и Шипрон. Они с тревогой и разочарованием наблюдали сумятицу и хаос среди её защитников и пытались побудить Гинара к энергичным мерам. Лебон рассказывал впоследствии на суде: «Придя в Консерваторию искусств и ремёсел... я был крайне удивлён: я увидел там артиллеристов-миротворцев!.. Я зашёл внутрь здания, поднялся в залу, где совещались, подошёл прямо к Гинару и сказал ему: «Вы, кажется, расположены спокойно ожидать здесь ружейного огня?! — Да, — ответил он мне». Услышав такой ответ, Лебон ушёл домой.

Тем временем вожди Горы совещались в Консерватории о том, что же делать дальше. «Невыразимый хаос, никто не просит слова, все говорят разом; это не смешение языков, а высшая степень смешения голосов и смешения идей», — описывал эту сцену её свидетель, директор Консерватории профессор Пуйе.

Совещание длилось около 45 минут и не приняло никакого ясного плана действий. Консидеран предлагал покинуть Консерваторию и отправиться искать на бульварах демонстрантов или же гвардейцев 6-го легиона. Ледрю-Роллен колебался, он всё ещё ожидал прибытия Форестье и его легиона. Решили послать депутата Сюшэ в мэрию 6-го округа, чтобы побудить Форестье поскорее присоединиться к Горе и поспешить в Консерваторию. Сюшэ отправился, но Форестье в мэрии не застал и был вскоре арестован. Сам же Форестье обходил в это время улицы и кварталы 6-го округа. Его сопровождала толпа, кричавшая «Да здравствует Форестье! Да здравствует республика!» Слышались крики: «К оружию!» Рабочие хотели видеть в Форестье руководителя начинающейся борьбы. Однако Форестье давно уже принял решение воздержаться от участия в сомнительном предпринятии Горы и старался поскорей отделаться от толпы. Он употребил своё влияние на то, чтобы помешать строительству баррикад.

В ожидании Форестье в Консерватории продолжали спорить и совещаться. Часть депутатов, напуганная оборотом событий,

потихоньку удалилась. Другие отправились в город, чтобы попытаться привлечь национальную гвардию. Попытки эти успехом не увенчались.

Была составлена прокламация, призывавшая народ к оружию. Она обращалась «К народу, к национальной гвардии и к армии» и гласила: «Конституция нарушена! Народ поднимается на её защиту! Гора находится на своём посту. К оружию! К оружию! Да здравствует республика! Да здравствует конституция!» Прокламация была помечена: «В Консерватории искусств и ремёсел 13 июня в 2 часа дня». Под ней стояли подписи 119 депутатов Горы. Эту прокламацию расклеивали в разных пунктах города после трёх часов дня.

Поражение
мелкобуржуаз-
ной демокра-
тии.

Апелляция Горы к народу и её призыв к восстанию во всяком случае запоздали. Дискуссию вождей Горы прервало появление войск в Консерватории.

Без малейшего сопротивления со стороны артиллеристов солдаты ворвались во двор Консерватории и захватили всех присутствующих в ней. Часть артиллеристов спаслась бегством через сад и крыши соседних домов. Вскоре удалось уйти и вождям Горы. Воспользовавшись моментом, когда выстрелы на улице Транснотэн отвлекли внимание солдат, Ледрю-Роллен, Консидеран и Мартэн-Бернар поспешили уйти из Консерватории через никак не охраняемые боковые выходы. Гинар остался, но через полчаса и он покинул Консерваторию. Только те депутаты Горы, которые упорно дожидались возвращения солдат, были арестованы.

Движение 13 июня окончательно лишилось руководящего политического центра. После странствования по улицам Парижа Ледрю-Роллен и его спутники разошлись и укрылись у своих знакомых. Вскоре они переселились за границу и встретились в Лондоне на положении эмигрантов.

Мелкобуржуазные политики Горы признали себя побеждёнными и прекратили борьбу в момент, когда ещё существовали разрозненные очаги восстания на улицах Парижа. В отдельных пунктах города продолжалось строительство баррикад. Солидная баррикада на улице Жан-Робер защищалась ружейным огнём против солдат 62-го полка. Другая, ещё более крупная баррикада была возведена на улице Омер, но защищалась слабо и была легко взята войсками. Баррикады были на улицах Понт-о-Виш, на улице Гравильеров и в других местах города. Вечером 13 июня безоружные молодые люди пытались соорудить баррикаду на улице Шанон. У восставших почти не было оружия.

На судебном процессе по делу 13 июня отмечались многие факты нападения строителей баррикад на национальных гвардейцев с целью их разоружения. В некоторых случаях восставшие устраивали обыски в квартирах национальных гвардейцев и реквизировали их ружья. Таким образом, в момент капитуляции

Горы и бегства депутатов из Консерватории массовая борьба ещё только начиналась. Капитулировав без боя, Гора оборвала развитие начинавшегося восстания.

Маркс писал: «В продолжение всего 13 июня пролетариат занимает то же скептически наблюдательное положение и выжидает серьёзной, бесповоротной схватки между демократической национальной гвардией и армией, чтобы броситься тогда в борьбу и толкнуть революцию дальше навязанной ей мелкобуржуазной цели»¹.

Член союза коммунистов Зейтер, активный участник описываемых событий, утверждал: «Если бы Гора укрепила Консерваторию и энергично защищала её, то она продержалась бы до ночи, а за это время под влиянием известий об обороне Консерватории восстал бы весь парижский пролетариат и примыкающая к нему часть мелкой буржуазии». Это утверждение Зейлера являлось, конечно, большим преувеличением. Силы парижского пролетариата были весьма ослаблены поражением июньского восстания 1848 г., лишившим его революционных вождей, безработицей, продолжавшейся и в 1849 г., и, наконец, эпидемией холеры, которая свирепствовала летом 1849 г. в Париже. Кроме того, как указывал Маркс, «демократическая партия заразила собственной слабостью пролетариат, на силы которого она рассчитывала».² Но, кроме того, в движении 13 июня отсутствовала одна важнейшая предпосылка полновесного массового восстания: требовалась общность серьёзных интересов, находящихся под угрозой. «Нарушение отвлечённого параграфа конституции не могло служить таким интересом»³. Представленное Горой в виде конституционного конфликта с большинством Законодательного собрания, выступление 13 июня было лишено социальной программы и лозунгов, способных всколыхнуть и увлечь широкие народные массы. На это обстоятельство указывали и те вожаки, которые проявляли пассивность в день 13 июня: «Восстание из-за какого-то текста конституции мне было непонятно, — говорил Лебон на судебном процессе по делу 13 июня, — я не был таким рьяным сторонником изготовленной для нас конституции, чтобы во имя её братья за оружие, и, кроме того, разве в первый раз она нарушалась?» О той же причине поражения Горы выразительно писал Герцен в своих воспоминаниях: «Но нерасторопность Ледрю-Роллена и формализм Гинара — всё это внешние причины неудачи... Внутренняя причина состояла в бедности той республиканской идеи, из-за которой шло движение... Если бы Гора одолела 13 июня, что бы она сделала? Нового у неё за душой ничего не было; опять бесцветная фотография яркой и мрачной картины 1793 года, без якобинцев, без войны, даже без наивной гильотины».

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 59.

² Там же, стр. 351.

³ Там же, стр. 352.

**Отклики
на события
13 июня
в провинции.**

Выступление 13 июня вызвало многочисленные отклики в провинции, где демократические силы напряжённо следили за назревавшими в столице событиями. Однако провинциальное движение проявило большую слабость. Мелкобуржуазные колебания, нерешительность, выжидание указаний сверху, подмена действительной борьбы словесной и показной — всё это сказывалось в поведении демократов в департаментах ещё сильнее, чем в Париже. Слабость эта объяснялась и полной неподготовленностью Горы к действиям в национальном масштабе. Реакционеры распространяли фантастические вымыслы о дирижёрской палочке в Париже, по взмаху которой «демагогия» выступает во всей Франции. В действительности же у Горы не существовало никаких конкретных планов организации движения в провинции.

События 13 июня вызвали попытки выступления демократических сил в тех департаментах, которые голосовали в мае 1849 г. за партию Горы. Эти попытки имели место в Эльзасе, в Реймсе, Лилле, Амьене, Алье, Маконе, Дижоне, Тулузе, Дордонь, Лиможе, Бордо и других местах. В подавляющем большинстве случаев эти демонстрации носили нерешительный характер и быстро терпели неудачу. Даже в Страсбурге, где кандидаты Горы одержали блестящую избирательную победу и где настроение населения подогревалось известиями о борьбе немецких демократов в соседнем Бадене и Пфальце в защиту «имперской конституции», отклики на парижские события мало чем отличались от движения в монархическом Бордо.

В департаменте Алье, в округе Монлюсон, где преобладала крупная земельная собственность и где имелось многочисленное бедняцко-батрацкое население, демократические руководители созвали в ночь на 15 июня своих сторонников в условленном месте — за городом. Явились 700—800 крестьян, вооружённых ружьями и вилами, заступами и самодельными копьями. Собравшиеся ожидали подхода подкреплений из окрестных сёл и городов и курьера с парижскими новостями. После длительного ожидания были получены известия о неудаче Горы в столице, и собравшиеся разошлись по домам.

**Восстание
в Лионе.**

Из откликов на парижские события наиболее серьёзным было лионское восстание 15 июня 1849 г. Это объяснялось большой остротой и развитием классовых противоречий в Лионе, являвшемся крупным промышленным и пролетарским центром страны. Большое значение имела и лучшая организация лионского пролетариата по сравнению с пролетариатом Парижа, потерпевшим за год до того страшное поражение, от которого он ещё не мог оправиться. Лионские рабочие, несмотря на понесённые ими в ходе революции частичные поражения, ещё сохраняли свои организации, построенные по типу тайных обществ, разбитых на пятёрки, десятки, сотни. По сведениям полиции, в этих обществах насчитывалось

свыше 40 000 членов. Их существование не составляло никакого секрета для властей и полиции; но власти вынуждены были воздержаться здесь от репрессий, применявшихся против тайных обществ в других районах Франции. К этой осторожности лионские власти вынуждались крепкими связями тайных обществ с рабочей массой Лиона, значительная часть которой объединялась данными организациями, игравшими роль профсоюзов, касс взаимопомощи и политических клубов лионского пролетариата.

С 10 июня в Лионе распространились слухи о готовящихся в Париже событиях. В рабочих массах создалось боевое настроение.

14 июня Лион всё ещё ничего не знал о событиях в Париже и об их исходе: вследствие плохих атмосферных условий семафорный телеграф бездействовал, и никаких сообщений не передавалось. В рабочих массах и в демократических кругах перерыв в сообщениях был воспринят как косвенное свидетельство успеха, достигнутого Горой в столице. К вечеру 14 июня власти получили, наконец, депеши. Депутация демократических журналистов направилась к мэру города и потребовала сообщить содержание прибывших телеграмм. Мэр отказался, сославшись на отсутствие каких-либо известий. Этот отказ был воспринят демократами как новый признак, подтверждающий предположение о поражении реакции и победе Горы в Париже. Волнение и энтузиазм демократов чрезвычайно усилились. Клубы и тайные общества непрерывно заседали и готовили выступление лионских рабочих на помощь парижским демократам.

15 июня с утра в традиционном центре революционного движения лионского пролетариата, в рабочем предместье Круа-Русс, был подан сигнал восстания. Барабаны били тревогу, было развёрнуто красное знамя, строились баррикады.

К повстанцам присоединились революционно настроенные учащиеся местной ветеринарной школы и небольшое число солдат. Численность повстанцев достигала 500—600 человек, а по некоторым данным даже 1000—1200 человек.

Против восставшего Круа-Русс военное командование двинуло по заранее разработанному плану крупные военные силы и артиллерию. Как сообщал в своём отчёте командовавший операцией по подавлению восстания генерал Маньян, повстанцы оказывали отчаянное сопротивление: борьба шла за каждый дом. Вместе с повстанцами, захваченными при защите домов, число пленных достигало 700 человек, а число убитых и раненых — 150 человек.

Горняки бассейна Рив де Жьё, возле Сент-Этьена, узнав о происходящем в Лионе восстании, решили идти на помощь лионским рабочим и двинулись в поход на Лион. Вскоре, однако, они встретили на дороге людей, сообщивших о поражении восстания, после чего вернулись по домам.

События в Лионе вызвали большую тревогу у правительства и вождей реакции. Они опасались, что лионское восстание поднимет на ноги юго-восточные департаменты, где так велико было влияние демократов и социалистов. Правительство ещё более перепугалось, услышав о том, что Ледрю-Роллен, ускользнувший 13 июня из рук властей, отправился будто бы в Лион, чтобы возглавить тамошние демократические силы и возобновить борьбу.

Получив известие о подавлении лионского восстания, Фаллу сиял от радости. «Эта победа принесла правительству больше удовлетворения, чем победа в Париже», — отмечал в своих воспоминаниях лионский социалист Бенуа. Восстание в Лионе отличалось решительностью и энергией, которых так не хватало парижскому движению 13 июня. Рабочие Лиона показали своим выступлением, какой оборот могли принять события 13 июня, если бы рабочий класс не был разбит в июне 1848 г., если бы он мог играть руководящую роль в демократическом лагере.

**Террор
победителей.
Уроки восста-
ния 13 июня.**

Поражение мелкобуржуазной демократии дало возможность буржуазной реакции установить в стране режим неприкрытого террора. 13 июня Законодательное собрание, не имевшее в этот день очередных пленарных заседаний, было со-
звано на экстренное заседание. Собрание объявило Париж и все шесть департаментов столичного военного округа на осадном положении.

Собрание удовлетворило требование прокуратуры о преследовании участвовавших в борьбе депутатов, как мятежников и государственных преступников. Оно лишило мандатов 33 депутатов Горы (в том числе Ледрю-Роллена, Феликса Пиа, Консперана, Мартен-Бернара) и предало их Верховному суду. Эмигранты судились, разумеется, заочно. Начинались бесчинства реакции, упоённой победой. Вечером 13 июня контрреволюционные национальные гвардейцы произвели самочинные обыски и погромы в редакциях прудоновской и фурьеристской газет; подверглась разгрому и типография, печатавшая эти издания. На следующий день власти закрыли шесть основных демократических газет; силы Горы были сломлены. В стране воцарилась парламентская диктатура «партии порядка», т. е. не ограниченный никакой конституцией произвол монархического большинства Законодательного собрания. «Слово республика сохранилось на монетах до 1853 года, но вторая республика умерла 13 июня 1849 г.», — констатировал демократический историк Таксиль Делор.

Восстание 13 июня 1849 г. «было классически-чистым проявлением того класса, который его поднял»¹. В нём отразились характерные черты, присущие выступлениям мелкой буржуазии против эксплуатирующего её крупного капитала, — её колебания, боязнь народных масс и смелых, революционных действий, вера в парламентские способы борьбы при всяких условиях. С убийственной иронией Маркс говорил о поведении Горы 13 июня: «Если Гора хотела победить в парламенте, ей не следовало звать к оружию. Если она в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламентски. Если она серьёзно думала о мирной демонстрации, было глупо не предвидеть, что демонстрация будет встречена по-военному. Если она думала о действительной борьбе, было оригинально сложить оружие, необходимое для борьбы. Но дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей — это не более, как попытки запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз, — они это делают наполовину, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению»².

Отрицательные уроки восстания 13 июня, как и почти одновременно происходившего немецкого восстания в защиту так называемой «имперской конституции», лежали в основе известного учения марксизма о том, что «восстание есть искусство» и что «раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление»¹. Становилось очевидным, что мелкая буржуазия во Франции уже утратила способность возглавлять народную борьбу против реакции и стоящих за ней классов крупной буржуазии и крупных землевладельцев. Решающим условием успеха демократического движения французского народа были силы рабочего класса. Именно слабость пролетарских сил, надломленных страшным поражением июня 1848 г., и была, в конечном счёте, основной причиной поражения в июне 1849 г. «Июнь 1849 г. отомстил за июнь 1848 г.»².

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 319—320.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 55.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 61.

² Там же, стр. 351—352.

ГИБЕЛЬ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ

Поражение, понесённое мелкобуржуазной демократией 13 июня 1849 г., было использовано торжествующей буржуазной реакцией для дальнейшей ликвидации завоеваний революции.

В июне — июле 1849 г. были приняты, один за другим, законы, подавившие демократические права и свободы населения. Закон, уполномочивший правительство закрывать по своему усмотрению клубы и другие собрания, фактически покончил со свободой собраний в стране.

Новый закон о печати запрещал нападки на президента, усиливал наказание за «подстрекательства к гражданской войне» среди населения и запрещал производить сбор средств для уплаты денежных штрафов, налагаемых судами на журналистов. Для пресечения социалистической пропаганды в деревне, вводились специальные разрешения на продажу произведений печати. Разрешения выдавались префектами и аннулировались по их усмотрению.

Но наиболее крупное и длительное значение имел законопроект о реформе народного образования, внесённый министром народного просвещения графом Фаллу 18 июня 1849 г. по горячим следам разгрома движения 13 июня. Обширным задачам, которые преследовали этим законом клерикалы, как нельзя лучше соответствовала погромная атмосфера в стране после 13 июня 1849 г.

Законопроект Фаллу имел к этому времени уже довольно длительную историю. Став министром народного просвещения в первом правительстве Одилона Барро, Фаллу ещё в начале 1849 г. поспешил взять назад законопроект о народном образовании, представленный на рассмотрение Учредительного собрания министром просвещения временного правительства Ипполитом Карно. Проект Карно, вводивший обязательное, бесплатное, светское образование и устанавливавший

контроль государства над школьным обучением и учителями, вызвал злобную критику со стороны реакционеров и клерикалов. Лозунгом клерикальных кругов была так называемая «свобода преподавания», под которой клерикалы подразумевали, во-первых, предоставление церкви и религиозным организациям бесконтрольного права открывать школы всех видов и обучать детей и, во-вторых, установление надзора церкви и духовенства за всеми видами образования.

Учитывая враждебное отношение республиканского большинства Учредительного собрания к проектам клерикалов, Фаллу, по соглашению с Луи Наполеоном и руководителями «партии порядка», назначил две внепарламентских комиссии по подготовке нового законопроекта о народном образовании. Эти комиссии впоследствии слились в одну, работавшую под председательством Тьера. Злобный враг демократии и социализма, Тьер охотно отдавал всё начальное образование в руки духовенства. Он утверждал, что «обязательное образование — это коммунизм», а «школа — предмет роскоши». При этом Тьер цинично подчёркивал различие между школами для низших и для высших классов. «В то время как массы, — заявлял он, — нуждаются в предуготовленных свыше истинах и их единственной философией должна быть религия, средние классы требуют, в качестве своего права, свободной философской дискуссии». В конце концов, Фаллу объединил различные варианты «свободного преподавания» в один законопроект, который и был внесён на обсуждение Законодательного собрания. Обсуждение продолжалось довольно долго и вызвало страстную полемику по всей стране. 15 марта 1850 г. законопроект был принят 399 голосами против 237. За законопроект голосовала вся «партия порядка», в том числе бонапартисты, и большая часть клерикалов. Оппозиционное меньшинство составили республиканцы, демократы и социалисты, а также отдельные монархисты — сторонники университетского образования. Против законопроекта выступила и группа непримиримых католиков, находивших законопроект чересчур уступчивым по отношению к светскому образованию.

Закон Фаллу определил на целые полвека судьбы народного образования и многие черты политического развития Франции. Он закрепил за католической церковью и религиозными организациями господствующее положение в школе и поставил под контроль духовенства воспитание молодого поколения. Достигалось это следующим образом. Закон Фаллу устанавливал два вида школ: общественные (государственные и муниципальные) и «свободные» (т. е. открываемые частными лицами или организациями, в том числе и религиозными). Муниципальные советы получили право передавать принадлежащие им школы первого типа, т. е. общественные, в руки духовных лиц и конгрегаций. Государственный надзор за частными школами сводился лишь к санитарно-гигиеническому контролю, в то время как над школами общест-

венными контроль по всем вопросам обучения возлагался на мэров и священников, т. е. практически на духовенство. Учитель должен был представлять диплом об образовании или о стаже, дающем право на преподавание, но священники и члены духовных конгрегаций допускались к преподавательской деятельности без диплома. Учащиеся, окончившие церковные школы, приравнивались к выпускникам государственных или общественных школ.

Для надзора над школьным делом и народным образованием в департаментах учреждались академические советы, в состав которых входили епископ, священники всех культов, префект, член апелляционного суда, 4 члена генерального совета департамента и 2—3 академических чиновника. Общий контроль над народным образованием в стране возлагался на центральный совет народного просвещения, заменивший прежний учёный комитет, состоявший из одних профессоров. В центральный совет входили 24 члена, из них: 3 архиепископа, 2 духовных лица не католического вероисповедания, 3 члена Государственного совета и 3 представителя частных, «свободных», школ.

Такова была механика, обеспечивавшая духовенству и религиозным конгрегациям контроль и руководство над школами и учителями Франции. Как заметила буржуазно-республиканская газета «Насьональ», «католическая партия получила от республики то, чего она не могла добиться ни от июльской монархии, ни даже от реставрации».

Ближайшим практическим применением закона Фаллу был поход против сельских учителей и чистка их рядов от демократически настроенных элементов. В глазах монархистов и клерикалов учителя были главными проводниками демократических и социалистических идей в крестьянские массы и главными виновниками успехов Горы в деревне. «Во Франции налицо две армии, каждая из которых насчитывает 30—40 тысяч человек; это — армия учителей и армия священников... Деморализаторской и анархической армии учителей надо противопоставить армию священников», — заявил вслужь клерикалов Монталамсер во время обсуждения закона Фаллу в Законодательном собрании. В первые же шесть месяцев после принятия закона Фаллу было уволено до 300 учителей, которые были заменены священниками и членами религиозных конгрегаций. Гонениям подверглись и университетские профессора. Знаменитый историк Мишле, известный своими демократическими убеждениями, должен был прекратить чтение курса в «Коллеж де Франс». Торжествующая реакция этим не ограничилась. Снова произведена была «чистка» чиновников как в центре, так и в департаментах. Демократически настроенные солдаты и унтер-офицеры были удалены из гарнизонов, размещённых во Франции, и переведены в африканские полки, в Алжир. Лион, департамент Роны и четыре соседних с ним юго-восточных департамента были объявлены на осадном положении.

Реакционное правительство Луи Бонапарта — Барро выслало из Парижа Карла Маркса, проживавшего здесь с начала июня 1849 г. в качестве представителя пфальцского Центрального демократического комитета. Маркса высылали в глухую отдалённую болотистую местность с убийственным для здоровья климатом. Маркс предпочёл высылку из Франции и отправился на жительство в Англию.

«Общество 10 декабря».
Растущая бонапартистская деятельность в стране.

Луи Наполеон возвестил переход к карательной политике против демократов и социалистов. «Настало время, когда добрые должны успокоиться, а злые затрепетать!» Путь к монархическому перевороту был открыт. Однако президент не торопился действовать. Он старался выиграть время и оттянуть решительную развязку до того, как бонапартисты обеспечат себе преобладающее влияние в стране.

Осенью 1849 г. в Париже была создана специальная бонапартистская организация «Общество 10 декабря». Учредителями этого «общества» были бонапартисты, составлявшие ближайшее окружение Луи Наполеона. Формально целью общества провозглашалась благотворительность — взаимопомощь между его членами и помощь нуждающимся. В действительности под этой вывеской скрывалось совсем другое. Общество должно было вербовать Луи Наполеону сторонников во всех слоях населения и создать из отбросов всех классов тайную организацию, которая была бы боевой силой бонапартизма. С этой целью оно пускало в ход подачки, подкуп, спайвание, посулы и обещания, демагогическую пропаганду, террор и избиения противников. Общество содержало специальные отряды, с помощью которых оно устраивало шумные овалы при появлении Луи Наполеона на улицах, при посещении им театров, базаров, фабрик, больниц, во время его поездок в провинцию. Оно вслужу инсценировало «восторги» и «энтузиазм» толпы и нещадно расправлялось с враждебными бонапартизму элементами.

Но «Общество 10 декабря» далеко ещё не решало проблемы подготовки

бонапартистского переворота. Оно было лишь вспомогательной организацией, которая могла обеспечить Луи Наполеону кадры головорезов и телохранителей. Для привлечения чиновничества, офицерства и солдат необходимо было использование государственной власти.

Решительный шаг в этом направлении был сделан президентом в октябре 1849 г. Он уволил в отставку правительство Барро — Фалчу и заменил его правительством, независимым от орлеанистско-легитимистского большинства Законодательного собрания.

Новое министерство, образованное 31 октября 1849 г., имело своим председателем самого Луи Наполеона. Бывший легитимист генерал д'Опуль был назначен заместителем председателя совета и военным министром, бывший гизотист Руэр, ставший вскоре одним из столпов бонапартизма — министром юстиции. Бывший орлеанист Фердинанд Барро стал министром внутренних дел. (За своё предательское поведение по отношению к родному брату, Одилону Барро, он получил кличку Барро-Каин.) Влиятельной фигурой этого правительства был финансист Фульд. В его лице должность министра финансов впервые занял настоящий биржевой волк. Фульд олицетворял союз, заключённый Луи Наполеоном с финансовой аристократией, переход последней на его сторону.

Фульд отказался от проекта введения подоходного налога и предложил восстановить ненавистный крестьянам налог на вино. С 1 января 1850 г. налог на вино, отменённый в 1848 г., был восстановлен.

Внутренняя политика «министерства приказчиков», как стали называть правительство д'Опуля — Фульда, отличалась ярко выраженным полицейским характером. Особым циркуляром жандармам предписывалось строго следить за чиновниками и офицерами и доносить о всех неблагонадёжных лицах. Вся страна была разделена на пять военных округов, во главе которых были поставлены реакционные генералы, получившие почти неограниченную власть на местах. Министр просвещения Царье поспешил внести законопроект, ставивший учителей начальных школ под контроль префектов. В декабре 1849 г. закон был принят. Он давал префектам право смещать, увольнять и назначать учителей начальных школ по своему усмотрению. В одном лишь департаменте Жю:р на основании этого закона подверглись преследованиям 42 учителя из общего числа 333 человек.

Все эти мероприятия облегчили задачу, поставленную Луи Наполеоном: перетянуть в бонапартистский лагерь многочисленные карьеристские и неустойчивые элементы среди офицеров и чиновников. Для этого в распоряжении главы государства были огромные возможности. Франция того времени была, как указывал Маркс, страной, «где исполнительная власть имеет в своём распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников,

т. е. держит в постоянной и самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и отдельных существований, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни...»¹.

Новый подъём демократического движения среди крестьян и городской мелкой буржуазии.

Экономический подъём, наступивший во французской промышленности и торговле во второй половине 1849 г. и развернувшийся в 1850 г., был важным источником успехов реакции. И бонапартисты, и «партия порядка» приписывали себе заслуги в деле ликвидации экономического кризиса.

Однако сельское хозяйство продолжало испытывать значительные трудности. Цены на хлеб и вино понизились ещё больше, чем в 1848 г.

Положение крупной буржуазии и крупных землевладельцев окрепло. Росла биржевая игра и спекуляция. Число акционерных обществ, учреждённых в 1850 г., превышало на одну треть существующее число за 1849 г. и на две трети их число за 1848 г.

Некоторое улучшение положения почувствовали и более обеспеченные слои мелкой буржуазии и зажиточного крестьянства. Они требовали устранения всего, что мешает накоплению капиталов. Наконец, известная часть рабочих и ремесленников, особенно в Париже, была после долгой и мучительной безработицы поглощена личными делами. Она страшилась всего, что могло вызвать новый призрак безработицы и связанных с ней мучений.

Но продолжающееся разорение было источником постоянного брожения, недовольства и возмущения значительной части мелкой буржуазии и крестьянства против буржуазной республики.

Законодательное собрание было завалено петициями крестьян, протестовавшими против законопроекта о восстановлении налога на вино.

Выборы 10 марта 1850 г. Победа демократическо-социалистического блока в Париже.

Наиболее яркое выражение оппозиционные настроения значительной части мелкой буржуазии и крестьянства нашли в итогах дополнительных выборов в Законодательное собрание. Эти выборы были проведены 10 марта 1850 г., когда правительству казалось, что принятые полицейски-террористические меры достаточно обеспечивают желательный результат.

Тем не менее выборы закончились сокрушительным поражением реакции. Гора вновь завоевала 20 мест из 31. Формально это означало, что «партия порядка» выиграла ещё 11 мест (раньше все 31 место были заняты депутатами Горы). Но фактически итог выборов означал блестящую победу Горы. В Париже против

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 358.

кандидатов «партии порядка» демократический блок выставил три кандидатуры, знаменовавшие собой союз буржуазных республиканцев, мелкобуржуазных демократов и социалистов. Стремясь к такому единению сил, парижский демократический избирательный комитет включил в свой список, во-первых, бывшего министра просвещения временного правительства Ипполита Карно, во-вторых, социалистического теоретика Видаля, который был в 1848 г. секретарём Люксембургской комиссии, и, в-третьих, демократа де Флэтта, участника выступления 15 мая 1848 г., посланного после июньских дней и вернувшегося по амнистии из ссылки. Все три кандидата Горы были избраны.

Победа этих кандидатов имела огромное политическое значение. Она означала прежде всего возобновление коалиции февральских дней против господства финансовой аристократии. Роковой раскол между пролетариатом и мелкой буржуазией, погубивший июньское восстание 1848 г., оказался изжитым. Парижские лавочники голосовали теперь за июньского повстанца. «Это была, — подчёркивал Маркс, — месть соединившейся с пролетариатом парижской мелкой буржуазии за поражение 13 июня 1849 г.»¹. Наконец, победа Горы свидетельствовала и о том, что армия, несмотря на репрессии и «чистки», всё ещё не стала надёжной опорой буржуазной диктатуры. В Париже большинство солдат голосовало за демократических кандидатов; в ряде департаментов солдаты голосовали большей частью за демократов и социалистов.

Исход голосования 10 марта вызвал панический ужас среди господствующих классов и их политических партий.

Биржевые курсы резко пали. Адвокат Давези выпустил брошюру, в которой доказывал, что «революция начинается сызнова», и предлагал перенести местопребывание Законодательного собрания в какой-нибудь тихий провинциальный городок. Барон Гюбнер, австрийский посол в Париже, писал в своём донесении австрийскому канцлеру князю Шварценбергу о парижских настроениях: «Танцуют, музицируют в салонах, но в то же время скупают золото и берут паспорта».

Успехами демократов был перепуган и Луи Наполеон. Министр внутренних дел Барро-Каин был признан слишком слабым и уволен в отставку. На его место был назначен реакционер твёрдой руки, прокурор Барош.

Вместе с тем Луи Наполеон поспешил развернуть шумную кампанию в пользу «реформ для трудящихся масс». Эта «наполеоновская социальная политика» представляла попытку привлечь рабочих в бонапартистский лагерь с помощью лживых обещаний и посулов. Характерен проект «ссудного банка чести», выдвинутый бонапартистами ещё в феврале 1850 г. Капиталы банка

должны были состояться из взносов капиталистов-филантропов и обеспечиваться «безукоризненной честностью и трудом нуждающихся классов». «Банк чести» должен был выдавать нуждающимся ссуды, которые гарантировались «честью» их семьи — жены, детей, родителей... Разумеется, весь этот фантастически-демагогический проект не был осуществлён. Для облегчения участи трудящихся классов бонапартисты предлагали «оздоровление рабочих жилищ» и «устройство касс взаимопомощи рабочих». С той же целью обмана масс и беззастенчивой рекламы «наполеоновского социализма», президент не скупился при посещении фабрик, шахт, предприятий, больниц на мелкие денежные подачки.

За бонапартистской филантропической демагогией скрывался иногда и прямой обман широкой публики в целях обогащения бонапартистской шайки. Примером такого мошенничества служила «лотерея золотых слитков», организованная летом 1850 г. капитаном Аладениз при помощи подставных лиц. Аладениз был близким человеком Луи Наполеона. Участников лотереи соблазняли выигрышами; главным из них был слиток золота стоимостью в 400 тыс. франков. Были выпущены билеты на 7 млн. франков. При этом фабриковались и фальшивые билеты, по несколько штук на один и тот же номер. Доход от этих билетов шёл в карманы бонапартистских мошенников.

Ликвидация всеобщего избирательного права. Закон 31 мая 1850 г.	Успехи демократов на дополнительных выборах 10 марта ускорили решение вопроса о ликвидации всеобщего избирательного права. Представители крупной буржуазии, особенно орлеанисты, давно добивались восстановления ценза для избирателей в той или иной форме. Руководящая газета орлеанистов «Журналь де Деба» писала: «Всеобщее избирательное право приведёт нас, в конце концов, к гибели...»
--	--

Вопрос, поднятый «Журналь де Деба», уже обсуждался в кругу руководителей «партии порядка» на совещаниях 4 и 17 марта.

Новые избирательные успехи демократов привели к быстрому решению вопроса. На дополнительных выборах, происходивших 31 марта в департаменте Вогезов, снова победил демократический кандидат. Вторично, и ещё более значительным большинством, были избраны республиканские кандидаты в департаменте Сены и Луары, где были аннулированы выборы 10 марта. Ещё большее впечатление произвели новые выборы в Париже 28 апреля 1850 г. Они были вызваны тем, что Видаль, избранный 10 марта депутатом от Парижа и одновременно прошедший в депутаты от департамента Нижнего Рейна, отказался от своего парижского мандата. На новых дополнительных выборах демократическо-социалистический блок выставил кандидатуру известного писателя Эжена Сю. Его увлекательные, хотя и поверхностные, романы, проникнутые сочувствием к беднейшим классам и боевым антиклерикальным духом, пользовались большим успехом среди парижских рабочих и мелких буржуа. Сю одержал полную победу, получив

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 362—363.

на 8 тыс. голосов больше, чем его соперник. Эта новая победа демократов ещё более усилила панические настроения среди господствующих классов. Реакционная печать считала, что избрание Сю имеет даже большее значение, чем избрание Видаля и де Флотта: тех мало кто знал, а Эжена Сю знали все.

После этого комиссия, состоявшая из 17 виднейших членов «партии порядка», прозванных «бургграфами»¹, быстро разработала проект закона. Проект намечал предоставление избирательного права лишь лицам, проживающим не менее трёх лет в данной местности и внесённым в списки плательщиков личного налога. Законопроект был внесён в Законодательное собрание от имени правительства и с согласия президента. Но «бургграфы» ошибались, думая этой круговой порукой связать Луи Наполеону руки на будущее. Они всё ещё недооценивали его полнейшей беззащитности и вероломства. В момент, когда министр Барош вносил законопроект в Законодательное собрание, молочная сестра Луи Наполеона, мадам Корню, задала Луи Наполеону вопрос: «Как, вы, сын всеобщего избирательного права, и поддерживаете его

¹ Насмешливая кличка, заимствованная из одной драмы Виктора Гюго, в которой были выведены фигуры властолюбивых феодальных сеньёров-бургграфов.

ограничение?!» — «Вы ничего в этом не понимаете, — отвечал Луи Наполеон, — я гублю этим Собрание». «Но вы погибнете вместе с Собранием», — возразила она. «Нисколько, — отвечал он. — Когда Собрание очутится над пропастью, я обрежу верёвку». Свои намерения Луи Наполеон расшифровал через полтора года, когда предложение о восстановлении всеобщего избирательного права послужило ему дымовой завесой для государственного переворота, удушившего республику.

Законопроект об отмене всеобщего избирательного права вызвал сильнейшее негодование в демократическо-республиканском лагере, как новое открытое нарушение конституции, покушение на самые основы республиканского строя, равносильное государственному перевороту. Это было то самое посягательство на конституцию, о котором Гора столько раз говорила народу: «Пусть только попробуют!» Но и на этот раз Гора не решилась на революционное выступление. Республиканская печать и ораторы призывали массы к сохранению спокойствия, «величественного спокойствия», как выразился в своей речи в Законодательном собрании Виктор Гюго.

Это «постоянное откладывание окончательного решения», как характеризовал Маркс тогдашнюю тактику Горы¹, производило деморализующее воздействие на народные массы.

31 мая законопроект был принят 433 голосами против 241. Кроме республиканцев, против него голосовали некоторые бонапартисты и отдельные легитимисты.

Введённые ограничения лишили избирательного права огромную массу сельских батраков, деревенскую и городскую бедноту, освобождённую вследствие нуждемости от платежа налога, и массу рабочего люда, вынужденного часто менять место жительства в поисках заработка. Во всей Франции число избирателей сократилось на 29% (с 9 618 057 до 6 809 281). В Париже из 220 тыс. избирателей лишились избирательного права 144 тыс. человек. В Лилле потеряли избирательное право 10 438 человек. В Рубэ из 5 510 избирателей осталось 1 085, в Туркуэне — 1 581 человек из 5 091 прежних избирателей.

Законом 31 мая французская буржуазия признавала невозможным обеспечить свою власть в стране при сохранении основ буржуазной демократии, завоёванных в результате февральской революции.

Уничтожение всеобщего избирательного права открыло полосу новых репрессий против демократических сил.

Правительство провело массовую чистку муниципалитетов от демократических советников и мэров. За время существования Законодательного собрания было распущено 126 муниципалитетов и смещено 1 005 мэров и их помощников.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 247.

Разложение
демократи-
ческо-социали-
стического
блока.

Поражение 13 июня нанесло демократическо-социалистическому блоку удар, от которого тот уже не мог оправиться до самого конца республики. Влияние левого крыла внутри Горы было подорвано.

Перевес внутри Горы окончательно перешёл к умеренным элементам мелкобуржуазной демократии, открыто сотрудничавшим с буржуазными республиканцами. И мелкобуржуазные демократы, и буржуазные республиканцы проповедовали одну и ту же тактику легального сопротивления реакции. И те и другие осуждали революционные, внепарламентские действия масс. Содержавшиеся в программе Горы требования налоговых реформ, обобществления банков, железных дорог, добывающей промышленности и т. д. носили теперь чисто платонический характер.

Это не могло не вызвать растущих разногласий внутри разношёрстного по своему составу демократическо-социалистического блока. В ряде департаментов центральной и южной Франции, в районах, где преобладало мелкое крестьянство, росли боевые настроения низов. Сохранившиеся там активные элементы рабочего класса и мелкой буржуазии, не удовлетворённые умеренной политикой Горы, искали действенных средств борьбы с реакцией путём создания новых тайных обществ и организаций.

Заметное измельчание Горы породило острый конфликт между её парламентской фракцией и эмигрировавшими за границу вождями. Ледрю-Роллен, Делеклюз, Мартэн-Бернар из Лондона подвергали критике трусливую тактику Горы в Законодательном собрании. Они пропагандировали теперь лозунг вооружённого восстания в защиту всеобщего избирательного права. Крикливая «революционность» эмигрантов-вождей вызвала враждебное к ним отношение у большинства депутатов Горы в Законодательном собрании.

Выступления Ледрю-Роллена и Делеклюза имели результатом раскол Горы. Отколовшаяся группа из 24 депутатов образовала так называемую «Новую Гору» 1850 г., которая состояла в основном из депутатов, представлявших те департаменты центральной и юго-восточной Франции, где существовало боевое настроение в массах крестьянства и мелкой буржуазии. Впрочем, для многих из этих депутатов поворот к «революционной тактике» носил чисто словесный, декларативный характер. Только некоторые из деятелей «Новой Горы» стали на путь подготовки нового революционного выступления масс. Наиболее активную роль здесь играл бывший депутат Учредительного собрания Жан, авиньонский адвокат, связанный с лондонскими вождями Горы и действовавший по их указаниям. Под руководством Жана в центральных и южных департаментах создавалась сеть нелегальных организаций (так называемая «Молодая Гора»), с помощью которых предполагалось поднять борьбу за восстановление всеобщего избирательного права. Однако полицейские провокации и репрессии

Гонениям подверглась и национальная гвардия. В 1851 г. была распущена национальная гвардия в Страсбурге, Гренобле и нескольких десятках других, более мелких городах южной, восточной и центральной Франции. Новый закон о национальной гвардии, принятый Законодательным собранием в 1851 г., исключал из её состава всех лиц, которые не в состоянии были обмундироваться за собственный счёт.

Новый закон о печати, принятый Законодательным собранием в июле 1850 г., повышал требуемый для издания газет денежный залог до 25 тыс. франков. Кроме того, этот закон снова вводил отменённый революцией итемпельный сбор, распространив его не только на газеты, но и на брошюры, трактующие о политических или социальных вопросах.

В течение 1850—1851 гг. Франция была превращена бонапартистами, действовавшими в союзе с «партией порядка», в полицейское государство, в котором ликвидировались одна за другой все демократические свободы. «Везде царит спокойствие, нет ни песен, ни политических демонстраций. Можно было бы сказать, что никогда не существовало республики», — говорилось в одном полицейском донесении из провинции.

Вдохновители полицейского террора, легитимисты и орлеанисты, сами дали в руки Луи Наполеону и бонапартистской шайке все средства для подготовки государственного переворота.

осенью 1850 г. положили конец деятельности организаций «Молодой Горы» и самого Жана.

После этого разгрома меньшинство Горы вернулось к чисто парламентскому образу действий, ничем по существу не отличающемуся от тактики большинства. И большинство, и меньшинство Горы одинаково воздерживались от всяких шагов, которые могли бы дать реакции предлог для новых нарушений конституции и для новых репрессий. Пассивное ожидание новых парламентских выборов и выборов президента, которые должны были состояться в 1852 г., объявлялось высшей политической мудростью и панацеей от всех зол. «Через два года, всего лишь через два года, галльский петух запоёт», — говорилось в популярном стихотворении Пьера Дюпона, посвящённом «магической дате», — 1852 году.

Демократическо-социалистический блок фактически распадался. Гора раздиралась внутренними разногласиями и была бессильна воздействовать на ход событий.

Бланки и бланкисты в период контрреволюции 1849—1851 гг. Этого опасного, трагического положения не могли преодолеть и революционные вожаки пролетариата — бланкисты. Их организация так и не смогла оправиться от тяжких поражений, нанесённых ей реакцией в мае — июне 1848 г. Лучшие люди бланкистов и прежде всего сам Бланки сидели в тюрьмах и были почти наглухо изолированы от масс. Реакции удалось внести разложение в среду заключённых революционеров. Их силы почти полностью поглощала борьба против сторонников Барбеса, которые подхватили клеветнические обвинения против Бланки и не переставали травить его и в тюрьме.

Уроки поражений не прошли для бланкистов бесследно. Сам Бланки немало размышлял над ними во время своего тюремного заключения. Он предостерегал своих сторонников и рабочих от каких-либо иллюзий насчёт Горы и её способности возглавить дальнейший ход революции. «Гора мертва, — говорил Бланки, — социализм — единственная сила, способная пересоздать современное общество». В своём «Предупреждении к народу» по поводу затеянного лондонскими эмигрантами банкета по случаю третьей годовщины февральской революции Бланки писал, что главная опасность, которая угрожает завтра революции, та же самая, о которую разбилась и февральская революция: «достойная сожаления популярность, какой пользуются буржуа, замаскировавшиеся под народных трибунов». К ним Бланки причислял, помимо буржуазных республиканцев, и мелкобуржуазного демократа Ледрю-Роллена, и соглашателей — социалистов Луи Блана и Альбера — «предателей... выдавших народ реакции». «Если хоть один из этих людей снова попадёт в правительство, — говорил Бланки рабочим, — пусть народ кричит: «измена!»

Как и другие пролетарские вожди, Бланки ожидал в тот период нового подъёма революции, победы нового народного восстания.

Для новой фазы революции он выдвигал в качестве основного требования вооружение пролетариата и разоружение буржуазии. «Предателями будут те правители, — говорил Бланки в этом обращении к французскому народу, — которые, будучи поднятыми на пролетарский щит, не произведут тотчас же: 1) разоружения буржуазной гвардии, 2) вооружения и организации национальной милиции из рабочих. Конечно, должны быть приняты и многие другие меры, но прежде всего эти; они являются гарантией всего остального, единственным залогом безопасности для народа».

Но Бланки не пошёл дальше, не сделал из этой мысли выводов о необходимости диктатуры пролетариата. Он был далёк от правильного понимания пролетариата как единственного, последовательно революционного класса капиталистического общества. Под пролетариатом Бланки понимал и рабочих, и трудящихся крестьян, и беднейшие слои интеллигенции, и городскую бедноту.

На почве этих новых идей Бланки произошло сближение его последователей в лондонской эмиграции с руководимым Марксом «Союзом коммунистов». В результате этого сближения в Лондоне было подписано соглашение между немецкими коммунистами, бланкистами и левыми чартистами о создании «Всемирного общества коммунистов-революционеров». Первая статья этого соглашения (его подписали К. Маркс, Ф. Энгельс и А. Виллих — от немецких коммунистов, Дж. Гарни — от чартистов и Ж. Видаль и Адам — от бланкистов) указывала на то, что целью создаваемого общества является «низложение привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариата путём поддержания перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма...»¹.

Однако, несмотря на связи с марксистами и поступательное идейное развитие самого Бланки, всё же бланкисты оказались неспособными решить задачу создания революционной пролетарской партии, отсутствие которой так губительно сказывалось на всём ходе революции во Франции. Ни Бланки, ни его сторонники не разработали и не выдвинули социальной и политической программы, способной привлечь к ним широкие рабочие массы и мелкое крестьянство. Хотя Бланки в упомянутом «Предупреждении к народу» и подчёркивал, что «решающим орудием прогресса» наряду с «вооружением» является и «организация», всё же бланкисты попрежнему не уделяли внимания организаторской работе в массах и подменяли её узким вопросом конспирации и инсurreкции. Но даже конспиративной организации, сколько-нибудь серьёзных размеров, бланкисты не восстановили. В самой Франции у них были лишь разрозненные группы и одиночки-последователи, которые не могли восполнить пролетариату и демократическому лагерю слабость и растущее бессилие Горы.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 585.

Идейная слабость Бланки привела к тому, что он, не будучи в состоянии до конца извлечь уроки из опыта борьбы 1848—1851 гг., в дальнейшем снова вернулся к заговорщической тактике и в 60-х годах XIX в. повторил и углубил свои ошибки дореволюционного периода.

Борьба внутри «партии порядка». Соперничество легитимистов и орлеанистов с бонапартистами.

Закон 31 мая не консолидировал и лагерь буржуазной реакции. Наоборот, он привёл к новой ожесточённой борьбе внутри этого лагеря. Путь к реставрации монархии казался теперь расчищенным, и соперничество легитимистов, орлеанистов и бонапартистов вступило в новую фазу. В парламентские каникулы 1850 г. легитимистские лидеры отправились в Висбаден, где проживал внук Карла X граф Шамбор, заранее именовавший себя Генрихом V и назначивший даже нечто вроде министерства из числа своих сторонников во Франции. Орлеанисты вели переговоры с проживавшим в Англии внуком Луи Филиппа, графом Парижским. После смерти Луи Филиппа (в августе 1850 г.) среди монархистов усилилось течение, стоявшее за слияние обеих конкурирующих династий и за урегулирование их претензий на трон путём объявления графа Парижского наследником бездетного Генриха V. Генерал Шангарнье обещал этому проекту поддержку армии.

Главное препятствие своим планам и легитимисты, и орлеанисты видели теперь в Луи Наполеоне. Зная о его собственных узурпаторских намерениях, они выражали ему почти открытое недоверие. Постоянная комиссия, оставленная Законодательным собранием на время парламентских каникул 1850 г., не имела в своём составе ни одного бонапартиста. Последние не оставались в долгу. Луи Наполеон предпринял поездку по провинции и усиленно вербовал себе сторонников из среды буржуазии и крестьянства. Пользуясь наступившим оживлением в промышленности и торговле, он рекламировал свою власть как условие экономического процветания страны и подчёркивал, что её сохранение явится залогом нового экономического подъёма и неограниченного накопления капиталов.

Особое внимание бонапартисты уделяли армии, видя в ней важнейшее орудие своего господства. Они стремились всеми способами подкупить и разложить офицеров и солдат, собрать вокруг себя и возвысить худшие элементы армии, карьеристов всех чинов и званий.

Луи Наполеон и его главный советник по этим вопросам, капитан Флери, примкнувший к бонапартистскому лагерю из чисто карьеристских побуждений и вскоре ставший личным адъютантом президента, не жалели усилий и средств на подкуп офицеров.

Флери немало помог Луи Наполеону и в подборе бонапартистской военной верхушки. Он рекомендовал Луи Наполеону приблизить к себе беспринципного авантюриста генерала Леруа де Сент-Арно, которого Флери знал по своей службе в Алжире.

Флери же разработал хитроумный план возвышения этого генерала, выгнанного в своё время из полка за «самовольное обращение» с казёнными деньгами, а затем оскандалившегося в Лондоне при попытке заложить в ломбарде одеяла своей квартирной хозяйки. Флери предложил затеять новую военную экспедицию против племени кабил в Африке, чтобы дать Сент-Арно лёгкий случай «прославиться» и, повысив его в чине, перевести затем в Париж.

Другим приёмом, рассчитанным на завоевание популярности среди солдат и унтер-офицеров, было угощение их во время многочисленных смотров и парадов войск. Шампанское, сигары, колбаса, дичь, предлагавшиеся солдатам от имени президента и за его счёт, должны были, по замыслу Луи Наполеона, доставить ему популярность в армии. С той же целью в Елисейском дворце устраивались частые вечера, банкеты и попойки для офицеров парижского гарнизона.

Противники бонапартизма иронизировали по поводу этих выходов Луи Наполеона и отказывались верить в серьёзность бонапартистской угрозы. «Как! Треск откупоренных 4—5 тысяч ящиков шампанского станет когда-либо адской машиной, которая опрокинет республику?» — насмешливо писал в своей газете Ламартин. О невозможности бонапартистского переворота заявляла и социалистическая пресса. Ни социалисты, ни республиканцы, ни тем более легитимисты и орлеанисты не замечали реальных корней бонапартизма во внутренней обстановке страны.

в классовой борьбе между пролетариатом, мелкой буржуазией и крупным капиталом, в глубоком кризисе буржуазной демократии, в растущей контрреволюционности верхушки буржуазии и зажиточного крестьянства.

Конфликт между «партией порядка» и президентом Бонапартом стал особенно острым осенью 1850 г. Печать громкогласно разоблачала заговорщическую деятельность правительства д'Опуль — Фульда и «Общества 10 декабря».

Открывшаяся в начале ноября 1850 г. сессия Законодательного собрания предвещала острую борьбу. Однако Луи Наполеон уклонился от неё. Он поспешил дать отставку д'Опулю, на бумаге распустив «Общество 10 декабря» и обратился к Собранию с посланием, полным заверений в преданности конституции. Это послание встретило благоприятный приём у буржуазии.

С помощью такого маневра Луи Наполеон избежал опасного столкновения с «партией порядка» из-за скандальных разоблачений об «Обществе 10 декабря», о бонапартистских интригах в армии и т. д. «Партия порядка», отказавшись от борьбы в столь благоприятных для неё условиях, передала инициативу нападения в руки Луи Наполеона. И тот не преминул этим воспользоваться при первой же возможности.

Переход военной власти в руки бонапартистов.

Подготовка бонапартистского государственного переворота.

В январе 1851 г. Луи Наполеон сместил с поста командующего войсками парижского гарнизона своего главного соперника — генерала Шангарнье, являвшегося главным доверенным «партии порядка» в армии. Шангарнье, бравировавший своим положением и влиянием в армии и в Собрании, открыто проявлял своё враждебное и презрительное отношение к президенту. Бонапартистскому префекту полиции Карлье он говорил без обиняков: «Пусть мне дадут подписанный председателем Собрания ордер на арест президента, и я мигом отвезу его в Венсенскую тюрьму». Объясняя австрийскому послу причину смещения Шангарнье, Луи Наполеон доказывал, что он должен был устранить Шангарнье, так как иначе был бы сам устранён.

Увольнение Шангарнье завершало переход военной власти из рук «партии порядка» в руки Луи Наполеона. И тем не менее смещение Шангарнье не встретило серьёзного отпора со стороны Собрания. «Партия порядка» и на этот раз не отважилась на решительную борьбу с Луи Наполеоном.

После отставки Шангарнье борьба между президентом и парламентом вступила в новую фазу: она приняла совершенно открытый характер. 12 января 1851 г. Луи Наполеон составил новое министерство, в котором из прежних министров остались только Барош и Фульд. Собрание выразило недоверие этому министерству. Тогда Луи Наполеон заменил его другим, составленным из совершенно бесцветных и никому не известных чиновников. Но уже 11 апреля оно было заменено новым министерством с участием

Бароша, Фульда, Руэра и Леона Фоше, бывшего орлеаниста, пошедшего на сотрудничество с бонапартистами.

Этими зигзагами политического курса Луи Наполеон отвлекал внимание Собрания от происходившей подготовки государственного переворота. Тем временем бонапартистские лидеры занялись мобилизацией своих сил. Флери отправился в Аликир вербовать африканских генералов. После «шобедоносной» экспедиции против кабиллов, Сент-Арно был повышен в чине и назначен командиром одной из дивизий парижского гарнизона. Генерал Маньян, усмиритель лионского восстания 15 июня 1849 г., был назначен командующим войсками столицы. Он давно был связан с бонапартистами и был замешан ещё в булонском заговоре 1840 г. В Париж был переведён и ряд других высших офицеров, либо близких к бонапартистам, либо внушавших им доверие.

Экономическое положение 1851 г. и рост бонапартистских настроений в среде буржуазии и крестьянства.

Контрреволюционные настроения помещиков, буржуазии и зажиточного крестьянства получили новую пищу в наступившей в 1851 г. внезапной заминке в делах. Весной 1851 г. произошло резкое свёртывание французского текстильного экспорта, встретившегося на внешних рынках с английской конкуренцией. Это в свою очередь повлияло на состояние французской промышленности.

Затянувшаяся до глубокой осени 1851 г. промышленная депрессия расхолаживающе действовала на ищущие применения свободные капиталы. Число акционерных обществ, учреждённых в 1851 г., уменьшилось почти вдвое по сравнению с 1850 г. Капиталисты во всём винили неустойчивое политическое положение в стране, борьбу «партии порядка» против президента и всё больше склонялись к бонапартистской программе диктатуры, сулившей и экономический подъём, и неограниченные возможности накопления капитала.

В то же время экономическая депрессия 1851 г. ещё более усилила недовольство крестьянства республикой. Из сельскохозяйственных департаментов шли вести о бедственном положении населения из-за падения цен на сельскохозяйственные продукты. Бонапартистские агитаторы распространяли по деревням легенду о Наполеоне как о «крестьянском императоре», и эта легенда овладевала умами миллионов крестьян, искавших выхода из нужды и разорения. «Масса населения надеется, что с императором вернётся материальное процветание», — сообщал комиссар Кандома в январе 1851 г. Как отмечал позднее Энгельс, в крестьянстве обозначился явный раскол: «передовая часть этого крестьянского класса перешла в ряды красной партии; но вся масса в целом осталась верна своим традициям и утверждала, что если Луи Наполеон не тот Мессия, которого в нём видели, то в этом виновато Национальное собрание, которое ему мешало»¹.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 424

Объясняя характер этой веры большинства французских крестьян в династию Бонапартов и в Луи Наполеона, Маркс указывал на силу заскоружных предрассудков и традиций в массе земельных собственников-крестьян.

«Династия Бонапартов представляет не революционного, а консервативного крестьянина: не крестьянина, рвущегося из рамок своей социальной обстановки, из рамок парцеллы, а крестьянина, желающего укрепить эту парцеллу; не деревенское население, стремящееся собственными силами, наряду с городами, испровергнуть старый порядок, а деревенское население, которое, наоборот, тупо замыкается в этом старом порядке и ожидает спасения и преимуществ для себя и своей парцеллы от призрака империи. Династия Бонапартов представляет не просвещение, а суеверие крестьянина, не его рассудок, а его предрассудок, не его будущее, а его прошедшее...»¹. Готовую почву для этих бонапартистских настроений в крестьянстве создало давнишнее недовольство деревни пренебрежением к нуждам сельского хозяйства, которым отличалась политика и июльской монархии и буржуазной республики, и острое раздражение земельных собственников тем привилегированным положением, которое занимала в налоговой, кредитной и торговой политике собственность городской буржуазии по сравнению с земельной собственностью.

Вместе с надеждами на материальное процветание развитию бонапартистских настроений способствовало запугивание собственников призраком грабежей и насилий, террора и анархии, якобы угрожающих стране в случае победы «красных» на президентских выборах 1852 г.

Осенью 1851 г. военный трибунал в Лионе судил «Молодую Гору». С помощью полицейской стражи было создано обвинение в создании обширной, разветвлённой заговорщической организации, готовившейся поднять восстание в 15 юго-восточных департаментах Франции. Каждую вспышку народного гнева прокурорские донесения спешили изобразить в виде «заговора» или «мятежа». Так, например, департамент Ардеш был объявлен на осадном положении. Поводом к этому послужили беспорядки, которые происходили в ноябре 1850 г. в двух деревнях этого департамента, где население, возмущённое арестом местного помощника мэра, вступило в борьбу с конвоем и отбило арестованного.

Запугивание «жакерией» становилось излюбленным приёмом бонапартистской пропаганды среди имущих классов. Иумный успех имела брошюра литератора, бывшего префекта Ромье — «Красный призрак 1852 года», содержащая открытую проповедь военной диктатуры. Ромье всячески расписывал «ужасы», ожидающие будто бы собственническую Францию 2 мая 1852 г., в день президентских выборов. «Везде уже дан пароль, нет ни одного дерева, ни одного куста, за которым не скрывался бы враг, приготовив-

шийся к великой социальной битве. Первый же удар набата будет повторён огромным эхо...»

Брошюра заканчивалась открытым призывом к установлению военной диктатуры. «Это общество прокуроров и лавочников находится в агонии, оно сможет ожить лишь тогда, когда за его спасение возьмётся солдат... Только пушка может разрешить вопросы нашего столетия, и она разрешит их, хотя бы ей пришлось прийти для этого из России». Последние слова означали открытый призыв к контрреволюционной интервенции царизма для удушения республики и демократии во Франции.

Одновременно усилились нападки бонапартистской печати на Собрание. Тон этих нападок делался всё более вызывающим по мере того, как авторитет Собрания падал в глазах буржуазии. С каждым днём росло число монархических депутатов Законодательного собрания, перебежавших в лагерь бонапартистов. Голосования в Законодательном собрании свидетельствовали о том, что «партия порядка» утратила в нём самостоятельное большинство и в борьбе с бонапартистами всё больше зависела от поддержки республиканцев. Но ослеплённые ненавистью к трудящимся массам, монархисты продолжали свой непримиримый курс в отношении рабочего класса и демократического движения. Предложенная республиканцами в феврале 1851 г. амнистия политическим заключённым была отвергнута в комиссии Собрания.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 406—407.

Предложение о пересмотре конституции и его провал в Законодательном собрании.

В центре политической жизни страны летом 1851 г. стало предложение о пересмотре конституции. Бонапартисты поддерживали идею «частичного пересмотра» конституции с тем, чтобы уничтожить те её статьи, какие запрещали переизбирать одно и то же лицо президентом республики на второй срок. Они рассчитывали таким способом продлить пребывание Луи Наполеона у власти и обеспечить в дальнейшем восстановление империи. Легитимисты стремились к «полному пересмотру» конституции — к уничтожению республики и реставрации Бурбонов. Орлеанисты раскололись. Часть орлеанистов поддерживала проект «полного пересмотра», имея в виду установить десятилетний срок президентства. Она рассчитывала этой уступкой отвлечь Луи Наполеона от намерения совершить переворот и выиграть время для возможной в будущем реставрации Орлеанской монархии. Другая часть орлеанистов во главе с Тьером выступала против пересмотра конституции, так как надеялась, что после истечения срока президентских полномочий Луи Наполеона, т. е. в 1852 г., ей удастся добиться избрания на пост президента своего кандидата.

Согласно конституции для принятия Собранием решения о её пересмотре требовалось не менее $\frac{3}{4}$ голосов общего числа депутатов. Между тем республиканцы обладали в Собрании более чем 215 голосами, т. е. немногим менее $\frac{1}{3}$ общего числа депутатов. Это заранее исключало получение сторонниками пересмотра требуемого конституцией большинства. Несмотря на эту невозможность добиться пересмотра конституции парламентскими методами, бонапартисты развернули во всей стране шумную кампанию. Собирали подписи и под петициями в Законодательное собрание, требовавшими пересмотра. Цель бонапартистов состояла в том, чтобы получить предлог для государственного переворота в случае неудачи проекта пересмотра конституции, неудачи, которую легко было предвидеть.

Предложение о пересмотре конституции было отклонено летом 1851 г. Против этого предложения голосовали республиканцы, часть орлеанистов (сторонники Тьера) и даже отдельные легитимисты, что составило более одной трети общего числа депутатов. Луи Наполеон теперь стал спешить с переворотом. Он торопился использовать парламентские каникулы Собрания, считая, что это обстоятельство облегчит дело. Но Сент-Арно вдруг отказался участвовать в перевороте и стал доказывать Луи Наполеону, что момент избран неудачно: депутаты Законодательного собрания, разъехавшиеся на каникулы по всей стране, могут организовать на местах сопротивление. Луи Наполеон и его ближайшие советники — Морни, Персиньи, Руэр согласились с доводами Сент-Арно. Решено было перенести срок переворота на тот момент, когда Законодательное собрание возобновит свою работу, с тем чтобы разогнать его и арестовать наиболее видных депутатов.

Опасения Сент-Арно произвели всё же на Луи Наполеона немалое впечатление. Чтобы помешать созданию единого антибонапартистского фронта в Собрании и в стране, углубить раскол между «партией порядка» и республиканцами, отвлечь внимание и усыпить бдительность Собрания, Луи Наполеон предпринял новую политическую диверсию.

Предложение квесторов. Паралич Законодательного собрания.

В день возобновления работ Законодательного собрания, 4 ноября 1851 г., Луи Наполеон обратился к Собранию с предложением отменить закон 31 мая 1850 г. и восстановить всеобщее избирательное право. Барош и Фоше, ярые защитники закона 31 мая, вышли в отставку. Было сформировано новое министерство, вполне послушное воле президента. Префектом парижской полиции был назначен Мопа, бывший префект департамента Алье. Это назначение было весьма характерным. Незадолго до того Мопа был вызван министром внутренних дел для объяснений по поводу предъявленных ему обвинений в произволе и беззаконии. Мопа требовал от прокурорских властей департамента Алье ареста республиканцев — членов генерального совета департамента. Когда же прокуратура отказалась это сделать, ссылаясь на то, что у неё нет никаких улик против этих людей, Мопа предложил простой выход: его агенты подбросят нужные улики в квартиры намеченных жертв. Выговор, который Мопа получил от начальства за свою бесцеремонность, послужил ему лучшей рекомендацией в глазах Луи Наполеона, искавшего решительного, на всё готового карьериста для замещения важной должности парижского префекта.

Предложение о восстановлении всеобщего избирательного права било новый клин во взаимоотношения между «партией порядка» и республиканцами. При первом же обсуждении этого предложения оно было отклонено большинством в семь голосов (за него голосовали и республиканцы, и демократы, и бонапартисты). Своим отказом от уступки демократическим требованиям в такой критический момент «партия порядка» сорвала всякую возможность сотрудничества с республиканцами для противодействия бонапартистской угрозе. Последствия этого окончательного разрыва с республиканским лагерем не замедлили сказаться.

Ввиду усилившихся слухов об угрозе переворота, уполномоченные Законодательного собрания по охране его безопасности (так называемые квесторы) внесли 6 ноября 1851 г. предложение, направленное на обеспечение права председателя Собрания, вызывать войска для охраны Собрания.

Вокруг этого предложения завязалась острая борьба. Бонапартистские заговорщики пустили в ход все средства пропаганды и интриги, чтобы помешать принятию Собранием этого предложения, осуществление которого могло расстроить все их планы. Они даже решили, в случае если Собрание примет предложение квесторов, немедленно окружить его войсками и разогнать. Однако

дело до этого не дошло. Против предложения квесторов выступила большая часть республиканцев и демократов. Они видели в этом предложении лишь уловку «партии порядка», желающей заполучить в своё распоряжение вооружённые силы для монархической реставрации. Особенно велика была ответственность Горы за эту большую ошибку. Ораторы Горы односторонне сосредоточивали огонь на «партии порядка», видя в ней своего главного врага и отрицая опасность со стороны бонапартистов. В результате оппозиции большинства республиканцев предложение квесторов было отклонено (403 голосами против 300). Таким образом, Законодательное собрание продемонстрировало свой полный паралич, свою полную неспособность к самозащите. «Национальное собрание, — указывает Маркс, — утратило способность принимать решения. Его составные атомы не были более связаны никакой силой, оно испустило последний дух, оно превратилось в труп»¹.

Этот очевидный для всех крах Законодательного собрания и парламентской диктатуры буржуазии укреплял бонапартистские симпатии в среде торговой, промышленной и финансовой буржуазии и способствовал её окончательному разрыву с «партией порядка».

Блестящую характеристику сложившегося к этому времени состояния общественного мнения французской буржуазии дал Маркс в своей работе о бонапартистском перевороте 1851 г. «Представим себе теперь французского буржуа посреди этой торговой паники с его извращенным мозгом, который всё время терзают, удручают, оглушают слухи о государственных переворотах и восстановлении всеобщего избирательного права, известия о борьбе между парламентом и исполнительной властью, интригах орлеанистов и легитимистов, коммунистических заговорах в южной Франции, мнимых жакериях в Ньеврском и Шерском департаментах, рекламах различных кандидатов в президенты, шарлатанских рецептах газет, угрозах республиканцев защищать конституцию и всеобщее избирательное право с оружием в руках, послания эмигрировавших в чужие края героев, предвещавших светопреставление к 2 мая 1852 г., — и тогда мы поймём, что буржуа посреди этой неописанной шумной суматохи слияния, пересмотра конституции, продолжения конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и революции бешено рычит своей парламентской республике: «Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас!»² «Бонапарт, — подчёркивал Маркс, — понял этот крик». Уверенный в поддержке буржуазии, он перестал колебаться. К тому же его подстёгивали и требования кредиторов, и слухи о готовящемся орлеанистском перевороте. Луи Наполеон прекратил дальнейшие отсрочки пере-

ворота и избрал днём его осуществления 2 декабря — годовщину битвы при Аустерлице в 1805 г., когда Наполеон I одержал блестящую победу.

Государственный
переворот
2 декабря
1851 г.

В ночь на 2 декабря бонапартистские заговорщики приступили к осуществлению своего плана. Опираясь на государственный аппарат, армию и полицию, они нанесли хорошо рассчитанный удар по Законодательному собранию. Руководящие деятели легитимистов и орлеанистов и виднейшие республиканцы были арестованы ночью на своих квартирах и увезены в тюрьму. Среди арестованных были Тьер, Моле, Шангарнье, Кавеньяк, Бедо, квесторы Собрания Ламорисьер, Баз и другие видные депутаты. Бурбонский дворец, где заседало Собрание, был занят войсками. Президентский декрет объявлял о роспуске Законодательного собрания и Государственного совета. В Париже и его окрестностях вводилось военное положение. В обращениях к народу, отпечатанных в ночь на 2 декабря и расклеенных к утру на стенах Парижа, Луи Наполеон оправдывал свои преступные действия — насильственное нарушение конституции и узурпацию власти. Он утверждал, что Собрание стало центром заговора против республики и что действия президента ставят своей целью «сохранить республику и спасти страну». Эта наглая ложь увенчивалась мероприятием, посредством которого Луи Наполеон рассчитывал окончательно запутать общественное мнение страны, затуманить в глазах широких масс контрреволюционный характер переворота, обеспечить ему поддержку и сочувствие в народе. Президентским декретом отменялся закон 31 мая и восстанавливалось всеобщее избирательное право. В ближайшие недели, между 14—21 декабря, назначалось всенародное голосование (плебисцит), которое должно было якобы выяснить отношение страны к действиям президента и к выдвигаемому им проекту новой конституции. Этот проект излагался Луи Наполеоном в самых общих чертах. Речь шла о десятилетнем сроке президентских полномочий и о наделении президента неограниченной властью.

Республиканское
сопротивление. Восста-
ние 3—4 декабря
в Париже.

События 2 декабря застигли врасплох и «партию порядка», и буржуазных республиканцев, и Гору. Среди значительной части буржуазии, чиновничества и офицерства переворот быстро нашёл поддержку и одобрение. Узурпаторские действия Луи Наполеона оправдывали и клерикалы, перешедшие во главе с Монталамбером на сторону президента.

Они призывали буржуазию и помещиков решительно встать на сторону Луи Наполеона и простить ему все его преступления против конституции, все его клятвопреступления. Вождь клерикалов Монталамбер отчётливо выразил сокровенные причины бонапартистских симпатий всего буржуазного лагеря. «Голосовать против Луи Наполеона, — писал он в католической газете «Univers» (Вселенная), — это значит дать оправдание социалистической революции, которая в настоящее время является единственно возможной

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 397.

² Там же, стр. 394—395.

наследницей нынешнего правительства. Это значило бы призвать к замене диктатуры принца, оказавшего за эти три года несравненные услуги делу порядка и католицизма, диктатурой красных». Легитимисты и орлеанисты ограничились «легальным сопротивлением» перевороту, носившим лишь формальный характер. Депутаты «партии порядка» собрались в доме Одилона Барро и в мэрии 10-го округа Парижа. Было принято постановление об отрешении Луи Наполеона от должности президента и о переходе всей власти к Собранию. Однако депутаты наотрез отказались от обращения за помощью к рабочим предместьям. «Закон, закон!» — кричали депутаты-монархисты в мэрии 10-го округа: «Не надо революции!» Попытки «легального сопротивления» перевороту были быстро подавлены полицией и войсками. Депутаты, собравшиеся в мэрии 10-го округа, дали себя арестовать и к вечеру оказались в тюрьмах, где уже с утра находились их лидеры.

Попытку сопротивления предприняли левые республиканцы. Группа левых депутатов во главе с Виктором Гюго призвала народ к оружию, к активной защите конституции против узурпатора-президента и создала «Комитет сопротивления» перевороту. 3 декабря на улицах Парижа началась постройка баррикад. Отдельные депутаты Горы во главе с Боденом отправились в Сент-Антуанское предместье и соорудили там баррикаду, пытаясь увлечь рабо-

чих на борьбу. При атаке этой баррикады войсками Боден был убит. Во второй половине дня в рабочих кварталах Сен-Мартен и Сен-Дени началось уже серьёзное республиканское восстание. Участники республиканских тайных обществ вступили в борьбу с полицией и войсками.

Опасаясь затяжной борьбы, способной привести в движение массы, руководители бонапартистского переворота Морни и Сент-Арно решили покончить с восстанием коротким и беспощадным ударом. Вечером 3 декабря войска были уведены в казармы. Воспользовавшись этим, республиканцы расширили район восстания. 4 декабря сеть баррикад охватила уже весь правый берег Сены до ворот Сен-Дени. Число защитников баррикад было невелико — около 1 200 человек, преимущественно рабочих, членов тайных обществ. Днём 4 декабря против восставших республиканцев было двинуто 30 тыс. отборных войск с артиллерией. Пьяные солдаты и офицеры, получив соответствующие инструкции, действовали с исключительной жестокостью. Защитники баррикад расстреливались на месте. Разнузданная солдатчина внезапно открыла огонь на бульварах по гуляющей публике, по посетителям кафе, по окнам домов и балконам. Число жертв кровавой бойни 4 декабря никогда не было точно установлено. Бонапартистские власти, стремившиеся всячески его преуменьшить, утверждали, что было 215 убитых и 119 раненых; «Монитор» говорил о 380 убитых. Но английская газета «Таймс» утверждала, что число убитых достигало 2 тысяч, и эту же цифру называл Пальмерстону английский посол в Париже лорд Норманби.

Кровавый террор бонапартистских властей заставил умолкнуть всякую буржуазную оппозицию. Как писал Энгельс, «ряд залпов по закрытым окнам и безоружным буржуа оказался достаточным для того, чтобы подавить в парижском среднем классе всякое сопротивление»¹.

Что касается монархистов из «партии порядка», то они, даже будучи в тюрьме, одобряли расправу Луи Наполеона над республиканцами. Это не помешало той же «партии порядка» возлагать главную вину за успех бонапартистского переворота на парижских рабочих, обвинять их даже в сочувствии бонапартизму. Обвинение это основывалось на том, что парижские рабочие не проявили должной активности в дни переворота. В действительности относительная пассивность рабочих масс Парижа имела совсем другие причины.

Рабочий класс был к этому времени почти совершенно обессилен. «Подлинная мощь, цвет революционного рабочего класса был или убит во время июньского восстания, или выслан и заключён в тюрьмы по бесчисленным разнообразным предложениям после июньских событий»². Более чем трёхлетняя политика репрессий

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 421.

² Там же, стр. 421.

п террора против рабочего и демократического движения привела к тому, что в момент бонапартистского переворота пролетариат уже не имел никаких массовых организаций — ни клубов, ни обществ взаимопомощи, ни союзов, ни политических ассоциаций. Рабочие были исключены из национальной гвардии и давно лишлись оружия. Кроме того, рабочие и не могли проявлять какого-либо сочувствия к депутатам «партии порядка» и к Законодательному собранию; легитимисты и орлеанисты были в глазах рабочих врагами и угнетателями народа ничуть не меньше, чем Луи Наполеон и его шайка. И тем не менее сохранившиеся в парижском пролетариате сознательные и передовые элементы участвовали в республиканском восстании 3 и 4 декабря. Рабочие составили костяк восставших и дравшихся на баррикадах борцов за республику. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что даже по преуменьшенным полицейским данным из 158 убитых защитников баррикад 101 человек были рабочие.

Республиканские восстания крестьян и мелкой буржуазии в провинции. Террор бонапартистской диктатуры.

Оказались бессильными противодействовать перевороту и рабочие крупных промышленных центров. В этих городах к концу 1851 г. пролетариат также был уже полностью разоружён и лишён своих организаций. Однако и в провинции переворот встретил довольно серьёзное сопротивление. Это сопротивление оказали сельскохозяйственные департаменты юго-восточной, юго-западной и центральной Франции — районы крупного помещичьего землевладения и мелкого парцеллярного крестьянства. В этих районах демократические элементы имели возможность сохранить свои силы и влияние в гораздо большей степени, чем в крупных городах, наводнённых войсками и полицией. К концу 1851 г. здесь сохранились и численно даже выросли тайные республиканские общества. Вот почему именно здесь был дан наиболее серьёзный отпор бонапартистскому перевороту. В двадцати департаментах — Алье, Ньевр, Шер, Монн, Луарэ, Ло, Ло-э-Гаронн, Жер, Восточных Пиренеев, Эро, Гар, Ардеш, Вар, Нижних Альп, Буш-дс-Рон, Воклюз, Дром, Юра, Сона-и-Луара, Сарт — вспыхнули вооружённые восстания. Главными участниками их были крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы маленьких городков, местечек и сёл. Руководство принадлежало сельским мэрам, учителям, журналистам и другим представителям демократической интеллигенции, примыкавшим по своим взглядам к Горе. Однако все эти восстания носили разрозненный характер, не имели ни общего руководства, ни общей программы действий. Восставшие не выдвигали социальных требований и политических лозунгов, выходивших за рамки защиты республики. Они ограничивались арестами отдельных реакционеров, смещением бонапартистских чиновников, реквизициями продовольствия для нужд повстанческих отрядов. Собственность граждан тщательно охранялась. Лишь в редких случаях восставшие крестья-

не сжигали архивы нотариусов и объявляли об отмене налога на вино. Тем не менее бонапартистские власти и реакционная печать поспешили объявить эти республиканские восстания давно предсказанной «жакерией» и наводнили Францию лживыми сообщениями и слухами о «зверствах», «грабежах», «жестокостях», которые якобы чинят «банды» повстанцев.

Этой ложью бонапартисты достигли двойной цели. Перепуганные буржуа и зажиточные крестьяне ещё теснее сплотились вокруг бонапартистских заговорщиков, видя в них «спасителей общества». С другой стороны, власти развязали себе руки для террористического похода против республиканских и демократических элементов по всей стране.

После подавления восстаний было арестовано свыше 26 тыс. человек. Среди арестованных были 5 423 земледельца и 1 850 подёнщиков и более 8 500 ремесленников и рабочих, из которых — 1 107 сапожников, 888 столяров, 733 каменщика, 688 портных, 642 ткача, 457 кузнецов, 428 слесарей, 415 булочников и т. д. Кроме них, в числе арестованных было 225 адвокатов, 325 врачей, 621 учитель, 616 торговых служащих, 990 содержателей гостиниц и трактиров и 1 570 рантье. Декретом от 8 декабря префекты департаментов были наделены правом отправлять в ссылку без суда всех участников тайных обществ — к ним можно было причислить любого республиканца, любого посетителя республиканского собрания. В начале января 1852 г. в департаментах были учреждены так называемые «смешанные комиссии», состоявшие из префекта, прокурора и командующего войсками. Эти комиссии просматривали списки и дела участников восстаний и всех вообще граждан, заподозренных в республиканских настроениях. На основе решений этих комиссий множество противников бонапартистского режима были либо преданы суду, либо без суда отправлены в ссылку, на каторгу, в изгнание. По официальной бонапартистской статистике, репрессиям подверглось около 21 тыс. человек, из них 10 тыс. было сослано в Алжир и в Каённую и около тысячи изгнано из Франции.

Назначенный на 21 декабря 1851 г. «плебисцит» происходил в условиях уже развернувшегося по всей стране бонапартистского террора. С остатками демократических свобод было покончено, и всякая возможность легальной оппозиции бонапартистской диктатуре была ликвидирована.

Восстанавливая всеобщее избирательное право, Луи Наполеон первоначально вводил систему открытого голосования. Но затем, ввиду массового протеста и недовольства (даже в армии, где плебисцит был проведён немедленно после переворота, немало офицеров голосовало против), открытое голосование было заменено тайным. Однако фактически противники переворота были лишены всяких возможностей вести агитацию против президента, а всех уклоняющихся от участия в голосовании власти брали на

учёт, угрожая им преследованиями. Зато бонапартистская демагогическая пропаганда действовала вовсю, расточая посулы и обещания, в которые верило большинство крестьян. В результате всех этих обстоятельств «плебисцит 21 декабря» дал 7 439 216 голосов, одобрявших действия Луи Наполеона, и 646 737 голосов против Луи Наполеона.

Этот успех вселил в бонапартистскую шайку уверенность в своих силах, в возможность неограниченного господства над страной с помощью террора, подкупов и обмана масс. Ближайший советник Луи Наполеона Персиньи, ставший теперь министром внутренних дел, откровенно излагал программу действий бонапартистской диктатуры. «Коррупция и террор в широком масштабе, — говорил Персиньи, — разве не были они всегда самым мощным оружием сильных правительств? Мы получаем это оружие совсем еще не израсходованным, едва притупившимся. Какую пользу мы сумеем из него извлечь? Наши предшественники практиковали лишь мелкую коррупцию, — мы же, действуя напрямик, с деньгами в одной руке и с железом в другой, сумеем повести за собой страну далеко».

Через год, 2 декабря 1852 г., вторая республика была упразднена и формально: «герой» декабрьского переворота, клятвопреступник и авантюрист Луи Наполеон стал императором французов под именем Наполеона III.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция 1848 года во Франции оказала огромное влияние на весь ход современной истории. Уроки этой революции имели всемирно-историческое значение. «За три года, 1848—1851, — писал Ленин, — Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру»¹. Это касается прежде всего политических форм развития буржуазного общества.

Особенности исторического развития Франции в конце XVIII в. и первой половине XIX в. привели к тому, что Франция оказалась первой капиталистической страной, которая вынуждена была создать самую прогрессивную форму современного буржуазного государства — демократическую республику, в обстановке развитого революционного рабочего движения и острых классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом и мелкой буржуазией.

Буржуазная революция XVIII в. и бурная история первой трети XIX в. провели глубокий политический раскол в господствующих классах Франции. Приходившие поочередно к власти различные группы крупных землевладельцев-дворян и буржуазии создавали каждая свои собственные системы диктатуры, собственные монархии. Борьба, которая выступала в других странах чаще всего в виде идеологических и политических конфликтов между различными партиями, во Франции приняла форму ожесточенного и непримиримого соперничества разных династий и их приверженцев, идеологов и прихлебателей. Вследствие этого во Франции формой совместного господства разных групп буржуазии могла стать только республика, а не монархия. Буржуазная революция, ставившая своей задачей свержение самодержавия финансовой аристократии и осуществление власти всей буржуазии в целом как класса, неизбежно порождала республику в качестве единственно возможной политической формы такой власти. Но республики настойчиво добивались во Франции враждебные

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 391.

буржуазии классы: пролетариат, видевший в демократической республике политическую форму своего освобождения от капиталистической эксплуатации, и мелкая буржуазия, видевшая в ней средство своей защиты от гнёта крупного капитала. Именно пролетариат в союзе с мелкой буржуазией завоевал в феврале 1848 г. республику, вопреки намерениям и планам буржуазии, остававшейся в своей большей части монархической. Таким образом, как указывал Ленин, «республика была навязана буржуазии временной ситуацией, и буржуазия, разделявшаяся на две фракции легитимистов и орлеанистов, — лишь вопреки своей воле терпела республику»¹. Контрреволюционные настроения буржуазии ещё более усилились после июньского восстания парижских рабочих, которые открыто, с оружием в руках поднялись на свержение буржуазии и её власти. С разгромом рабочего класса республика лишилась своей главной опоры. Все попытки мелкобуржуазных демократов укрепить её существование были обречены теперь на неудачу, и сама мелкобуржуазная демократия, потерпевшая поражение вслед за рабочим классом, который она предала в июне 1848 г.

Не менее поучительными были и последующие события из истории Второй республики во Франции — ликвидация всеобщего избирательного права и других демократических завоеваний февральской революции. Этими мероприятиями французская буржуазия показывала, что она не может обеспечить своё господство в стране при сохранении основ буржуазной демократии. Такое отношение буржуазии к демократическим свободам не было случайным. История революции 1848 г. показала, что буржуазия не располагала тогда в необходимых размерах средствами, которые впоследствии, в последней трети XIX в., обеспечивали устойчивость буржуазного господства при различных формах буржуазно-демократического государства. К этим средствам относились: крепкий государственный аппарат, послушная армия, мощное влияние буржуазной идеологии и моральная власть буржуазии над народными массами, достаточно широкая опора буржуазии в мелкой буржуазии и крестьянстве. Дело также в том, что в 1848 г. буржуазия не обладала ещё достаточными средствами подкупа и привлечения на свою сторону верхушки рабочего класса и внедрения в рабочие массы буржуазной идеологии с помощью рабочей аристократии. Кроме того, совершая промышленный переворот в значительной мере посредством экспроприации и ограбления мелкой буржуазии и крестьянства, буржуазия не могла воспрепятствовать глубокому революционизированию этих классов и их тяготению к союзу с рабочим классом против крупного капитала.

Но ликвидация всеобщего избирательного права не упрочила буржуазной республики. Несмотря на то, что сохранившаяся формально республика представляла, по выражению Маркса,

«не что иное, как сочетание подлейших сторон двух монархий»¹, буржуазия продолжала чувствовать непрочность и неустойчивость своей власти. Угроза нового подъёма рабочего движения, продолжающееся революционизирование мелкой буржуазии — всё это делало в глазах буржуазии опасными последние остатки демократии, самую республиканскую форму власти, представлявшую высшую и самую чистую форму классового господства буржуазии.

Раскрывая причины, толкавшие буржуазию к отказу от республики и восстановлению монархии, Маркс указывал, что буржуазия испытывала «чувство слабости», заставлявшее её «стремиться назад, к неполным, неразвитым, но именно поэтому менее опасным формам классового господства»². Именно такой формой и была в глазах буржуазии бонапартистская диктатура — реакционная диктатура военщины и растленного буржуазного сброда из подонков буржуазного общества. Выдавая себя за «надклассовое», «надпартийное», «национальное» правительство и обманывая массы обещаниями и мелкими подачками, бонапартистское правительство было в действительности правительством контрреволюционной буржуазии. «Бонапартизм, — говорил Ленин, — есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»³.

Этот вывод имеет немалое значение и для понимания некоторых явлений наших дней. Бонапартистские приёмы обмана масс и ныне в моде у многих буржуазных политиков, историков и идеологов.

После Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР силы рабочего класса и трудящихся масс капиталистических стран неизмеримо выросли, а положение буржуазии во всём мире резко пошатнулось. Вторая мировая война, закончившаяся разгромом фашистских агрессоров — Германии, Италии, Японии, ещё более усилила позиции социализма и демократии, позиции рабочего класса и трудящихся масс во всём мире, и ещё более ослабила позиции буржуазии. И чувство слабости, и контрреволюционность буржуазии во много раз увеличились в эпоху углубления общего кризиса капитализма.

Чувствуя свою обречённость, буржуазия ищет спасения в самой свирепой империалистической реакции — в фашизме, в безудержном терроре против рабочего класса и демократии. При этом фашизм — это орудие монополистического капитала и империализма, иногда не прочь кое-что позаимствовать и у бонапартизма, в частности его методы обмана масс.

Огромное значение имел опыт революции 1848 года во Франции для решения вопроса о задачах пролетариата по отношению

¹ Маркс и Энгельс, Избранные произведения, т. II, М. 1940 г., стр. 273.

² Там же, т. II, стр. 277.

³ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 84.

к буржуазному государству, к той государственной машине, которую создала для себя буржуазия. Опыт французской республики 1848—1851 гг. наглядно показал, какие изменения претерпевает эта государственная машина в ходе демократической революции, какова её роль перед лицом самостоятельных выступлений угнетённых классов. Этот опыт разрушил ошибочное представление о том, будто бы буржуазная государственная машина может быть в ходе революции демократизирована, приспособлена к нуждам пролетариата и трудящихся масс народа. Наоборот, опыт революции во Франции показал, что, несмотря на провозглашение демократической республики, старая монархическая государственная машина и её органы насилия над народом — чиновничий аппарат, армия, полиция и т. д. — сохранились и даже усовершенствовались. В своей борьбе против демократических сил народа буржуазия ещё более усилила централизацию правительственной власти и все средства подавления масс и создала под флагом республики буржуазное полицейское государство, столь же враждебное и чуждое народу, как и монархия Наполеона, Бурбонов и Орлеанов. Таким образом, опыт революции 1848 года привёл рабочий класс к постановке новой, важнейшей задачи по отношению к буржуазной государственной машине. «Все перевороты усовершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать её»¹. Таков был вывод Маркса, основанный на историческом опыте революции и контрреволюции 1848—1851 гг. во Франции. «Этот вывод, — говорил Ленин, — есть главное, основное в учении марксизма о государстве... Учение Маркса здесь, как и всегда, есть освещённое глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории подытожение опыта»².

Наконец, революция во Франции показала в действии все классы буржуазного общества и выявила их истинную роль в демократической революции. Революция 1848 года показала, что «борьба за свободу ведётся только там последовательно, где пролетариат руководит ею. Не союзом с буржуазной демократией учит 1848 год, а необходимости высвободить последние по степени развития слои народных масс из-под влияния буржуазной демократии, не способной бороться даже за демократию»³.

Важнейшим уроком здесь был тот, который требовал высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии и завоевания его на сторону рабочего класса. Одной из главных причин поражения пролетариата и всей революции 1848 года во Франции было то, что рабочий класс оказался неспособным привлечь на свою сторону крестьян, которые стали резервом буржуазии и в большинстве своём опорой бонапартизма.

Ещё большую силу этот вывод имеет для пролетарской революции, которая может быть успешной лишь в том случае, если

она, по выражению Маркса, получит крестьянский хор, без которого её соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песню. Этот урок революции 1848 года, подтверждённый затем уроками Парижской Коммуны 1871 года, с собою силой был подчеркнут ленинизмом. «Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата, — от этого зависит судьба революции»¹.

Революция 1848 года во Франции была, таким образом, одним из самых поучительных эпизодов в истории развития буржуазного общества. Она служит и сейчас ценным источником опыта для рабочего движения ряда капиталистических стран. Через сто лет после этой революции во Франции и во многих других странах вновь стоят вопросы борьбы с финансовой олигархией, упрочения демократического развития страны, защиты её национальной независимости, создания подлинной «демократической и социальной республики». В решении этих задач народам немало помогут суровые уроки классовой борьбы, извлечённые из событий 1848 г.: крах иллюзий классового мира, фальшь «братания» буржуазии с пролетариатом, губительность раскола между пролетариатом и крестьянством, роковые последствия колебаний мелкой буржуазии, банкротство всех видов буржуазного и мелкобуржуазного социализма, подтверждение и торжество идей научного коммунизма.

Но эти страницы столетней давности поучительны ещё и тем, что из них ясно видно, как далеко ушли вперёд рабочий класс и трудящиеся массы, как выросли силы, организованность, зрелость коммунистического движения наших дней по сравнению с 1848 г. «Великая Октябрьская социалистическая революция раскрыла глаза народам, что век капитализма приходит к концу, и что открыты надёжные пути ко всеобщему миру и к великому прогрессу народов. Судорожные усилия империалистов, под ногами которых колеблется почва, не спасут капитализма от приближающейся гибели. Мы живём в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму» (М о л о т о в).

¹ Сталин, Соч., т. VI, стр. 362—363.

¹ Маркс и Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 330.

² Ленин, Соч., т. XXI, стр. 388.

³ Ленин, Соч., т. XI, стр. 239.